

ISSN 2949-5091 (print)
ISSN 2949-513X (online)

МОСКОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

MOSCOW LAW JOURNAL

2024 № 2

ISSN 2949-5091 (print)

2024 / № 2

ISSN 2949-513X (online)

МОСКОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: Юриспруденция

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

«Московский юридический журнал» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки, 5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки, 5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки, 5.1.4 – Уголовно-правовые науки.

The peer-reviewed journal was founded in 1998

“Moscow Juridical Journal” is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) on the following scientific specialities: 5.1.1 – Theoretical and Historical Legal sciences, 5.1.2 – Public Law (State law) sciences, 5.1.3 – Private Law (Civilistic) sciences, 5.1.4 – Criminal Law sciences.

ISSN 2949-5091 (print)

2024 / № 2

ISSN 2949-513X (online)

MOSCOW JURIDICAL JOURNAL

Учредитель журнала «Московский юридический журнал»:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Петручак Л. А. — д-р юрид. наук, проф., Государственный университет просвещения; советник ректората, первый проректор-проректор по образовательной деятельности, Московский государственный лингвистический университет; Академик РАЕН

Заместитель главного редактора:

Ермаков Д. Н. — д-р юрид. наук, д-р экон. наук, проф., Государственный университет просвещения

Члены редакционной коллегии:

Воронин М. Ю. — д-р юрид. наук, проф., Московский государственный лингвистический университет;

Голубцов В. Г. — д-р юрид. наук, проф., Пермский государственный национальный исследовательский университет;

Емелина Л. А. — канд. юрид. наук, доцент, РАНХиГС (Президентская академия);

Иванчин А. В. — д-р юрид. наук, проф., Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова;

Клебанов Л. Р. — д-р юрид. наук, проф., Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы;

Крохина Ю. А. — д-р юрид. наук, проф., Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова;

Лалтева Л. Е. — д-р юрид. наук, проф., РАНХиГС (Президентская академия);

Лукьянова Е. Г. — д-р юрид. ических наук, профессор, РАНХиГС (Президентская академия);

Образцов А. В. — канд. юрид. наук, доцент, Государственный университет просвещения;

Павликов С. Г. — д-р юрид. наук, проф., Российская государственная академия интеллектуальной собственности;

Пастухова Н. Б. — д-р юрид. наук, доцент, Российский центр научной информации;

Петрянин А. В. — д-р юрид. наук, проф., Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации;

Ручкина Г. Ф. — д-р юрид. наук, проф., Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации;

Савина В. С. — д-р юрид. наук, проф., РЭУ имени Г. В. Плеханова;

Цинделиани И. А. — канд. юрид. наук, доцент, Российский государственный университет правосудия;

Чепунов О. И. — д-р юрид. наук, проф., РАНХиГС (Президентская академия).

ISSN 2949-5091 (print)

ISSN 2949-513X (online)

Рецензируемый научный журнал «Московский юридический журнал» — печатное издание, в котором публикуются актуальные научные статьи российских и зарубежных учёных, обладающие высоким уровнем качества и новизны, раскрывающие новые подходы в науке к актуальным вопросам истории и теории государства и права, конституционного и муниципального права, гражданского, предпринимательского, семейного, международного частного права, уголовного права и криминологии, уголовно-исполнительного права.

Журнал адресован преподавателям права, аспирантам, докторантам, работникам правоохранительных органов, судьям, юрисконсультам и всем интересующимся состоянием юридической науки.

Журнал «Московский юридический журнал» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 - 73346.

Индекс серии «Юриспруденция» по Объединённому каталогу «Пресса России» 40735.

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках "eLibrary" (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017 г., www.cyberleninka.ru), а также на сайте (www.lawmgoujournal.ru).

При цитировании ссылка на «Московский юридический журнал» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Московский юридический журнал. — 2024. — № 2. — 118 с.

© Государственный университет просвещения, 2024.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

сайт: www.lawmgoujournal.ru

Founder of "Moscow Juridical Journal"
Federal State University of Education

————— Issued 4 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

L. A. Petruchak – Dr. Sci. (Law), Prof., Federal State University of Education; Advisor to the Rector's Office, First Vice-Rector-Vice-Rector for Educational Activities, Moscow State Linguistic University; Academician of the Russian Academy of Natural Sciences;

Deputy editor-in-chief:

D. N. Ermakov – Dr. Sci. (Law), Dr. Sci. (Economics), Prof., Federal State University of Education

Editorial Board:

M. Yu. Voronin – Dr. Sci. (Law), Prof., Moscow State Linguistic University;

V. G. Golubtsov – Dr. Sci. (Law), Prof., Perm State National Research University;

L. A. Emelina – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., RANEPA (Presidential Academy);

A. V. Ivanchin – Dr. Sci. (Law), Prof., P. G. Demidov Yaroslavl State University;

L. R. Klebanov – Dr. Sci. (Law), Prof., Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia;

Yu. A. Krokhnina – Dr. Sci. (Law), Prof., Lomonosov Moscow State University;

L. E. Lapteva – Dr. Sci. (Law), Prof., RANEPA (Presidential Academy);

E. G. Lukyanova – Dr. Sci. (Law), Prof., RANEPA (Presidential Academy);

A. V. Obratsov – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Federal State University of Education

S. G. Pavlikov – Dr. Sci. (Law), Prof., Russian State Academy of Intellectual Property;

N. B. Pastukhova – Dr. Sci. (Law), Assoc. Prof., Russian Center for Science Information;

A. V. Petryanin – Dr. Sci. (Law), Prof., Investigative Committee of Russia;

G. F. Ruchkina – Dr. Sci. (Law), Prof., Financial University under the Government of the Russian Federation;

V. S. Savina – Dr. Sci. (Law), Prof., Plekhanov Russian University of Economics;

I. A. Tsindeliiani – Cand. Sci. (Law), Prof., Assoc. Prof., Russian State University of Justice;

O. I. Chepunov – Dr. Sci. (Law), Prof., RANEPA (Presidential Academy).

ISSN 2949-5091 (print)

ISSN 2949-513X (online)

The Peer-reviewed scientific "Moscow Juridical Journal" is a printed edition that publishes present-day scientific articles, performing high level of quality and novelty, written by Russian and foreign scientists. Articles reveal new approaches in science on topical issues of history and theory of state and law, constitutional and municipal law, civil, business, family, private international law, criminal law and criminology, penal law.

The journal's target audience is teachers, postgraduates, post-graduate students, law enforcement authorities officers, judges, legal advisers and anyone interested in the state of legal science.

The journal "Moscow Juridical Journal" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (mass media registration certificate No. FS 77 - 73343).

The subscription index of the "Jurisprudence" series is 40735 in the Press of Russia catalog.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries "eLibrary" (www.elibrary.ru) and "CyberLeninka" (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's site (www.lawmgoujournal.ru).

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Moscow Juridical Journal. – 2024. – No. 2. – 118 p.

© Federal State University of Education, 2024.

The Editorial Board address:

ul. Radio 10A, office 98, 105005 Moscow, Russian Federation

phone: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

site: www.lawmgoujournal.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Назаренко Н. И.* Уставы купеческих гильдий как правовая основа организации и деятельности торговых корпораций эпохи Средневековья 6
- Токмаков Д. С., Попов Г. Г.* Правовые проекты верховного тайного совета в январе-феврале 1730 г. как начало раннего конституционализма в Российской империи 14
- Тузов Н. А.* О правоотношениях по-новому 24

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

- Ручкина Г. Ф., Ашмарина Е. М.* Роль актуальной юридической науки в обеспечении финансово-экономических отношений, адекватных современным вызовам 34
- Узденов Ш. Ш., Ермаков Д. Н., Забабурин А. В.* Правовые аспекты эволюции отношений и основные мотивы сближения Российской Федерации и Китайской Народной Республики 41
- Чишев Т. Г., Савинкина Л. А., Родионов С. В.* Легитимность Азербайджанской Демократической Республики в конце 1918 – начале 1920 гг. и английская интервенция в Закавказье 52
- Шаповалов Н. И.* Правовая основа Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации 64
- Ширалиев И. С.* Опыт профилактики и предупреждения коррупционных правонарушений в сфере государственных и муниципальных закупок в Свердловской области 73

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

- Гордолопов Ю. В., Петрова В. Ю.* Гражданско-правовые последствия аффилированности юридических лиц 84
- Семенова И. Д.* О некоторых аспектах процессуального статуса переводчика в гражданском судопроизводстве 91

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Исаенко В. Н.* Предмет и пределы криминалистического мышления прокурора в досудебном уголовном судопроизводстве 98

РЕЦЕНЗИИ

- Глотов С. А.* Рецензия на книгу: Inman R. P., Rubinfeld D. L. Democratic Federalism. The Economics, Politics, and Law of Federal Governance. Princeton University Press, 2020. 448 p. 107
- К 65-летию юбилею профессора Сергея Александровича Глотова* 114

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

- N. Nazarenko.* Charters of Merchant Guilds as the Legal Basis for the Organization and Activities of Trade Corporations of the Middle Ages 6
- D. Tokmakov, G. Popov.* Legal Projects of the Supreme Privy Council in January-February 1730 as the Beginning of Early Constitutionalism in the Russian Empire 14
- N. Tuzov.* On Legal Relations in a New Way 24

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

- G. Ruchkina, E. Ashmarina.* The Role of Relevant Legal Science in Ensuring Financial and Economic Relations Adequate to Modern Challenges 34
- Sh. Uzdenov, D. Ermakov, A. Zababurin.* Legal Aspects of the Evolution of Relations and the Main Motives for Rapprochement between the Russian Federation and the People's Republic of China 41
- T. Chshiev, L. Savinkina, S. Rodionov.* Legitimacy of the Azerbaijan Democratic Republic in Late 1918 – Early 1920 and English Intervention in Transcaucasia 52
- N. Shapovalov.* Legal Basis of the Food Security Doctrine of the Russian Federation 64
- I. Shiraliev.* Experience in the Prevention and Avoidance of Corruption in the Sphere of State and Municipal Procurement in the Sverdlovsk Region 73

PRIVATE LAW (CIVILISTIC) SCIENCES

- Yu. Gordopolov, V. Petrova.* The Civil Consequences of the Affiliation of Legal Entities 84
- I. Semenova.* On Some Aspects of the Procedural Status of an Interpreter in Civil Proceedings 91

CRIMINAL LAW SCIENCES

- V. Isaenko.* The Subject and Limits of the Prosecutor's Criminalistic Thinking in Pre-Trial Criminal Proceedings 98

REVIEWS

- S. Glotov.* Book Review: Inman R. P., Rubinfeld D. L. Democratic Federalism. The Economics, Politics, and Law of Federal Governance. Princeton University Press, 2020. 448 p. 107
- On the 65th Anniversary of Prof. Sergey Alexandrovich Glotov.* 114

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 346.16

DOI: 10.18384/2949-513X-2024-2-6-13

УСТАВЫ КУПЕЧЕСКИХ ГИЛЬДИЙ КАК ПРАВОВАЯ ОСНОВА ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТОРГОВЫХ КОРПОРАЦИЙ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Назаренко Н. И.

Государственный университет просвещения

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Сравнение памятника новгородского права XIII в. «Рукописание князя Всеволода» и уставов купеческих объединений городов Германии, относящихся к одному жанру письменности и типу правовых документов.

Процедура и методы. Применены сравнительно-правовой, историко-системный и системно-структурный методы, а также общенаучные методы индукции и дедукции.

Результаты. В результате проведённого исследования сделан вывод, что совпадение правовых норм в организации, деятельности и торговле позволяет воспринимать устав Великого Новгорода как нормативный документ, отвечающий лучшим образцам европейского средневекового законодательства.

Теоретическая и/или практическая значимость. Впервые в изучении истории государства и права России сделан анализ раннего отечественного предпринимательского права эпохи Средневековья. Материалы настоящей статьи могут быть использованы в учебном процессе в рамках предмета «История государства и права России».

Ключевые слова: «Рукописание князя Всеволода», уставы купеческих корпораций и гильдий, Великий Новгород, Ганза, скра, правовая интеграция

CHARTERS OF MERCHANT GUILDS AS THE LEGAL BASIS FOR THE ORGANIZATION AND ACTIVITIES OF TRADE CORPORATIONS OF THE MIDDLE AGES

N. Nazarenko

Federal State University of Education

ul. Radio 10A, Moscow 105005, Russian Federation

Abstract

Aim. Comparison of the monument of Novgorod law of the 13th century “The Handwriting of Prince Vsevolod” and the charters of merchant associations of German cities belonging to the same genre of writing and type of legal documents.

Methodology. Comparative legal, historical, systemic and system-structural methods were applied, as well as general scientific methods of induction and deduction.

Results. As a result of the study, the author comes to the conclusion that the coincidence of legal norms in organization, activity and trade allows us to perceive the statutes of Veliky Novgorod as regulatory documents that meet the best examples of European medieval legislation.

© CC BY Назаренко Н. И., 2024.

Research implications. For the first time in the study of the history of the state and the law of Russia, an analysis of the early domestic entrepreneurial law of the Middle Ages was made. The materials of this article can be used in the educational process within the framework of the subject “History of the State and Law of Russia.”

Keywords: “The Handwriting of Prince Vsevolod”, charters of merchant corporations and guilds, Veliky Novgorod, Hansa, skra, legal integration

Введение

Купеческие организации Великого Новгорода и городов Германии эпохи Средневековья на протяжении XIX–XX вв. привлекали внимание историков, правоведов, специалистов языка и международных отношений. Значительный интерес исследователей вызывали прежде всего уставы купеческих гильдий и корпораций. Тексты уставов дают представление о развитии корпорации как правового и социального института, отражают изменения в правовом языке и терминологии. Кроме того, именно эти документы выступали первыми внутренними регуляторами корпоративных отношений в рамках различных цеховых сообществ.

Словная организация общества эпохи Средневековья способствовала формированию объединений корпоративной формы хозяйствования, в т. ч. купеческих гильдий. В гильдию входили лица со сходными профессиональными интересами, торгующие определёнными видами товаров. К городским купеческим объединениям относились не только гильдии, но и паевые товарищества (складничества, коменды) [6, с. 167]. Торговая гильдия как корпоративная форма хозяйствования (в целях расширения торговли и снижения рисков) выступала основой для объединения денежных средств.

Сохранились уставы купеческих гильдий средневековых городов Западной Европы [18, с. 379–391]. Уставы предусматривали оказание материальной помощи в случае выкупа из плена члена корпорации, похорон, сбора пожертвований на строительство храмов, больниц или городских ворот и зданий. Кроме того, уставные статьи содержали положения о структурной организации и правлении гильдии, поряд-

ке вступления новых членов, уплате пошлин и обязанностях купцов по отношению к компаньонам и городу.

Подобно современному юридическому лицу корпорации могли распоряжаться своим имуществом, которое формировалось за счёт различного вида налогов, пошлин, штрафов, а также членских взносов, выплата которых являлась обязанностью каждого члена. В XIII–XIV вв. торговые корпорации приобретают статус обособленного субъекта, обладающего правом собственности на выделенное имущество. Члены гильдии или торгового двора должны были подчиняться правилам сложившегося торгового оборота и совместной деятельности [8, с. 14].

Торговые и иные объединения создавались в сложных условиях децентрализации власти и сильного государственного аппарата. Цели создания корпораций состояли в защите коммерческих интересов и или иных профессиональных (групповых) интересов. Первые упоминания о торговых союзах (объединениях) содержатся в договорах и таможенных уставах X–XI вв. Коллективные образования на уровне локального нормотворчества устанавливали свои правила и нормы, и, как правило, не декларировали в них тех целей, которые ставят перед собой современные корпорации.

Обратимся к известному памятнику новгородского права XIII в. «Рукописанию князя Всеволода». Данный документ представляет огромный интерес с точки зрения правовой и корпоративной культуры эпохи Средневековья. «Рукописание» – дошедший до нашего времени устав купеческой корпорации «вощников» Великого Новгорода. Сравним «Рукописание» с уставами купеческих объединений городов Германии, относящимися к одному

жанру письменности и типу правовых документов [9, с. 52–57].

Следует отметить, что вопрос истории создания и датировки текста «Рукописания князя Всеволода» детально освещался в ряде исследований XIX–XX вв. [5; 20]. Относительно времени появления данной уставной грамоты в литературе отсутствует единое мнение. Большинство исследователей датируют документ XII в. Тем не менее «Рукописание» в действительности закрепляет порядок, сложившийся в Новгороде не ранее второй трети XIII в. [13, с. 262–292]. Текст уставной грамоты известен в 2 изводах – Троицком и Археографическом [13, с. 262].

Для проведения анализа, соответствующего современным требованиям, обратимся к оригинальным рукописям текстов Троицкого извода в списках третьей четверти XVI в. в приложении к Новгородской Первой летописи [13, с. 262]. Текст устава состоит из отдельных статей, чётко отделённых друг от друга. «Рукописание» составлено от имени новгородского князя Всеволода Мстиславовича, который «... божьим изволением поставил есми церковь святыи великыи Иван на Петрятине дворище...» (ст. I) [13, с. 262]. Ю. Г. Алексеев отмечает, что «рукописание – это соответствующим образом оформленное и заверенное письменное духовное завещание», содержащее имущественное распоряжение [1, с. 89]. В данном случае уставная грамота закрепляет новый порядок организации финансов церкви.

Текст устава разбит на статьи, сгруппированные по тематическим критериям. Например, ст.ст. 2–3 посвящены правам церкви Ивана взимать пошлину с взвешивания воска, ст.ст. 4–5 определяют персональный состав служителей церкви и т. д. [15]. Однако границы некоторых статей «размыты», нередко в середину определённого тематического блока вклинивается статья, посвящённая иному предмету правового регулирования. В некоторых случаях сходные по содержанию статьи приведены в разных частях текста. Таким образом, в тексте XIII в. отсутствует та те-

матическая организованность изложения материала, которая характерна для документов Нового времени. Тем не менее грамота закрепляет основы организации и деятельности корпоративного объединения «пошлых» купцов-вощников, даёт представление о понимании корпорации как субъекта имущественных и обязательственных отношений [7].

Городские купеческие гильдии эпохи Средневековья

Купеческая среда средневекового города была объединена корпоративными связями, в т. ч. с торговцами других территорий и государств. Корпорация при церкви Иоанна Предтечи в Великом Новгороде обладала монопольным правом взвешивания воска и сбора пошлин с купцов, торговавшим этим товаром (ст. 10). В числе торговцев, уплачивающих вошланую пошлину, названы «низовские, полоцкие и смоленские гости, а также новоторжцы и новгородцы» [13, с. 276]. Единцей обложения выступал берковец, т. е. 10 пудов веса [11, с. 211].

Подобно современному юридическому лицу новгородское объединение «вощников» имело свое наименование – «ыванское сто» (ст.ст. 5–7). «Ивановское сто» как купеческое братство возникло при храме Рождества Иоанна Предтечи на Опоках и носило имя святого покровителя. Историк XIX в. А. Никитский отмечает, что «... Новгород, кроме улиц, делился еще на сотни, ... в сотнях были записаны купцы, ... начальник сотен был вместе с тем и председателем торговой думы» [11, с. 211]. Таким образом, для представительства и защиты своих интересов новгородские купцы использовали сотенную организацию, созданную княжеской властью [16, с. 79].

Из содержания грамоты следует, что ивановское купечество обладало имуществом на праве собственности и могло им распоряжаться. Источником формирования такого рода собственности выступали пошлины и членские взносы, выплата которых, в соответствии с уставом, являлась обязанностью каждого вступающего

и составляла «пятьдесят гривен серебра» (ст. 7). Статьи «Рукописания» не содержат терминов «братство» или «корпорация». Однако несомненным является тот факт, что отношения между членами объединения соответствовали нормам корпоративной и правовой культуры эпохи Средневековья.

Коллективные образования в средневековой Европе на уровне локального нормотворчества устанавливали свои правила и нормы, которые охватывали различные стороны жизни членов объединения, гильдии или цеха. Уставы городских гильдий могли включаться в текст городского права, постановления городских магистратов или литургические книги, что подчёркивало неразрывную связь светских и религиозных начал, заложенных в основу функционирования корпорации. Подобного рода правовые документы содержали некоторые правила и ограничения, налагаемые государством, магистратами или церковью. Городские и купеческие гильдии выбирали того или иного святого покровителя, строили храмы, справляли в его честь гильдейские праздники, тем самым декларируя богоугодность своей деятельности.

«Рукописание князя Всеволода» не является исключением из правил. Уставная грамота дарована от имени новгородского князя Всеволода Мстиславовича и закрепляет порядок взаимоотношений князя, епископа и города с ивановским купечеством (ст. 1). В ст. 15 «Рукописания» Троицкого и Археографического изводов с некоторыми отличиями регламентируются правила организации церковного престольного праздника Рождества Иоанна Предтечи (24 июня по старому стилю) [13, с. 280]. Комментарии к ст.ст. 15 и 15-а, помещённые в указанном издании, дают достаточно подробный анализ расходов корпорации на проведение богослужения в праздничные дни.

Кроме «Иванского сто», в Великом Новгороде существовали и другие известные купеческие объединения, например, организации «заморских купцов» –

Немецкий и Швецкий торговые дворы, «щетинцев», «югорцев», «прасолов» и др. На существование иных купеческих объединений в Новгороде, поставивших церкви в честь святых покровителей корпорации, указывает также Новгородская Первая летопись [12, с. 30, 217].

Согласно уставам и обычаям купеческих гильдий Западной Европы, вступающие в объединение обязаны были принести клятву, беря на себя обязательство соблюдать корпоративные правила. Текст «Рукописания» не содержит статей, регламентирующих процедуру принесения клятвы. Тем не менее ст. 7 «открывает новую тему, ...связанную с существованием в Новгороде организации наиболее состоятельного купечества, члены которого именовались пошлыми (т. е. исконными) купцами» [13, с. 275]. Корпорация была организована на принципах свободы воли и равенства её членов. Членство в «иванском купечестве», как отмечено выше, предполагало внесение вклада в размере 50 гривен серебра¹. Денежные и иные взносы «иванских купцов», наряду с «вощаным весом», являлись источником бюджета корпорации и церкви, при которой эта корпорация существовала. Устав новгородской корпорации, как и иных гильдий, требовал строгого соблюдения правил и привлечения провинившихся к суду в случаях нарушения устава или совершения преступления. Статус члена корпорации передавался по наследству.

Управление деятельностью «иванского купечества» осуществлялось посредством специально созданных органов. В ст. 5 «Рукописания» определялся персональный состав служителей церкви Ивана на Опоках, в том числе 3 старост. Статья гласит: «И яз, князь великий Всеволод, поставил есми святому Ивану три старосты, ... а от купцев два старосты, управивати им всякие дела иванские, и торговая, и го-стинная, и суд торговои» [13, с. 263].

В литературе нет единого мнения относительно количества должностных лиц.

¹ 50 гривен серебра составляло 10 кг серебра.

М. Н. Тихомиров, характеризуя данную статью, отмечает, что «...во главе иванского ста стояли выборные старосты, имевшие крупное значение в новгородской политической жизни» [14, с. 118]. Свои должности старосты занимали определённый срок. В ст. 9 указано, что старостами церкви Ивана могли быть только члены «иванской» корпорации, им же принадлежало право взвешивания воска в притворе храма [13, с. 263]. Выборы старост являлись выражением воли членов купеческого объединения, и в этом смысле их можно противопоставить выборам служителей церкви (епископов), которые имели сакральный характер. Согласно уставу, представительство корпорации от имени её членов осуществлял купеческий староста.

В международных договорах Новгорода с Ганзой XIII–XIV вв. и новгородских актах неоднократно упоминаются купеческие старосты [3, с. 74, 76]. В Грамоте проводится различие между разбором торговых конфликтов и гостиных (ст. 5). «Гостиные» дела – судебные споры, связанные с иногородними и иноземными купцами. Троицкий извод «Рукописания» подтверждает, что «иванские старосты» были уполномочены рассматривать торговые и гостиные конфликты [13, с. 263]. Кроме того, грамоты Новгорода и Пскова отражают порядок участия тысяцкого в судебном разбирательстве торговых споров и дел, связанных с деятельностью церкви Ивана на Торгу [3, с. 60].

Характеризуя судебную систему Новгорода, В. К. Щечоев отмечает, что суд структурно делился на управы [17, с. 39]. Суд созывался 3 раза в неделю: по понедельникам, средам и пятницам. Судебные дела разрешались в определённый срок и регулярно докладывались архиепископу. За нарушение сроков и порядка судопроизводства на судью накладывался штраф [17, с. 40]. Судебные издержки и пошлины (в пользу церкви и Новгорода) возлагались на проигравшую сторону. Согласно Псковской судной грамоте и «Рукописанию князя Всеволода», приход-

ской староста выступал представителем имущественных интересов церкви и корпорации, в т. ч. и в поземельных спорах с другими землевладельцами. Выигравшая сторона получала «Правую грамоту», на основании которой исполнялось судебное решение.

Следует подчеркнуть и иные источники, например международный договор Новгорода с немецкими городами и Готландом 1270 г. (ст. VIII) закрепляет правила разрешения имущественных споров «перед тысяцким и Новгородцами во дворе Св. Иоанна» [2, с. 27]. Суд тысяцкого и должностные лица Новгорода, исполняющие судебные решения (герольды и бирючи), называются в других статьях договора. Таким образом, можно проследить некоторое влияние норм русского права на международные правила торговли Новгорода с ганзейскими городами.

Корпорация заявляла себя полноправным участником торговых и социальных отношений. Важным достижением корпоративного объединения являлось право представлять интересы корпорации от собственного имени, что подчеркивало её правосубъектность. Старосты и их помощники решали административные и экономические вопросы, в т. ч. наделялись судебными полномочиями. Торговый суд, где одной из сторон выступал иностранный купец, состоял из тысяцкого, старост от новгородских купцов и олдермена как руководителя и представителя Немецкого торгового двора [10, с. 40]. Вопросы, связанные с общими делами корпорации, разрешались в закрытом режиме, но присутствие членов объединения было обязательным. «Рукописание» не содержит статей о вынесении штрафов или каких-либо наказаний со стороны старост. В зависимости от степени тяжести проступка только корпоративное собрание могло наложить штрафные санкции на провинившегося. Телесные наказания судом корпорации не применялись и относились к компетенции суда новгородского тысяцкого и старост. Порядок исключе-

ния товарища из состава корпорации в Уставе не оговаривается.

В обязанности старост входила организация и подготовка корпоративных праздников и пиршеств (братчин), которым по уставу отводилась важная роль. Статья XV гласит: «А праздник рождество святого великого Ивана почеть створите и праздновати старостам купецким и купцам...» [13, с. 263]. Большие расходы на организацию и проведение праздника подчёркивали статус Иванского ста как крупнейшей купеческой корпорации Великого Новгорода.

Заключительная ст. XX Устава написана в традициях средневекового документо-ведения и угрожает карой небесных сил всем тем, кто нарушит правила корпорации или «дом обидити святого великого Ивана» и предупреждает, что «будет им тма, и соблазн, и казнь божия» [13, с. 264]. Таким образом, новгородское корпорация «Иванское сто» – это прежде всего профессиональное и территориальное объединение купцов, имевшее выборные органы управления, патрональную церковь и действующее на основе устава.

Заключение

Сопоставление «Рукописания князя Всеволода» и уставных документов городских корпораций Германии, а также скры (устава Немецкого торгового двора в Новгороде) свидетельствует о том, что в XII–XIV вв. широкое распространение получила практика юридического оформления организационной деятельности корпораций. Русские уставные акты содержат в своей конструкции элементы и признаки, характерные для корпоративных объединений Германии и других государств. Совпадение правовых норм в организации, деятельности и торговле позволяет воспринимать уставы Великого Новгорода как нормативные документы, отвечающие лучшим образцам европейского средневекового законодательства. Автор статьи разделяет мнение Ф. Д. Гуревича, «что древнерусские города... являлись центрами ремесла и торговли и по праву могли стоять в одном ряду со средневековыми городами Запада» [4, с. 36].

Статья поступила в редакцию 11.03.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Ю. Г. Псков и Новгород накануне присоединения к Российскому государству (XIV–XV вв.). СПб., 2020. 607 с.
2. Андреевский И. О. О договоре Новгорода с немецкими городами и Готландом, заключенном в 1270 году. СПб., 1855. 106 с.
3. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под. ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949. 407 с.
4. Вовин А. А. Городская коммуна средневекового Пскова: XIV – начало XVI в. СПб., 2019. 398 с.
5. Горский А. А. Титулование «всей Руси» и русские князья XI–XIII вв. // Горский А. А. «Бещисленн рати и великия труды»: Проблемы русской истории XI–XV вв. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2019. С. 93–95.
6. Красильникова Т. К. Становление правовых основ организации и деятельности корпораций в Средние века // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 4. С. 165–169.
7. Любавский М. К. Древняя история до конца XVI века. М., 1918. 243 с.
8. Назаренко Н. И. Правовые основы организации торговых корпораций Германии и их отражение в корпусе международных актов Новгорода и Ганзы (XII–XV вв.) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 4. С. 12–19.
9. Назаренко Н. И. Влияние городского права Германии на регулирование торговых отношений в Великом Новгороде в XII–XVII вв. // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 4. С. 52–57.
10. Назаренко Н. И. Формирование основ судебно-процессуального законодательства с участием иностранного субъекта в Великом Новгороде (XII–XV вв.) // Юридическое образование и наука. 2019. № 2. С. 35–41.
11. Никитский А. И. Очерки из жизни Великого Новгорода // Журнал Министерства народного просвещения. 1870. № 8. С. 201–224.

12. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. А. Н. Насонова. М.-Л., 1950. 565 с.
13. Михеев С. М. Датированная запись о закладке псковского Троицкого собора Всеволодом Мстиславичем в новгородской рукописи XII века // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2022. № 4. С. 7–22.
14. Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М.: Политическая литература, 1956. 476 с.
15. Флоря Б. Н. К изучению церковного устава Всеволода // Россия в Средние века и Новое время: сб. статей / отв. ред. В. А. Кучкин. М., 1999. С. 163–173.
16. Флоря Б. Н. «Сотни» и купцы в Новгороде XII–XIII вв. // Средневековая Русь. 2006. Вып. 6. С. 67–79.
17. Печоев В. К. История суда в России: учеб. пос. М.: Проспект, 2010. 159 с.
18. Шерр И. Германия. История цивилизации за 2000 лет: в 2 т. Т. 2. Мн.: МФЦП, 2005. 542 с.
19. Юрьева И. С. Общий текст Киевской и Суздальской летописей. М.: Изд-во Института русского языка, 2022. 207 с.
20. Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. 508 с.

REFERENCES

1. Alekseev Yu. G. *Pskov i Novgorod nakanune prisoyedineniya k Rossiyskomu gosudarstvu (XIV–XV vv.)* [Pskov and Novgorod on the eve of joining the Russian state (14th–15th centuries)]. St. Petersburg, 2020. 607 p.
2. Andreevsky I. O. *O dogovore Novgoroda s nemetskimi gorodami i Gotlandom, zaklyuchennom v 1270 godu* [About the agreement of Novgorod with German cities and Gotland, concluded in 1270]. St. Petersburg, 1855. 106 p.
3. Valka S. N., ed. *Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova* [Certificates of Veliky Novgorod and Pskov]. Moscow, Leningrad, 1949. 407 p.
4. Vovin A. A. *Gorodskaya kommuna srednevekovogo Pskova: XIV – nachalo XVI vv.* [City commune of medieval Pskov: 14th – early 16th centuries]. St. Petersburg, 2019. 398 p.
5. Gorsky A. A. [The title of “all Rus” and Russian princes of the 11th–13th centuries]. In: Gorsky A. A. *«Bechisleniya rati i velikiya truda»: Problemy russkoy istorii XI–XV vv.* [“Ruthless armies and great works”: Problems of Russian history of the 11th–15th centuries]. St. Petersburg, Izd-vo Olega Abyshko Publ., 2019, pp. 93–95.
6. Krasilnikova T. K. [Formation of the legal foundations of the organization and activities of corporations in the Middle Ages]. In: *Vestnik Volgogradskoy Staniakademii MVD Rossii* [Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2019, no. 4, pp. 165–169.
7. Lyubavsky M. K. *Drevnyaya istoriya do kontsa XVI veka* [Ancient history until the end of the 16th century]. Moscow, 1918. 243 p.
8. Nazarenko N. I. [Legal basis for the organization of trade corporations in Germany and their reflection in the corpus of international acts of Novgorod and the Hanseatic League (12th–15th centuries)]. In: *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya* [Journal of Foreign Legislation and Comparative Law], 2018, no. 4, pp. 12–19.
9. Nazarenko N. I. [The influence of German city law on the regulation of trade relations in Veliky Novgorod in the 12th–17th centuries]. In: *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya* [Journal of foreign legislation and comparative law], 2017, no. 4, pp. 52–57.
10. Nazarenko N. I. [Formation of the foundations of judicial procedural legislation with the participation of a foreign entity in Veliky Novgorod (12th–15th centuries)]. In: *Yuridicheskoye obrazovaniye i nauka* [Legal education and science], 2019, no. 2, pp. 35–41.
11. Nikitsky A. I. [Essays from the life of Veliky Novgorod]. In: *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education], 1870, no. 8, pp. 201–224.
12. Nasonova A. N. *Novgorodskaya Pervoye leto starshepis'go i mladshego izvoda* [Novgorod First Chronicle of the older and younger editions], Moscow, Leningrad, 1950. 565 p.
13. Mikheev S. M. [Dated record of the foundation stone of the Pskov Trinity Cathedral by Vsevolod Mstislavich in a Novgorod manuscript of the 12th century]. In: *Drevnyaya Rus: Voprosy medievistiki* [Ancient Rus': Questions of Medieval Studies], 2022, no. 4, pp. 7–22.
14. Tikhomirov M. N. *Drevnerusskiye goroda* [Old Russian cities]. Moscow, Politicheskaya literature Publ., 1956. 476 p.

15. Florya B. N. [To the study of Vsevolod's church charter]. In: Kuchinn V. A., ed. *Rossiya v Sredniye veka i Novoye vremya* [Russia in the Middle Ages and Modern Times]. Moscow, 1999, pp. 163–173.
16. Florya B. N. ["Hundreds" and merchants" in Novgorod 12th–13th centuries]. In: *Srednevekovaya Rus* [Medieval Rus], 2006, iss. 6, pp. 67–79.
17. Tsechoev V. K. *Istoriya suda v Rossii* [History of the court in Russia]. Moscow, Prospekt Publ., 2010. 159 p.
18. Sherr I. *Germaniya. Istoriya tsivilizatsii za 2000 let. T. 2* [Germany. History of civilization for 2000 years. Vol. 2]. Mn.: MFSP Publ., 2005. 542 p.
19. Yuryeva I. S. *Obshchiy tekst Kiyevskoy i Suzdal'skoy letopisey* [General text of the Kyiv and Suzdal Chronicles]. Moscow, 2022. 207 p.
20. Yanin V. L. *Novgorodskiyeh posadniki* [Novgorod mayors]. Moscow, 1962. 508 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Назаренко Наталья Ивановна – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и гражданского права Государственного университета просвещения;
e-mail: n-nazarenko@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalya I. Nazarenko – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of Constitutional and Civil Law, Federal State University of Education;
e-mail: n-nazarenko@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Назаренко Н. И. Уставы купеческих гильдий как правовая основа организации и деятельности торговых корпораций эпохи Средневековья // Московский юридический журнал. 2024. № 2. С. 6–13.
DOI: 10.18384/2949-513X-2024-2-6-13

FOR CITATION

Nazarenko N. I. Charters of Merchant Guilds as the Legal Basis for the Organization and Activities of Trade Corporations of the Middle Ages. In: *Moscow Juridical Journal*, 2024, no. 2, pp. 6–13.
DOI: 10.18384/2949-513X-2024-2-6-13

УДК 340.154

DOI: 10.18384/2949-513X-2024-2-14-23

ПРАВОВЫЕ ПРОЕКТЫ ВЕРХОВНОГО ТАЙНОГО СОВЕТА В ЯНВАРЕ-ФЕВРАЛЕ 1730 Г. КАК НАЧАЛО РАННЕГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Токмаков Д. С.¹, Попов Г. Г.²

¹Ставропольский государственный аграрный университет
355035, г. Ставрополь, Зоотехнический пер., д. 12, Российская Федерация

²Российская академия народного хозяйства и государственного управления при Президенте
Российской Федерации

119571, г. Москва, пр-кт Вернадского, д. 82, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Определить политико-правовую природу конституционных проектов начала 1730 г.

Процедура и методы. Проведён политико-правовой сравнительный анализ «конституционных» проектов и прочих свидетельств в области истории российского права, связанных с попыткой изменения политического строя в Российской империи в связи с заговором Верховного тайного совета в начале 1730 г.

Результаты. Выявлено, что сторонники ограничения власти монарха в России исходили из положений естественного права, хорошо известных тогда среди образованных россиян. Отсутствие в России правовых традиций парламентаризма привело к тому, что конституционные проекты начала 1730 г. имели мало общего с такими проектами в ряде стран Запада, но авторы при этом считают, что российское общество не столь далеко в своём правовом сознании ушло от стран континентальной Европы первой половины XVIII в. «Кондиции» «верховников» стали ответом на вызовы своего времени, с которыми столкнулась Россия уже в конце реформ Петра Великого.

Теоретическая и /или практическая значимость. Впервые в изучении истории государства и права России сделан анализ раннего отечественного конституционализма с позиций изучения влияния школы естественного права на российское общество и реакции элит на кризисные процессы в стране. Материалы настоящей статьи могут быть использованы в учебном процессе в рамках предмета «История государства и права».

Ключевые слова: реформы Петра Великого, Верховный тайный совет, ранний конституционализм, Законодательство России в первой половине XVIII в., школа естественного права

LEGAL PROJECTS OF THE SUPREME PRIVY COUNCIL IN JANUARY-FEBRUARY 1730 AS THE BEGINNING OF EARLY CONSTITUTIONALISM IN THE RUSSIAN EMPIRE

D. Tokmakov¹, G. Popov²

¹Stavropol State Agrarian University
Zootechnicheskiiy per. 12, Stavropol 355035, Russian Federation

²The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
prosp. Vernadskogo 82, Moscow 119571, Russian Federation

Abstract

Aim. Determine the political and legal nature of constitutional projects in early 1730.

Methodology. A political and legal comparative analysis of “constitutional” projects and other evidence in the field of the history of Russian law related to an attempt to change the political system in the Russian Empire in connection with the conspiracy of the Supreme Privy Council in early 1730.

Results. The authors revealed that the proponents of limiting the power of the monarch in Russia proceeded from the provisions of natural law, which were well known among educated Russians at that time. The lack of legal traditions of parliamentarism in Russia led to the fact that the constitutional projects of the beginning of 1730 had little in common with such projects in a number of Western countries, but the authors at the same time believe that Russian society has not gone so far in its legal consciousness from the countries of continental Europe in the first half of the 18th century. The authors believe that the “Conditions” of the “supreme leaders” were the answer to the challenges of their time, which Russia faced already at the end of Peter the Great’s reforms.

Research implications. For the first time in the study of the history of the state and law of Russia, an analysis of early domestic constitutionalism was made, from the standpoint of studying the influence of the school of natural law on Russian society and the reaction of elites to crisis processes in the country. The materials of this article can be used in the educational process within the framework of the subject “History of State and law”.

Keywords: Peter the Great’s reforms, the Supreme Privy Council, early constitutionalism, Russian Legislation in the first half of the 18th century, the school of natural law

Введение

Попытка ограничить власть монарха в Российской империи в начале 1730 г. группой представителей Верховного тайного совета остаётся феноменальным, на первый взгляд, и дискуссионным событием в истории российского конституционного права. Феноменальность заключается в том, что был брошен вызов многолетним политико-правовым традициям, которые диктовали неограниченную царскую власть. Россия не знала Ренессанса, с Просвещением были знакомы только отдельные русские аристократы. По определению западной политологической и правовой мысли России не могли быть присущи традиции парламентаризма и конституционализма в силу означенных выше факторов. Тем не менее мы видим попытку ограничения власти императрицы Анны Иоанновны. Данный факт противоречит и теориям модернизации [17], согласно которым, в стране догоняющего развития не могут произойти глубокие конституционные изменения, если её общество не пройдёт определённые стадии развития, и этих стадий Россия однозначно к тому времени не достигла.

В этой связи возможны несколько версий причин данного сюжета 1730 г. в истории российского права: русское дворянство

стремилось приблизить Россию к западным образцам политического устройства, что стало вполне логичным продолжением замены старой боярской элиты дворянской (мы сказали бы, что завершением данного процесса); совпадение начала влияния школы естественного права в российском высшем обществе с кризисными процессами в политике и экономике, начавшимися уже в конце правления Петра Великого и нараставшими после смерти последнего; возрождение стремления к допетровским нормам, спровоцированное поисками решений для выхода из кризисной ситуации, в которой находилось российское общество.

Мы не согласны с характеристикой событий начала 1730 г., данной Т. А. Беловой: «Итак, в 1730 г. все так называемые “конституционные проекты” носили аристократический характер и предполагали расширение прав лишь верхушки дворянства. В этой связи искать демократические идеи в подобного рода проектах XVIII в. не приходится. При этом оживившееся дворянство XVIII в. гарантии получения собственных прав искали не в законе, а в самодержавии. В этой связи дворянство, конечно же, стремилось защищать монархическую форму правления в России в качестве гаранта собственных прав и привилегий» [3, с. 372].

Это мнение достаточно хорошо отражает традиционно сложившееся в литературе отношение к «верховникам» и их проектам начала 1730 г. [2, с. 24; 4; 11, с. 285]. Впервые, речь в проектах преобразований управления в России шла все-таки не только о привилегиях, но и об элементарных правах служилого сословия, например, о содержании инвалидов войны, которые не имели личных доходов. Важным пунктом был вопрос контроля за губернаторами со стороны Сената, но это уже не касается привилегий, а, скорее всего, является плодом осознанной необходимости борьбы с произволом и коррупцией региональных властей. Здесь мы близки к мнению советского историка Г. А. Протасова, который считал, что «Кондиции» стали ответом высшей российской бюрократии на вызовы своего времени [16]. Правда, до конца не понятно, почему такой ответ в форме попытки ограничения власти монарха появился именно в начале 1730 г., да и, в целом после петровских реформ, ведь с тяжёлыми государственными кризисами и до этого, и в дальнейшем Россия сталкивалась неоднократно. А. Г. Кузьмин попытался дать ответ на этот вопрос, связав «Кондиции» с популярным тогда среди высшей русской аристократии опытом Швеции [8, с. 143]. Можно согласиться с А. Н. Сахаровым, что в начале 1730 г. могла произойти смена парадигмы развития России [18], но только отчасти, т. к. парламентаризм и буржуазная демократия, в целом, появиться в то время в России не могли, уже хотя бы потому, что для всего этого требовалась достаточно многочисленная и политически активная буржуазия, которая видела в конституционализме гарантии защиты своих прав, и в первую очередь права на частную собственность. А. Б. Плотников в итоге анализа юридических документов «верховников» не сделал определённых выводов насчёт самой политико-правовой природы попытки ограничить права монархии в России в начале 1730 г., сведя всё к конфликту части аристократии с династией Романовых [13].

Целью настоящей работы является определение политико-правовой природы

конституционных проектов начала 1730 г. Из цели вытекают следующие задачи:

1) рассмотреть проекты государственного переустройства «верховников» и других лиц, подававших эти проекты;

2) дать аналитическую оценку этим конституционным проектам на предмет содержания в них решений общенациональных и узко сословных задач;

3) рассмотреть политико-правовые взгляды А. И. Остермана как лица, входившего в Верховный тайный совет и оказывавшего серьёзное влияние на внутреннюю и внешнюю политику России в 1720–1730-е гг.;

4) выявить связь конституционных проектов начала 1730 г. с естественным правом.

Для решения поставленных выше задач выбран политико-правовой сравнительный анализ «конституционных» проектов и прочих свидетельств в области истории российского права, связанных с попыткой изменения политического строя в Российской империи по причине заговора Верховного тайного совета в начале 1730 г.

Проекты конституционного устройства России в начале 1730 г.

Когда идёт речь о проблеме легитимации и границ суверенитета власти монарха в России, в первую очередь представляем незыблемый принцип самодержавия, который фактически появляется в XIX в., после уже социально-политических потрясений Наполеоновских войн и вызванного ими в значительной степени Восстания декабристов. XVIII в. в России и за рубежом был достаточно богат на поиски оптимальной модели монархии в европейских государствах. В этих поисках участвовали и сами монархи. В России это было связано в немалой степени с формированием механизма передачи власти уже в условиях ранней модернизации общества. Вторая важная проблема, которую приходилось решать российскому обществу в этом веке, заключалась в отношениях верховной власти к частной собственности, особенно к крупной земельной собственности, т. к. до XVIII в. царь являлся верховным

хозяином земли в стране, это было пережитком вотчинной модели государственности, сложившейся ещё в монгольский период. Третья – отношения официального Санкт-Петербурга с окраинами, т. к. вхождение народов в состав России шло сложно, оставляя после себя много нерешённых юридических и политико-ментальных проблем. Четвёртая проблема – популярность монарха в глазах знати, а также около элитарных слоёв общества, в этом смысле период между смертью Петра Великого и приходом к власти Екатерины был достаточно плодотворен на интеллектуальные поиски в этой сфере, т. к. российское общество очень тяжело познало такую проблему, как случайность личностных особенностей пришедшего к власти монарха, особенно сложным оказался в этом смысле период царствования Анны Иоанновны.

Частые смены монархов в России после смерти Петра I ошибочно было бы связывать только с запутанным Законом о престолонаследии. Модернизация подразумевала формирование общественного мнения и общественных политических групп, имевших определённые взгляды и интересы [20, pp. 148–160]. Сама тема институционально-правовой модернизации России в XVIII в. мало изучена и дискуссионна, остаётся открытым вопрос, насколько российское общество далеко ушло в этом веке от Востока в сторону Запада, включая изменения права, и насколько до этого оно было близко к восточным моделям социально-политического устройства [1; 5; 6; 9; 14; 15; 21].

Пётр Великий оставил после себя такой сложный орган власти, как Сенат, который значительно отличался от Боярской думы. Другой серьёзный институт власти в России XVIII в. – генералитет, тоже созданный Петром I, именно он сыграл важную роль в кризисе начала 1730 г., когда произошла «Затейка верховников», или попытка части русской аристократии ограничить императорскую власть, создав какое-то подобие конституционного строя.

В так называемом заговоре «верховников» принимает участие стихийно возникший после смерти Петра Великого орган –

Верховный тайный совет (был подчинён Сенату, являясь фактически его продолжением), состоявший из аристократов и опытных чиновников. В конце января 1730 г. они уговорили Анну Иоанновну подписать «Кондиции», когда она ещё находилась в Митаве. 13 февраля того же года (по новому стилю) «верховники» предложили дворянству подготовить проекты будущего государственного устройства. Всего было подано 7 проектов.

Проект Верховного тайного совета («Кондиции») от конца января 1730 г. напоминает, в целом, попытку закрепить за данным органом власти уже присвоенные им к тому времени полномочия, но в то же время он не выходит далеко за рамки регулирования отношений между монархом и высшей бюрократии в стране: «Чрез сие накрепчайше обещаемя, что наиглавнейшее мое попечение и старание будет не токмо о содержании, но и о крайнем и всевозможном распространении православыи нашея веры греческаго исповедания. Ещё обещаемя, что понеже целость и благополучие всякаго государства от благих советов состоит, того ради мы ныне, уже утверждённый верховный тайный совет в 8-ми персонах всегда содержать и без онаго верховнаго тайнаго совета согласия: 1) Ни с кем войны не начинать. 2) Миру не заключать. 3) Верных наших подданных новыми податями не отягощать. 4) В знатные чины, как в стацкие, так и в военные, сухопутные и морские, выше полковничья ранга – не жаловать, ниже к знатым делам никого не определять. 5) У шляхетства живота, чести и имения без суда не отнимать. 6) Вотчины и деревни не жаловать. 7) Государственные доходы в расходы не употреблять и всех верных своих подданных в неотменной своей милости содержать» [7, с. 75]. Из перечисляемых 7 пунктов только 4-й содержит положение, распространяемое на всё общество. Видно, что «верховники» опасались надления огромными властными полномочиями некомпетентной Анны Иоанновны, подобный опыт уже имел место в сюжете с Екатериной I.

Главный мотив «Кондиций» связан с распространением православия, но это вызвано в целом с восприятием дворянством и большей частью крестьянства русского монарха как борца за веру. Такой мотив редко содержался у европейских монархов. 19 января 1730 г. был сформулирован новый перечень «Кондиций», где мотивационная часть полностью отсутствует, при этом есть 2 новых пункта: запреты на вступление в брак и назначение наследника [7, с. 76]. Отправленные в Митаву 19 января 1730 г. «Кондиции» ещё строже ограничивают власть императрицы. В частности, гвардия и армия ставились под командование непосредственно Верховного тайного совета [7, с. 77]. Интересен пункт «излишних податей с крестьян не иметь» [7, с. 77]. Этот пункт, очевидно, появился не из соображений гуманизма, а памятью о кризисе аграрной экономики, вызванном введением подушной подати в конце правления Петра I, что нанесло удар также по благосостоянию дворянских поместий, которые держались на труде крепостных крестьян. В конце этой редакции «Кондиций» сказано: «Правда, что Бог всем владеет, и Он вложил в сердца Ваши такое попечение о мне, однакож я тот поступок почитаю за великое Ваше и всего народа усердие ко мне. И намерение мое ко всему народу и к вам, сколько Бог мне поможет, всякую милость казать и во всем отечеству моему пользы и благополучие искать» [7, с. 77]. Таким образом, власть монарха обусловлена, в понимании «верхников», только волей Бога, который воздействовал на народ в том смысле, что последний решил доверить свою судьбу монарху.

Примечательно, что в «Кондициях» нет ссылок на старые системообразующие в законодательстве нормы, от Анны Иоанновны не требуют соблюдать законы предков, как это часто встречается в текстах присяг западных монархов. В своей работе «Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской» В. Н. Татищев писал: «Закон гражданский и царский едино, о котором у нас многие за растерянием от незнания пользы древних мнят, якобы до Уложения

1649 г. никаких не было, а судебник царя Иоанна I, хотя разные списки находят, несмысленные, не зная его пользы и потребности, за непотребной почитают, и для того оной доднесь не печатан. Но мы находим весьма древние законы: 1) Славенской, сочиненной задолго до прихода Рюрика, на которой Олег I и по нем Игорь, сын Рюриков, в договорах со греки ссылаются, и в нем точно то написано. 2) Ярослава I-го, в 1019 г. данной новгородцам. Оные оба поп Иван новгородской, жившей при Александре Невском, в его летописи до нас сохранил. Но они так древни, а особливо первой, что я с великим прилежанием и призыванием многих древних гисторей читателей трудился изъяснить, токмо не мог все точно уразуметь, для того ту древнюю летопись и законы со истолкованием отдал в Академию наук, которое за ненапечатанием лежит туне и мало кто знает. Во оных же о наследстве ничего не находится, однако ж Константин Мудрый великий князь ссылается о наследстве на закон русской, но по тому видно, что был, но погиб. Иоан I показывает на уложение дедово и отцово, но их нет. 3) Судебник царя Иоанна I хотя принят за основание Уложения 1649 г. и на него часто в делах таких, которых в новом точно не описано, ссылаются, токмо и то туне оставлено; оное со истолкованием вышеобъявленным со многими весьма нужными последовавшими по 1610 год указами вышеписанным приобщено. 4) Уложение 1649, потом Петра Великого с 1714 г. и наследников его по 1741 г. в разных книгах напечатано, но понеже многое во оных недостает или есть, да неясно, и оные один другому противоречат, для того с 1719 г. о сочинении новаго уложения трудятся, но мнится, что за многими прихотьюми никогда не дожидаться»¹.

Таким образом, единственный полный свод законов, понятный и принимаемый дворянством, – это Уложение 1649 г., которое, по мнению Петра Великого, нуж-

¹ Татищев В. Н. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 7. История Российская. Т. 8. Избранные произведения. М.: Ладомир, 1996. С. 282–283.

далось в переработке, что и стало, скорее всего, причиной, почему «верховники» не ссылаются в «Кондициях» ни на какие законодательные акты и даже на нормы обычного права, а рассуждения о воле Бога к такому едва ли можно отнести.

Правда, в рамках теории естественного права воля Бога трактуется в качестве закона, отсюда следует, что «верховники» строго придерживались этой теории, которая не имела национальных русских корней. В. Н. Татищев так характеризует монархию в рамках теории естественного права: «Закон естественный. Законодавец есть высочайшая власть, в божеских один бог, а в человеческих разн, яко в монархиях или единовластиях государь, которой никакому человеческому закону не подвержен, в аристократиях государь со знатными людьми, иже и соопределенные правлению зовутся, в демократиях или общенародиях выбранные и определенные от народа сочиняют, утверждают и всем для известия объявляют; и сии оба правительства сами законом подвержены. Что же в сочинении законов хранить должно, оное в краткости в том состоит, чтоб было не противное божеским и ко исполнению всем возможное, чтоб было тем языком, которым те подзаконные говорят, к тому точно и ясно написано, особливо в законах, и никакие иноязычные слова и витийственные речения негодны, чтоб наказания по состоянию преступления были довольно умеренные, понеже неумеренные наказания сами разрушают закон, чтоб преждния несогласные оному закону точно объявлены были, что уничтожаются или что из онаго оставляется, дабы из того выборам сужденные привлекать не могли. Главное есть, что короче закон и меньше изъятий имеет, тем менее ябедникам душевредствовать случая оставляет, но притом как никто по иностранным и неведомым ему законам, так и по своим, доколе ему оной был неизвестен, за преступление оного по правости сужден быть не может»¹

¹ Там же.

Судя по проекту об ограничении власти монарха от 7 февраля 1730 г., в составлении которого участвовал генералитет, российское общество не было знакомо со средневековыми нормами русского народоправства, и сам проект сводится в основном к расширению прав и полномочий созданного Петром Великим Сената [7, с. 78]. Сенат рассматривался «верховниками» в качестве исполнительного органа власти. Правда, они предлагали выбирать сенаторов из представителей шляхты и генералитета, как и председателей коллегий [7, с. 78].

Проектом парламента можно было бы назвать некий «общий совет», однако его конкретные процедуры в системе управления империей не упомянуты. Кроме того, «общий совет» – это даже не государственный орган власти в прямом смысле этого слова, а некий принцип принятия законов: «в важных государственных делах также, и что потребно будет впредь сочинить в дополнение уставов, принадлежащих к государственному правительству, – оные сочинять и утверждать вышнему правительству и сенату, генералитету и шляхетству общим советом» [7, с. 78]. Это стоит рассматривать как политическую уступку «верховников» генералитету и шляхетству, но до парламента здесь очень далеко. Возможно, здесь имеет место отсылка к земским соборам, но это только гипотеза, которую, между прочим, высказывали в то время и иностранные послы, гипотеза, потому что конкретных ссылок на допетровские законодательные акты это предложение не содержит и не может содержать, т. к. генералитет в допетровской Руси отсутствовал.

«Конституционный проект» от 7 февраля 1730 г. стал также в значительной степени ответом на кризисные процессы в законодательстве и государственных делах, которые начались, очевидно, уже в конце правления Петра I. На это указывает важное положение в тексте данного проекта: «которые офицеры и солдаты за раны и за старостью отставлены будут от службы, а собственного своего пропитания не имеют,

оним надлежит учинять рассмотрение, и о награждении им пропитания» [7, с. 78].

Другим серьёзным конституционным проектом был проект генерал-аншефа М. А. Матюшкина, троюродного брата Петра Великого, предлагавшего:

– наделить Сенат контрольной функцией за региональными властями [7, с. 80]. Новые законы (буквально «ставы») должны приниматься сообща Верховным советом, генералитетом и шляхетством (механизм данной правовой процедуры не был прописан);

– снизить подати с крестьян, но после тщательного рассмотрения;

– чтобы жалобы дворян, купцов и духовенства и «прочих» рассматривались монархом, потому что на том основана стабильность правления [7, с. 81].

О других сословиях, кроме дворян, сказано вскользь.

И. И. Дмитриев-Мамонов (генерал-аншеф и супруг младшей дочери Ивана V) также подал проект нового государственного устройства, который во многом повторяет предложения М. А. Матюшкина, но всё-таки содержит и отличия, например, расширяются права Сената как и его численный состав до 21 сенатора.

Политико-правовые взгляды А. И. Остермана

Об Андрее Ивановиче Остермане (крещёный в православие выходец из Германии), который занимался в своих разрозненных сочинениях и записках теорией государственного устройства, известно немало [10]. На А. И. Остермана оказал сильное влияние первый в России преподаватель естественного права Хр.-Ф. Гросс, который был губернёром у детей А. И. Остермана и юридическим советником последнего во время династического кризиса 1741 г. Надо отметить, что Остерман не принимал участия в попытке «переворота», устроенного «верховниками» в начале 1730 г., но и активно ему не противодействовал, когда Анна Иоанновна находилась в Митаве.

А. И. Остерман в своих рассуждениях был менее либерален, нежели другой сподвижник Петра Великого – Алексей Александрович Курбатов (1663—1721). Незадолго до своей смерти он представил царю проект «Пункты о кабинет-коллегии», в котором предлагал передать специально созданному одноимённому государственному органу законодательные и контрольные функции [12, с. 47–57].

Политические взгляды Остермана наиболее наглядно отразились в документе «Мнение графа А. И. Остермана о состоянии и потребностях России в 1740 году». Этот документ является программой укрепления самодержавия в России, но посредством создания системы морального авторитета монарха в глазах его подданных, технической основой чего должен был послужить Сенат. Через последний Остерман предлагал ужесточить контроль императрицы за судами в России [19, с. 258]. Важно также завершить создание свода законов империи, разработка которых была задумана ещё около 1720 г. Для этого необходимо создать специальную комиссию из 2 представителей духовенства и 2 юристов, «некоторых из гражданства» (он имел в виду аристократов) [19, с. 259].

По мнению Остермана, власть монарха должна быть ограничена в силу технического обстоятельства: один человек не может всё знать и всем управлять, поэтому часть полномочий центральной власти нужно передать «министрам» [19, с. 259].

В религиозных вопросах А. И. Остерман настоятельно рекомендовал Анне Иоанновне руководствоваться «Духовным регламентом» Петра Великого на том основании, что он получил одобрение от «всего народа» [19, с. 281], т. е. правовое основание закона сводится к поддержке такового народом (не очень понятно, что он имел в виду под последним, но, скорее всего, речь о дворянстве и части купечества). По мнению Остермана, церковь обязана заниматься больницами и училищами, последнее особенно важно для государства [19, с. 281] (т. е. речь идёт о распространении образования).

Большая часть работы царедворца посвящена вопросам устройства армии и военно-морского флота, и это говорит о том, что о коренном переустройстве государства в конце правления Анны Иоанновны политик всё-таки не задумывался. Однако «одобрение народа», в его понимании, есть основание легитимности законов, которыми руководствуется монарх.

Не стоит думать, что А. И. Остерман был только теоретиком в сфере политического устройства государства и других вопросах. В частности, его идея, что свободный труд производительнее подневольного, проистекала из опыта работы государственных судостроительных верфей, где он применил денежное поощрение по отношению к занятым там военнотружущим младших чинов. Он отметил, что люди стали работать эффективнее, что принесло выгоду государству [10, с. 60]. Здесь царедворец руководствовался практическим опытом и выгодой государства, а не благом индивида, как это следовало бы из теорий гуманистов.

Заключение

Сознание российского общества находилось ещё в пределах представлений средневековых людей о праве власти монарха, данной ему Богом, и здесь россияне не отличались ничем от французов или немцев первой половины XVIII в. Государств республиканского типа тогда

было очень мало. Поэтому содержащиеся консервативные идеи проекты «верховников» и лидеров шляхты, в целом, не были продуктом отставания России от Запада. Однако парламентаризм чётко не прослеживается в этих проектах, есть только отдельные неясные идеи на этот счёт.

Надо особо отметить, что авторы конституционных проектов не апеллировали к праву допетровской Руси, но чётко видна связь их идей с естественным правом. В этом смысле уже имела место правовая модернизация российской элиты. Однако связано это было не с развитием рыночных отношений и буржуазного сознания, а с потребностью улучшить работу бюрократического аппарата, возникшей в конце правления Петра Великого. По этой же причине не было и парламентаризма.

Это отличает российскую институциональную модернизацию от западной. Правда, мы не стали бы проводить здесь жёсткую грань между Россией и всем Западом. Те же физиократы не мыслили в середине-конце XVIII в. развитие Франции вне системы королевской власти. Но у французов был опыт Генеральных штатов, о котором они вспомнили в канун своей Великой буржуазной революции. Российские реформаторы, в отличие от западных интеллектуалов, мало обращались к опыту средневековой Руси.

Статья поступила в редакцию 23.12.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алебастрова А. А., Яшина С. Ф. Ретроспективный взгляд на историю становления системы среднего образования России в контексте модернизации // *Modern Science*. 2022. № 5-1. С. 115–119.
2. Анисимов Е. В. Анна Иоанновна. М.: Молодая гвардия, 2002. 362 с.
3. Белова Т. А. «Конституционные проекты» 1730 г. // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2015. № 10-2. С. 369–372.
4. Бугров К. Д. Политический кризис 1730 г. и идеология деятельности провиденциального монархизма // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 2. С. 96–104.
5. Институционально-политическое развитие русского государства в контексте теории А. Грайфа / Д. Н. Ермаков, Г. Г. Попов, Г. Н. Канинская, В. М. Марасанова // *Социальные и гуманитарные знания*. 2020. Т. 6. № 4. С. 324–333.
6. Иерусалимский Ю. Ю., Попов Г. Г. Противостояние Русского государства с государствами Чингизидов: макросоциологический и исторический аспекты // *Вестник Томского государственного университета*. 2021. № 472. С. 104–114.
7. Конституционные проекты в России XVIII – начала XX века / сост. А. Н. Медушевский. М.: РОССПЭН, 2010. 640 с.

8. Кузьмин А. Г. Татищев. М.: Молодая гвардия, 1987. 368 с.
9. Ласточкина М. А., Ласточкин А. Н. Россия в мировом пространстве модернизации: ключевые проблемы и решения // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Т. 9. № 1-1. С. 614–627.
10. Лысцова А. С. Внутриполитическая деятельность графа А. И. Остермана в 1730–1741 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2015. 180 с.
11. Медушевский А. Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М.: РОССПЭН, 1998. 654 с.
12. Павлов-Сильванский Н. Проекты реформ в записках современников Петра Великого (изданы проекты Салтыкова, Курбатова, Зотова и др.). СПб: Типография В. Киршбаума, 1897. 86 с.
13. Плотников А. Б. Акты ограничения самодержавной власти и политические проекты в России в 1730 году: (Итоги источниковедческого изучения) // Отечественная история. 2008. № 6. С. 117–130.
14. Попов Г. Г., Токмаков Д. С. Институциональные особенности противостояния России и Османской империи в XVIII веке // Terra Economicus. 2023. Т. 21. № 3. С. 58–69.
15. Попов Г. Г. Трудный путь русского «капитализма» в крепостнической России // Journal of Institutional Studies. 2023. Т. 15. № 1. С. 60–77.
16. Протасов Г. А. «Кондиции» 1730 г. и их продолжение // Ученые записки. 1957. Вып. XV. С. 215–216.
17. Самохин К. В. Российская история сквозь призму теории модернизации: историографический аспект // Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии. 2023. № 48. Р. 10.
18. Сахаров А. Н. Конституционные проекты и дивилзационные судьбы России // Конституционные проекты в России. XVIII – начало XX в. М., 2000. С. 36–37.
19. Сборник исторических статей и материалов. Т. III / сост. О. А. Базунов. СПб.: Типография Майкова, 1873. 439 с.
20. Meehan-Waters B. Autocracy and Aristocracy: The Russian Service Elite of 1730. NJ: New Brunswick, 1982. 260 p.
21. Samokhin K. V. The Economic Development of the Russian State in the 17th–18th centuries: Modernization or Protomodernization // Bylye Gody. 2023. № 18. P. 1091–1102.

REFERENCES

1. Alebastrova A. A., Yashina S. F. [Retrospective look at the history of the formation of the secondary education system in Russia in the context of modernization]. In: *Sovremennaya nauka* [Modern Science], 2022, no. 5-1, pp. 115–119.
2. Anisimov E. V. *Anna Ioannovna* [Anna Ioannovna]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 2002. 362 p.
3. Belova T. A. [“Constitutional projects” of 1730]. In: *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy* [International Journal of Applied and Fundamental Research], 2015, no. 10-2, pp. 369–372.
4. Bugrov K. D. [Political crisis of 1730 and the ideology of providential monarchism]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2018, no. 2, pp. 96–104.
5. Ermakov D. N., Popov G. G., Kaninskaya G. N., Marasanova V. M. [Institutional and political development of the Russian state in the context of A. Greif's theory]. In: *Sotsialnyye i gumanitarnyye znaniya* [Social and humanitarian knowledge], 2020, vol. 6, no. 4, pp. 324–333.
6. Ierusalimsky Yu. Yu., Popov G. G. [Confrontation of the Russian state with the Chinggisid states: macrosociological and historical aspects]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2021, no. 472, pp. 104–114.
7. Medushevsky A. N., ed. *Konstitutsionnyye proyekty v Rossii XVIII – nachala XX veka* [Constitutional projects in Russia in the 18th – early 20th centuries]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 640 p.
8. Kuzmin A. G. *Tatishchev* [Tatishchev]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 1987. 368 p.
9. Lastochkina M. A., Lastochkin A. N. [Russia in the global space of modernization: key problems and solutions]. In: *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra* [Economy: yesterday, today, tomorrow], 2019, vol. 9, no. 1-1, pp. 614–627.
10. Lyscova A. S. *Vnutripoliticheskaya deyatel'nost' grafa A. I. Ostermana v 1730–1741 gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [Domestic political activities of Count A. I. Osterman in 1730–1741: Cand. Sci. thesis in Historical Sciences]. Yekaterinburg, 2015. 180 p.
11. Medushevsky A. N. *Demokratiya i avtoritarizm: rossiyskiy konstitutsionalizm v sravnitel'noy perspektive* [Democracy and Authoritarianism: Russian Constitutionalism in Comparative Perspective]. Moscow,

- ROSSPEN Publ., 1998. 654 p.
12. Pavlov-Silvansky N. *Proyekty reformy v zapiskakh sovremennikov Petra Velikogo (izdany projektov Saltykova, Kurbatova, Zotova i dr.)* [Reform Projects in the Notes of Peter the Great's Contemporaries (projects by Saltykov, Kurbatov, Zotov, and others were published)]. St. Petersburg, Tipografiya V. Kirshbauma Publ., 1897. 86 p.
 13. Plotnikov A. B. [Acts of Limiting Autocratic Power and Political Projects in Russia in 1730: (Results of Source Study)]. In: *Otechestvennaya istoriya* [Domestic History], 2008, no. 6, pp. 117–130.
 14. Popov G. G., Tokmakov D. S. [Institutional Features of the Confrontation between Russia and the Ottoman Empire in the 18th Century] In: *Terra Economicus*, 2023, vol. 21, no. 3, pp. 58–69.
 15. Popov G. G. [The Difficult Path of Russian “Capitalism” in Feudal Russia]. In: *Journal of Institutional Studies*, 2023, vol. 15, no. 1, pp. 60–77.
 16. Protasov G. A. [“Conditions” of 1730 and Their Continuation]. In: *Uchenyye zapiski* [Scientific Notes], 1957, iss. XV, pp. 215–216.
 17. Samokhin K. V. [Russian History Through the Prism of Modernization Theory: A Historiographical Aspect]. In: *Vestnik Vostochno-Sibirskoy Otkrytoy Akademii* [Bulletin of the East Siberian Open Academy], 2023, no. 48, pp. 10.
 18. Sakharov A. N. [Constitutional Projects and Civilizational Destinies of Russia]. In: *Konstitutsionnyye proyekty v Rossii. XVIII – nachalo XX v.* [Constitutional Projects in Russia. 18th – Early 20th century]. Moscow, 2000, pp. 36–37.
 19. Bazunov O. A., ed. *Sbornik istoricheskikh statey i materialov. T. III* [Collection of historical articles and materials. Vol. III]. St. Petersburg, Tipografiya Maikova Publ., 1873. 439 p.
 20. Meehan-Waters B. *Autocracy and Aristocracy: The Russian Service Elite of 1730*. New Brunswick, 1982. 260 p.
 21. Samokhin K. V. The Economic Development of the Russian State in the 17th–18th centuries: Modernization or Protomodernization. In: *Bylye Gody*, 2023, no. 18, pp. 1091–1102.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Токмаков Дмитрий Сергеевич – старший преподаватель Ставропольского государственного аграрного университета;

e-mail: serge.tokmakov@mail.ru

Попов Григорий Германович – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Российской академия народного хозяйства и государственного управления при Президенте Российской Федерации;

e-mail: GGPopov2009@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Dmitry S. Tokmakov – Senior Lecturer, Stavropol State Agrarian University;

e-mail: serge.tokmakov@mail.ru

Gregory G. Popov – Cand. Sci. (Economy), Senior Researcher, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation;

e-mail: GGPopov2009@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Токмаков Д. С., Попов Г. Г. Правовые проекты Верховного тайного совета в январе-феврале 1730 г. как начало раннего конституционализма в Российской империи // Московский юридический журнал. 2024. № 2. С. 14–23.

DOI: 10.18384/2949-513X-2024-2-14-23

FOR CITATION

Tokmakov D. S., Popov G. G. Legal Projects of the Supreme Privy Council in January-February 1730 as the Beginning of Early Constitutionalism in the Russian Empire. In: *Moscow Juridical Journal*, 2024, no. 2, pp. 14–23.

DOI: 10.18384/2949-513X-2024-2-14-23

УДК 340.1

DOI: 10.18384/2949-513X-2024-2-24-33

О ПРАВООТНОШЕНИЯХ ПО-НОВОМУ

Тузов Н. А.

Государственный университет просвещения

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

Аннотация:

Цель. Разработка новых подходов к подразделению правоотношений (как родового понятия с выражением его дефиниции) на видовые потенциальные и действительные. Данные виды признаются исходными в объяснении правоотношений и дополняются иным видовым подразделением правоотношений.

Процедура и методы. В работе использованы следующие специальные методы правового анализа: анализ, синтез, обобщение, герменевтический метод, исторический метод, сравнительный и структурно-функциональный методы. В результате исследования будут чётко обозначены как уже существующие методологические подходы, так и те, которые возникли благодаря инновациям в правовом мышлении и способны охватить особенности познания права как социального явления.

Результаты. По-новому раскрываются виды правоотношений, структура правоотношения, а также определяются значение и значимость правоотношений в правовом регулировании общественных отношений и в общей теории права, теории правоотношений.

Теоретическая и/или практическая значимость. Сделан вывод, что правоотношения значимо являются также формой существования и осуществления функций права – регулятивной, охранительной, информационной, идеологической, инструментальной и др., выражением степени их выполнения в государственно организованном обществе. Это придаёт им функциональность в нём. При этом интегративно они связаны со всеми формами права, создаваемыми и реализуемыми в государстве, в их иерархии. Это значит, что правоотношения имеют свою иерархию их существования и осуществления, что заслуживает особого рассмотрения.

Ключевые слова: правоотношения, виды, потенциальные правоотношения, действительные правоотношения, дефиниции, новые понятия, новая структура правоотношения, значение, значимость.

ON LEGAL RELATIONS IN A NEW WAY

N. Tuzov

Federal State University of Education

ul. Radio 10A, Moscow 105005, Russian Federation

Abstract

Aim. Development of new approaches to the subdivision of legal relations (as a generic concept with the expression of its definition) into species potential and valid. These types are recognized as initial in the explanation of legal relations and are supplemented by a different species division of legal relations.

Methodology. The following special methods of legal analysis were used in the work: analysis, synthesis, generalization, hermeneutic method, historical method, comparative and structural-functional methods. As a result, the research will clearly identify both existing methodological approaches and those that have arisen due to innovations in legal thinking and are able to cover the features of knowledge of law as a social phenomenon.

Results. The structure of legal relations is revealed in a new way, and the significance and significance of legal relations in the legal regulation of public relations and in the general theory of law, the theory of legal relations are determined.

Research implications. It was concluded that legal relations are also significantly a form of existence and implementation of the functions of law - regulatory, protective, informational, ideological, instrumental, etc., an expression of the degree of their implementation in a state-organized society. This gives them functionality in it. Moreover, they are integratively related to all forms of law created and implemented in the state, in their hierarchy. This means that legal relations have their own hierarchy of their existence and implementation, which deserves special consideration.

Keywords: legal relations, types, potential legal relations, actual legal relations, definitions, new concepts, new structure of legal relations, meaning, significance

Введение

Несмотря на то, что тема правоотношений является исторически давно исследуемой в российской правовой науке с выдвиганием в её советский период даже целого учения (теории) о правоотношении [4, с. 244–270], вдумчивое отношение к этой теме эвристически выдаёт новые её аспекты, обнаруживает проблемные и дискуссионные вопросы в ней.

Прежде всего, выявляется действительная смысловая неоднозначность правоотношений в регулировании общественных отношений – разное их понимание. Эта неоднозначность вызвана во многом тем, что в российской общей теории права правоотношения стали относить не только к правореализации, но и к правотворчеству [9, с. 55], в которых правоотношения имеют заметно разное смысловое значение. Но это смысловое различие не учитывается в исследованиях правоотношений, а перепутывается, нивелируется, представляясь как бы несущественным и даже отсутствующим ввиду их произвольно предполагаемого одинакового смысла в правотворчестве и правореализации. С этим трудно по-научному согласиться по ряду причин [19, с. 88–93].

Во-первых, в правотворчестве правоотношения создаются, устанавливаются и закрепляются в качестве абстрактно-общих властно-нормативных предметных¹ моде-

лей поведения субъектов права, имеющих неопределённый характер в силу своей абстрактной обобщённости. В правореализации же правоотношения являются реальными, конкретными, фактическими субъектно-правовыми предметными связями их индивидуально определённых участников². Данные связи выражают дедуктивное воплощение этими участниками (в мысленном движении от общего к единичному, частному) в своих действиях абстрактно-общих предметно-властных нормативных моделей поведения субъектов права в виде предметных норм и принципов, целей права. Это значит, что в правотворчестве правоотношения являются абстрактными, а в правореализации – конкретными, индивидуализированными. При этом первые философски выражают общее, а вторые – единичное. Это заставляет различать их, особенно при обозначении их обще-одинаковым термином «правоотношения» и отнесении обоих к одной разновидности общественных отношений, выделяемой по признаку нуждаемости общественных отношений в правовом регулировании [20].

Во-вторых, правоотношения условно в правотворчестве (с их отличием от собственно процедурно-правотворческих

лирования – определённым сферам и видам общественных отношений, например, конституционных, гражданско-правовых, трудовых, уголовных, земельных, финансовых, образовательных отношений.

¹ Здесь и далее под термином «предметные» и его вариациями понимается относимость правовых явлений к отраслевым предметам правового регу-

² См.: Лазарев В. В., Липень С. В. Теория государства и права. М.: Юрайт, 2024. С. 378.

правоотношений) содержательно имеют абстрактно-общие (модельные) предметные права и обязанности их субъектов в их родовом (общем) значении. А правоотношения в правореализации содержательно имеют предметные субъективные права и юридические обязанности их индивидуально-определённых (единичных) субъектов¹. И последние (права и обязанности) могут субъективно не совпадать (по своему родовидовому, дедуктивному соотношению) в реальности с первыми [18, с. 7–294, 480–509]. При этом первые обеспечиваются государственным принуждением правотворчески абстрактно, отвлечённо, а вторые – упорядоченно в пространстве и времени, конкретно, непосредственно и реально [21].

В-третьих, в правоотношениях условно в правотворчестве их объекты и субъекты являются абстрактно-общими (родовыми), а в правоотношениях в правореализации их объекты и субъекты являются конкретизированно индивидуализированными, материализованными, объективированными, т. е. они (объекты и субъекты) имеют свои особенности по сравнению с абстрактными объектами и субъектами правоотношений в правотворчестве, при этом выражая исходно дедуктивную связь с ними – связь перехода от общего или особенного к частному, единичному. При этом заметим, объекты правоотношений (материальные и духовные, нематериальные блага) связаны с правами и обязанностями субъектов правоотношений (абстрактно-общими и индивидуализированно субъективными), предполагая и определяя их своей значимостью собственно, что заслуживает своего особого рассмотрения.

Правоотношения в общей теории права

В связи с изложенным представляется необходимым конвенционно (по взаимному согласию и с поддержкой многих исследователей) различать в общей теории права, как отмечено ранее, правоотношения условно в правотворчестве и правоотношения в право-

реализации, исходя из вышеизложенного их содержательно различного смыслового значения, соответственно совпадающего лишь в их родовом выражении – «правоотношения». В связи с этим надо различительно именовать их в правореализации «правоотношениями» (поскольку этот термин наиболее распространён и принят в российской общей теории права именно в правореализационном значении), а в правотворчестве именовать их «предметно-властными нормативными моделями поведения субъектов права» [22, с. 133, 145], выраженными в предметных нормах, принципах и целях права.

По-иному при использовании в исследованиях лишь одного термина «правоотношения» логично различительно именовать их условно правотворческими правоотношениями и правореализационными правоотношениями, которые получают видами родового (обобщающего) понятия-термина «правоотношения». Дефинитивно понятием последнего мыслится следующее: правоотношения – это общественные отношения субъектов права, необходимо урегулированные правотворчески властно и предметно установленными и заинтересованно, связано, дедуктивно и системно реализуемыми этими (но уже индивидуализированными) субъектами нормами, принципами и целями права, связанными с определёнными объектами права. Обобщённые в этой дефиниции условно правотворческие и правореализационные правоотношения мыслятся исходными видами данного родового понятия «правоотношения», которые можно назвать более точными терминами – своими именами [18].

В связи с данным видовым различием правоотношений в целом представляется верным разделять и по-разному терминологически обозначать названные правоотношения и нормативные модели поведения субъектов права, а затем так же различно понятийно определять их.

Таким разделением первоначально предполагается теоретическое признание особого наличия правотворческих абстрактно-общих, предметно-властных нормативных моделей поведения субъектов права и

¹ См.: Антонов М. В. Теория государства и права: учебник. М.: Юрайт, 2024. С. 321.

отличительного обозначения их как потенциальных (возможных) правоотношений – результатов предметного правотворчества, а затем наличия в особенности правореализационных действительных правоотношений. Они имеют свои дефиниции – определения совокупностей существенных, необходимых и отличительных признаков реальных явлений, абстрактно и обобщённо отражаемых в этих совокупных признаках – понятиях. Именно они представляются исходными видами правоотношений в целом в общей теории права и теории правоотношений, практике правового регулирования [12].

Для отличительного выделения именно действительных (условно правореализационных) правоотношений имеются определённые логические основания, выраженные в их особенных характерных чертах. Во-первых, данные отношения возникают и осуществляются в правореализации, а не создаются, устанавливаются и закрепляются в правотворчестве, и должны соответствовать реализуемым в них нормам, принципам и целям права. Во-вторых, данные правоотношения являются активно реальными, конкретными и фактическими во всех своих структурных элементах, начиная с субъектов, в отличие от относительно неподвижных, неизменных абстрактно-общих потенциальных правоотношений. В-третьих, эти правоотношения являются деятельными явлениями, практически исполнимыми их реальными субъектами. В-четвёртых, они обеспечены реальным государственным принуждением. В-пятых, они дают обратную связь с потенциальными правоотношениями и правотворчеством, показывая их истинность, адекватность или произвольность, отсталость, дефектность, что заслуживает особого рассмотрения [11].

Правоотношения в правореализации

Названные характерные черты правоотношений в правореализации – их реальность (объективность), соответствие-адекватность, активность, конкретность,

фактичность, деятельность, результативность, исполнимость, обеспеченность извне – философски являются признаками действительности явлений. Поэтому-то правореализационные правоотношения как явления вполне адекватно, основательно можно и нужно именовать в общей теории права *действительными правоотношениями*, если одновременно будет особо признаваться в ней наличие *потенциальных правоотношений*. Если этого не будет, то логичным будет именовать правоотношения условно в правореализации просто «правоотношениями», а правоотношения условно в правотворчестве – просто предметно-властными нормативными моделями поведения субъектов права. И данные правоотношения, как сказано ранее, имеют свои понятия и их дефиниции [13].

Давая дефиницию явлению, методологически следует исходить из логического требования к ней выявлять существенные, необходимые, достаточно полные его признаки в их совокупности в определённом отношении, чтобы эта дефиниция была научной, а не фрагментарной, лоскутной, произвольной, трансформенной, и ясно, чётко обособляла данное явление в определённом отношении от других явлений, выражая его сущность [10].

С учётом сказанного можно определить правоотношение условно в правотворчестве как абстрактно-общую предметно-властную нормативную модель поведения субъектов права, содержащую их обусловленные предметные взаимосвязанные права и обязанности в отношении определённых объектов права, меры их ответственности. И такая модель поведения является для её субъектов потенциальной (допустимо ожидаемой), т. е. условной в своём существовании и осуществлении (действии) в объективной реальности, действительности. Это делает её и возможной для реализации в действительности, т. е. имеющей правомерный доступ к себе и переход (перевод) из возможного в действительное. Поэтому-то данное «правоотношение», как отмечено ранее, логично именовать *потенциальным или возмож-*

ным правоотношением, а по-простому содержательно и отличительно – предметно-властной абстрактно-нормативной моделью поведения субъектов права. Это потенциальное правоотношение имеет определённое соотношение с нормами и принципами права, начиная со своего конструктивного выражения в них полностью или совокупно частями (элементами), что может быть рассмотрено особо [9].

Правоотношение условно в правореализации имеет ряд названных ранее своих особенных существенных признаков, соответственно, и понятийно отличающих его от потенциального правоотношения. С учётом этих признаков мыслится наиболее адекватно и необходимо полно следующая дефиниция данного правоотношения как действительного правоотношения. *Действительное правоотношение* – это предметная индивидуализированная субъектно-правовая связь, которая возникает сознательно-волевым образом и заинтересованно осуществляется между конкретными (индивидуально определёнными) субъектами права в форме их корреспондирующих предметных субъективных прав и юридических обязанностей в отношении вполне определённого объекта права в порядке конкретизирующей целевой реализации ими действующих предметных норм и принципов права и обеспечивается принудительной силой государства. В этих правоотношениях определяюще проявляются свойства сознания человека – его правосознания, которые требуют своего особого выяснения [8].

Определяя в необходимой полноте данное правоотношение через ближайший род и видовое отличие, можно полагать, что действительное правоотношение – это реальное, фактическое общественное отношение, выраженное в индивидуализированной предметно-правовой связи его конкретных субъектов в виде их взаимосвязанных субъективных прав и юридических обязанностей в отношении вполне определённого объекта, которая (связь) возникает в порядке реализации ими предметно действующих норм, принципов и

целей права и правомерно обеспечивается принудительной силой государства.

В связи со сказанным представляется возможным считать синонимами действительного правоотношения упомянутые ранее названия: реальные правоотношения или конкретные, фактические правоотношения [7].

Деление правоотношений на потенциальные и действительные теоретически означает их видовое подразделение по достаточно ясному его основанию: относимость к стадиям правового регулирования – к правотворчеству или к правореализации. И это видовое деление правоотношений представляется исходным в дальнейшем определении их видов [14].

Так, традиционно в общей теории права по видам различают регулятивные и охранительные правоотношения, которые, соответственно, должны подразделяться (каждые) на потенциальные и действительные. Вместе с тем теоретически обоснованно различать правозащитные отношения и охранительные правоотношения (исходно полагая их и потенциальными, и действительными), поскольку первые (правозащитные) выражают закрепление и осуществление главным образом судебной защиты нарушенных или оспариваемых прав и свобод субъектов права, а вторые (охранительные) – отношения охраны субъективных прав и свобод, превентивно осуществляемой правоохранительными органами – прокурорскими, следственными и иными уполномоченными органами посредством выявления, устранения и пресечения причин и условий совершения правонарушений [6].

Соответственно, исходное подразделение правоотношений на потенциальные и действительные проявляется и теоретически в ином видовом их делении по разным основаниям классификации, а именно в их делении на:

1) отраслевые правоотношения (конституционно-правовые, гражданско-правовые, уголовно-правовые, трудовые, земельные, налоговые, образовательные, научно-технологические и др.);

2) абсолютные и относительные правоотношения;

3) материальные и процессуальные;

4) внутригосударственные и международные правоотношения;

5) поощрительные и льготные правоотношения со своим отличительным теоретическим обоснованием.

Это выражается в соответствующих объединённых наименованиях данных правоотношений, например, потенциальные трудовые правоотношения и действительные трудовые правоотношения, потенциальные конституционно-правовые отношения и действительные конституционно-правовые отношения, потенциальные абсолютные правоотношения и действительные абсолютные правоотношения.

Традиционно принятая в отечественной общей теории права трёхэлементная структура правоотношения (субъекты, объект и содержание в виде взаимосвязанных субъективных прав и юридических обязанностей) не является достаточной, адекватной, особенно для действительных правоотношений. По логике реального существования и осуществления действительного правоотношения требуются дополнительные элементы в его структуру, чтобы оно стало функционально действительным [5].

Одним из таких элементов, в первую очередь, мыслятся юридические факты и составы в качестве вводного элемента в структуре данного правоотношения, заключённого в гипотезе нормы права, реализуемой в этом правоотношении. Хотя привычно и не совсем точно в теории права их считают просто основаниями возникновения, изменения и прекращения правоотношений, нелогично выводить их за пределы правоотношений.

Функционально должна быть дополнительно элементом структуры действительного правоотношения *цель* его возникновения и осуществления, которую можно назвать побудительным элементом этой структуры. Без цели правоотношение является бессмысленным, схоластичным.

Наконец, дополнительно необходим такой элемент структуры действительного правоотношения, как реальные *действия* его субъектов по осуществлению их субъективных прав и юридических обязанностей в отношении вполне определённого объекта. Их можно назвать объективной стороной данного правоотношения. В общей теории права её именуют «фактическим содержанием правоотношения». А субъективные права и обязанности субъектов правоотношения называются «юридическим содержанием правоотношения». Логически эти названия (термины) представляются недостаточно точными в выражении их смысла, но пригодными для приблизительного объяснения правоотношений.

Данное структурное дополнение нуждается в его конвенционном признании правоведами и познавательном, исследовательском и конструктивном использовании в общей теории права, теории правоотношений.

Достаточно сложным и теоретически малоисследованным является вопрос об их значении и значимости¹ в правовом регулировании общественных отношений и в общей теории права, что указывает на неполноту имеющегося теоретического осмысления правоотношений.

Аналитически обнаруживается, что правоотношения имеют довольно сложное значение в правовом регулировании общественных отношений, по-разному выявляемое и отражаемое в общей теории права в целом и в теории правоотношений в особенности.

Одним из выражений сложного значения правоотношений теоретически представляется то, что по своему общему смыслу они являются главным образом *субъектной формой* предметно-целевой реализации права (его норм, принципов и целей) в общественных отношениях (дей-

¹ Здесь *значение явления* – это суть, смысл, роль и функции явления, а *значимость явления* – это ценность, необходимость, эффективность, привлекательность, влияние, интересность, полезность или вредность явления.

ствительные правоотношения), которой предшествует такая их форма выражения, как правотворчески властное установление и закрепление абстрактных предметно-нормативных моделей поведения субъектов права (потенциальные правоотношения) [3].

Другим значением правоотношений мыслится то, что по своему общему смыслу и роли в регулировании общественных отношений они являются юридической формой установления, закрепления, существования и осуществления разного рода предметных общественных отношений – экономических, политических, трудовых, научно-технологических, земельных, творческих, информационных [19, с. 92–103], религиозных и иных общественных отношений, образующих государственно организованное общество – социоисторический организм в его философско-эволюционном понимании и выражении [15, с. 10–12].

Правоотношения с позиции социологического позитивизма

С позиции социологического позитивизма как типа правопонимания правоотношения по своей сути теоретически полагаются некоторыми правоведами выражением всего права как «живого права», т. е. они отождествляются с правом по формуле «право – это правоотношения». И здесь имеются в виду действительные правоотношения, рассматриваемые в функционально-сущностном значении права в целом.

Потенциальные правоотношения по своему общему смыслу имеют значение предметных объектов правотворчества, выявляемых по признаку их нуждаемости в правовом регулировании, например, в силу их особой социальной значимости, субъектной заинтересованности, конфликтности их существования, проверяемости. А действительные правоотношения имеют значение индивидуализированной субъектно-предметной формы правореализации.

В связи с этим действительные правоотношения имеют значение формы предметного индивидуального правового регулирования. А потенциальные правоотношения являются предметной формой нормативного правового регулирования. Между ними существует предметная реализационная связь, которая должна быть адекватной, но может быть девиантной (отклоняющейся), что предполагает его особое предметное рассмотрение [2].

Правоотношения в своих взаимосвязанных исходных видах (потенциальные и действительные) теоретически считаются иногда элементом правовой системы государственно организованного общества. В этом проявляется их системное теоретическое значение.

В целом правоотношения имеют значение индикатора состояния и уровня разнообразного развития государственно организованного общества, а также индикатора качества правотворчества и правореализации, необходимости совершенствования правового регулирования, особенно в плане приведения его в соответствие с изменяющимися реальными общественными отношениями, социальными интересами под влиянием в особенности научно-технологического прогресса, в частности, проблемной цифровизации этих отношений, или их деградации.

Значимость правоотношений (потенциальных и действительных) проявляется в том, что они необходимы для существования правового регулирования, без них оно невозможно, как невозможно явление без формы его существования. В этом проявляется социальная ценность, полезность данных правоотношений, поскольку через них в особенности утверждается и существует правопорядок, упорядоченность общественных отношений в государственно организованном обществе, реализуются социальные интересы, утверждаются и защищаются социальные ценности, в т. ч. классовые [1].

Правоотношения значимо являются также формой существования и осуществления функций права – регулятивной,

охранительной, информационной, идеологической, инструментальной и др., выражением степени их выполнения в государственно организованном обществе. Это придаёт им функциональность в нём. При этом интегративно они связаны со всеми формами права, создаваемыми и реализуемыми в государстве, в их иерархии. Это значит, что правоотношения имеют свою иерархию их существования и осуществления, что заслуживает особого рассмотрения.

Всё перечисленное создаёт логическое основание для социологического вывода о тождестве правоотношений и права в целом, где право рассматривается благодаря действительным правоотношениям «живым правом» – действующим и действительным правом, особенно в судебно-правовом регулировании (Р. Паунд, Е. Эрлих, С. Муромцев). Это придаёт правоотношениям особую значимость влиятельного представления права в данном государственно организованном обществе. При этом правоотношения (особенно действительные) нередко являются корректором предметного правотворческого выражения права. Они же свидетельствуют об эффективности права, выражая её. Здесь для них характерна диалектика правоотношений – их взаимосвязь, изменчивость и взаимопереход, трансформация [16].

Заключение

Таким образом, правоотношения являются сложным и многозначным феноменом в стадийном правовом регулировании общественных отношений, имеющим своё абстрактное родовое понятие. Это понятие включает в себя 2 исходных и взаимосвязанных вида правоотношений с их особенными понятиями-терминами – потенциальные правоотношения (условно в правотворчестве) и действительные правоотношения (условно в правореализации), которые подразделяются на иные виды в других классификациях правоотношений. Они отражают формы права и их иерархию, имея свою иерархию, подвержены диалектике [17].

Структура правоотношения нуждается в дополнении, которая для своей адекватности должна включать в себя 6, а не 3 элемента, традиционно принятые в общей теории права и теории правоотношений.

Наконец, правоотношения имеют ряд важных значений и сложную значимость в стадийном правовом регулировании общественных отношений. Всё это образует по-новому научно необходимую полноту понимания и объяснения правоотношений.

Статья поступила в редакцию 14.02.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов М. В. Теория государства и права. М.: Юрайт, 2024. 498 с.
2. Александров Н. Г. Законность и правоотношения в социалистическом обществе. М.: Госюриздат, 1955. 176 с.
3. Марченко Н. М. Источники права. М.: Проспект, 2017. 759 с.
4. Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М.: Юридическая литература, 1974. 351 с.
5. Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. М.: Госюриздат, 1961. 381 с.
6. Алексеев С. С. Общая теория права. Т. 2. М.: Юридическая литература, 1982. 359 с.
7. Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2023. 510 с.
8. Базылев Б. Т. Юридическая ответственность (теоретические вопросы). Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 1985. 120 с.
9. Ершов В. В. Регулирование правоотношений. М.: РГУП, 2020. 564 с.
10. Кирсанова А. В. Правоотношение юридической ответственности. Самара: Изд-во СаГА, 2009. 174 с.
11. Чернявский А. Г. Понятие механизма реализации освобождения от юридической ответственности // Образование и право. 2017. № 10. С. 218–223.
12. Шиндяпина М. Д. Стадии юридической ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. 210 с.

13. Ковалев В. А. К вопросу о правонарушении как основании юридической ответственности // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 3. С. 27–36.
14. Попондопуло В. Ф. Динамика обязательственного правоотношения и гражданско-правовая ответственность. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1985. 112 с.
15. Михалкин Н. В. Социализм: вчера, сегодня, завтра. М.: Юрлитинформ, 2017. 148 с.
16. Бутнев В. В. Несколько замечаний к дискуссии о теории охранительных правоотношений // Вопросы теории охранительных правоотношений: сб. конф. / отв. ред. Е. А. Крашенинников. Ярославль: ЯрГУ, 1991. С. 7–14.
17. Правоотношения в современной правовой реальности: традиционные подходы и новые концепции / под ред. Р. Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2019. 464 с.
18. Сырых В. М. Материалистическая философия частного права. М.: Юрлитинформ, 2014. 549 с.
19. Хмелевская С. А. Специфика правового регулирования в цифровую эпоху: социально-философские размышления // Государство и право. 2019. № 4. С. 92–103.
20. Хмелевская С. А. Философские основания теории права: теоретико-методологические размышления // Государство и право. 2014. № 12. С. 88–93.
21. Хмелевская С. А., Ручкина Г. Ф., Ермаков Д. Н. Эпистемократия: утопический проект или модель государства в обществах знания? // Государство и право. 2023. № 12. С. 204–213.
22. Ткаченко Ю. Г. Методологические вопросы теории правоотношений. М., 1980. 176 с.

REFERENCES

1. Antonov M. V. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow, Yurait Publ., 2024. 498 p.
2. Aleksandrov N. G. *Zakonnost i pravootnosheniya v sotsialisticheskoy obshchestve* [Legality and Legal Relations in Socialist Society]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1955. 176 p.
3. Marchenko N. M. *Istochniki prav* [Sources of Law]. Moscow, Prospect Publ., 2017. 759 p.
4. Khalfina R. O. *Obshcheye ucheniye o pravootnoshenii* [General Doctrine of Legal Relations]. Moscow, Yuridicheskaya literature Publ., 1974. 351 p.
5. Ioffe O. S., Shargorodsky M. D. *Voprosy teorii prava* [Questions of Legal Theory]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1961. 381 p.
6. Alekseev S. S. *Obshchaya teoriya prav. T. 2* [General Theory of Law. Vol. 2]. Moscow, Yuridicheskaya literature Publ., 1982. 359 p.
7. Matuzov N. I. *Aktualnyye problemy teorii prav* [Actual problems of the theory of law]. Saratov, Izd-vo Sarat. gos. akad. prava, 2023. 510 p.
8. Bazylev B. T. *Yuridicheskaya otvetstvennost (teoreticheskiye voprosy)* [Legal liability (theoretical issues)]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk. gos. un-t Publ., 1985. 120 p.
9. Ershov V. V. *Regulirovaniye pravootnosheniy* [Regulation of legal relations]. Moscow, RGUP Publ., 2020. 564 p.
10. Kirsanova A. V. *Pravootnosheniye voyennoy otvetstvennosti* [Legal liability relationship]. Samara: Izd-vo SaGA Publ., 2009. 174 p.
11. Chernyavsky A. G. [The concept of the mechanism for implementing exemption from legal liability]. In: *Obrazovaniye i pravo* [Education and Law], 2017, no. 10, pp. 218–223.
12. Shindyapina M. D. *Stadii yuridicheskoy otvetstvennosti: dis. ... kand. yurid. nauk* [Stages of legal liability: Cand. Sci. thesis in Law]. Moscow, 1996. 210 p.
13. Kovalev V. A. [On the issue of an offense as a basis for legal liability]. In: *Aktualnyye problemy rossiyskogo prava* [Actual problems of Russian law], 2010, no. 3, pp. 27–36.
14. Popondopulo V. F. [Dynamics of obligatory legal relations and civil liability]. Vladivostok, Izd-vo Dalnevost. un-ta Publ., 1985. 112 p.
15. Mikhalkin N. V. *Sotsializm: vchera, segodnya, zavtra* [Socialism: yesterday, today, tomorrow]. Moscow, Yurilitinform Publ., 2017. 148 p.
16. Butnev V. V. [Several remarks on the discussion of the theory of protective legal relations]. In: *Krasheninnikov E. A., ed. Voprosy teorii okhranitel'nykh pravootnosheniy* [Issues of the theory of protective legal relations: collection of papers]. Yaroslavl, YarGU Publ., 1991, pp. 7–14.
17. Khachaturov R. L., ed. *Pravootnosheniya v sovremennoy real'nosti: traditsionnyye podkhody i novyye kontseptsii* [Legal relations in modern legal reality: traditional approaches and new concepts]. Moscow, Yurilitinform Publ., 2019. 464 p.
18. Strykh V. M. *Materialisticheskaya filosofiya chastnykh prav* [Materialistic Philosophy of Private Law].

- Moscow, Yurlitinform Publ., 2014. 549 p.
19. Khmelevskaya S. A. [Specifics of Legal Regulation in the Digital Age: Social and Philosophical Reflections]. In: *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2019, no. 4, pp. 92–103.
 20. Khmelevskaya S. A. [Philosophical Foundations of the Theory of Law: Theoretical and Methodological Reflections]. In: *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2014, no. 12, pp. 88–93.
 21. Khmelevskaya S. A., Ruchkina G. F., Ermakov D. N. [Epistemocracy: Utopian Project or Model of the State in Knowledge Societies?]. In: *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2023, no. 12, pp. 204–213.
 22. Tkachenko Yu. G. *Metodologicheskiye voprosy teorii pravootnosheniy* [Methodological issues of the theory of legal relations]. Moscow, 1980. 176 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тузов Николай Алексеевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и гражданского права юридического факультета Государственного университета просвещения;
e-mail: tna_prof@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolai A. Tuzov – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of Constitutional and Civil Law of the Law Faculty, Federal State University of Education;
e-mail: tna_prof@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Тузов Н. А. О правоотношениях по-новому // Московский юридический журнал. 2024. № 2. С. 24–33.
DOI: 10.18384/2949-513X-2024-2-24-33

FOR CITATION

Tuzov N. A. On Legal Relations in a New Way. In: *Moscow Juridical Journal*, 2024, no. 2, pp. 24–33.
DOI: 10.18384/2949-513X-2024-2-24-33

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

УДК 34.04

DOI: 10.18384/2949-513X-2024-2-34-40

РОЛЬ АКТУАЛЬНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ, АДЕКВАТНЫХ СОВРЕМЕННЫМ ВЫЗОВАМ

Ручкина Г. Ф., Ашмарина Е. М.

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
125993, г. Москва, Ленинградский пр-кт, д. 49, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Научное выяснение роли юридической науки в комплексном регулировании экономических и предпринимательских отношений в современном российском правовом государстве.

Процедура и методы. В связи с тем, что многочисленные практические вопросы расположены в сегментах пересечения нескольких научных специальностей, авторы статьи обратили внимание на тот факт, что достаточная степень корреляции между положениями таких научных специальностей, как «право» и «экономика», могла бы послужить залогом конструктивного развития (например, феномен бюджетного федерализма расположен на грани этих наук).

Результаты. Новый уровень экономического развития нашей эпохи обуславливает обновление правового контента. В работе предложено позиционировать правовую науку (как в её фундаментальной, так и прикладной ролях) как «дорожную карту» современной реальности, в частности, предполагая сопряжение положений научных специальностей «право» и «экономика» в правовой науке.

Теоретическая и/или практическая значимость. Содержание общественных экономических отношений относится скорее к компетенции экономической науки. В статье, основанной на богатом практическом материале, показано значение правового аспекта (оформление рассматриваемых отношений). Раскрыта роль права в таких направлениях, как соблюдение соответствия изначально объективных экономических отношений (конкретного их вида) базовым принципам права и правового государства, а также в высоком качестве юридической техники.

Ключевые слова: правовая наука, экономическая наука, финансовое право, бюджетное право, бюджетный федерализм, муниципальное самоуправление

THE ROLE OF RELEVANT LEGAL SCIENCE IN ENSURING FINANCIAL AND ECONOMIC RELATIONS ADEQUATE TO MODERN CHALLENGES

G. Ruchkina, E. Ashmarina

*Financial University under the Government of the Russian Federation
Leningradsky prospekt 49, Moscow 125993, Russian Federation*

Abstract

Aim. The purpose of the article is the scientific clarification of the role of legal science in the complex regulation of economic and entrepreneurial relations in the modern Russian legal state.

© CC BY Ручкина Г. Ф., Ашмарина Е. М., 2024.

Methodology. Due to the fact that numerous practical issues are located in the segments of intersection of several scientific specialities, the authors of the article drew attention to the fact that a sufficient degree of correlation between the provisions of such scientific specialities as “Law” and “Economics” could serve as a guarantee of constructive development (for example, the phenomenon of budgetary federalism is located on the edge of these sciences).

Results. The new level of economic development of our era determines the renewal of legal content; the article proposes to position legal science (both in its fundamental and applied role) as a “road map” of modern reality, in particular, assuming the conjugation of the provisions of scientific specialities “Law” and “Economics” in legal science.

Research implications. The content of public economic relations belongs rather to the competence of economic science. The article, based on rich practical material, shows the importance of the legal aspect (formalisation of the relations under consideration). The practical significance of the article lies in the disclosure of the role of law in such areas as: compliance of initially objective economic relations (a particular type of them) with the basic principles of law and the rule of law; as well as in the high quality of legal technique.

Keywords: legal science, economic science, financial law, budget law, fiscal federalism, municipal government

Введение

Учитывая особенности современного исторического этапа (переходный период), обусловленного беспрецедентными преобразованиями в области производительных сил (цифровизация и искусственный интеллект), нельзя не задуматься о неизбежных последствиях трансформации производственных общественных отношений, адекватных новому состоянию, как глобального мирового сообщества, так и отечественного аналога (российского общества). Исторический обзор свидетельствует о том, что переходные периоды от одной экономической формации к другой сопровождаются общественными потрясениями крайней степени тяжести: войнами, революциями, эпидемиями, голодом и т. д. В таких условиях нельзя забывать о роли науки, которая может усугубить или нивелировать указанные катаклизмы.

В настоящей статье мы не будем рассуждать о роли технических, естественных, медицинских, сельскохозяйственных и гуманитарных наук¹, обуславливающих технический прогресс как таковой. Конечно, очень велика роль искусственного интеллекта во всех сферах жизни современного

общества, поскольку он выводит современные производительные силы на новый уровень. Нас будут интересовать такие социальные виды наук, как *право* (5.1.) и *экономика* (5.2), которые не должны находиться во взаимной оппозиции, поскольку на грани указанных научных специальностей расположены исследования, призванные оказать непосредственное влияние на практику регулирования финансовых общественных отношений в социально значимых сферах [2].

В статье «О правовом обеспечении бюджетного федерализма (на примере финансов муниципальных образований): некоторые вопросы теории и практики» [1] рассматривались актуальные вопросы реорганизации муниципальных образований (в частности, создание так называемых опорных населённых пунктов). Так, поднимая вопросы экономического федерализма (отдельные тезисы прозвучали в выступлении А. Н. Диденко² на конференции Российской академии естественных наук (РАЕН) 22 декабря 2023 г. в Колонном зале Дома Союзов), можно обнаружить

¹ Номенклатура научных специальностей... (утв. Приказом Министерства науки и высшего образования РФ от 24.02.2021. №118).

² Диденко Алексей Николаевич – российский общественный и политический деятель. Председатель Комитета Государственной Думы по региональной политике и местному самоуправлению с 05.10.2016. Член фракции ЛДПР.

связь экономического федерализма с государственной финансовой политикой регионального развития, которая сегодня актуальна как никогда в нашей стране. В выступлении А. Н. Диденко отмечалась магистральная роль науки, опережающее развитие которой позиционировалось даже как основа солидаризации общества.

Остановимся на отдельных научно-практических аспектах, сделав попытку вывести рассуждения в плоскость научной дискуссии.

Роль науки в надлежащем правовом обеспечении публичных финансов в современной России

Итак, в качестве катализатора конструктивных практических процессов в выступлении А. Н. Диденко отмечалась роль науки и её кроссекторного взаимодействия со всеми уровнями власти.

Обратившись к состоянию современных видов социальных общественных наук, в предмет которых входит исследование вопросов финансово-экономического развития (в частности, публичные и частные финансы, бюджетная система, их правовое регулирование), подчеркнём тот факт, что они расположены в пересекающейся плоскости нескольких научных специальностей. Подвергнем анализу такие виды научных специальностей, как *право* (5.1) и *экономика* (5.2). Кроме того, следовало бы обратить внимание и на такие социальные и гуманитарные специальности, как, например, история, социология, психология и др. (оставим пока их «за кадром»). С сожалением вынуждены заметить, что до сих пор мало практикуются комплексные научные исследования (преимущественно, учёные в сфере каждого из указанных видов специальностей «замыкаются» в своей области). В результате, например, в экономической научной литературе до сих пор можно встретить такое не корректное юридически словосочетание, как «государственный бюджет». Это понятие пришло «из времён СССР», когда структура бюджетной системы принципиально от-

личалась от установленной в Бюджетном кодексе Российской Федерации (БК РФ), поскольку не было местных бюджетов: все республиканские фонды действительно консолидировались в государственный бюджет СССР. Сегодня органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти (ст. 12 Конституции РФ). Одновременно «органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти Российской Федерации...» (ч. 3 ст. 132). Следовательно, муниципальные бюджеты не должны фигурировать как «государственные». Приведённый пример не является единичным и не случаен. Попробуем пояснить свой тезис.

Обратим особое внимание на тот факт, что в современной номенклатуре научных специальностей (в разделе «Общественные науки»: подразделы «5.1: Право» и «5.2: Экономика») *не наблюдается достаточной корреляции* между такими видами, как «5.2.4: Финансы» (один из видов в подразделе «Экономика») и «5.1.2: Публично-правовые (государственно-правовые) науки» (один из видов в подразделе «Право»), куда входит в т. ч. финансовое право России (ниже разъясним коротко). Такая ситуация видится деструктивной, порождая отсутствие единообразного унифицированного междисциплинарного подхода к исследуемой сфере целостных отношений, которая (де-факто) характеризуется органическим имманентным единством (система «финансы – правовое обеспечение финансов»).

Вышеупомянутая терминологическая путаница возникает не случайно. Подчеркнём ещё раз: содержание понятия «публичные финансы», которыми часто оперирует юридическая наука, шире, чем «государственные финансы» (экономическая школа), поскольку в последние не входят (де-юре) финансы муниципальные (в соответствии с положениями Конституции РФ). В свою очередь, в государственный бюджет (понятие, часто ошибочно используемое для обозначения

современного консолидированного бюджета) не входят бюджеты муниципальных образований.

Итак, мы вынуждены констатировать, что целостные экономические отношения в области финансов (п. 5.2.4: Номенклатуры) в настоящее время регулируются совокупностью правовых институтов, аккумулирующих правовые нормы как из раздела «Номенклатуры» «5.1.2: Публично-правовые (государственно-правовые) науки», так и из раздела «5.1.3: Частно-правовые (цивилистические) науки». Думается, что не стоит игнорировать и положения разделов «5.1.4: Уголовно-правовые науки» (преступления в экономической сфере) и «5.1.5: Международно-правовые науки». Таким образом, *наблюдается отсутствие системного научного подхода к целостному правовому полю такого важнейшего сегмента экономики, как финансы. Необходимо урегулирование всего комплекса финансовых отношений.*

Обратимся к доктринальным положениям юридической науки, в соответствии с которыми рассматриваемые отношения регулируются положениями финансового права России. На основании положений «Номенклатуры» эта отрасль входит в подраздел 5.1.2 и, следовательно, относится к признанным публичным отраслям российского права (т. е. преимущественный метод правового регулирования – императивный, хотя и присутствуют элементы императивно ограниченной диспозитивности). Следовательно, за пределами официального финансово-правового поля остаются (по меньшей мере) частные финансовые отношения (а их множество!).

Направления совершенствования финансового права представляют собой решение широкого диапазона проблем, часть которых остаётся за рамками темы настоящей статьи, поскольку предполагают отказ от доктрины деления правового массива по принципу частного и публичного (публичные и частные финансы) [7]. На наш взгляд, эта тенденция, пришедшая в современный обиход из времён Древнего Рима

(римское право), сыграв свою роль, нуждается в актуальной адаптации.

Отметим, что на практике (для целей правоприменения) юридическое оформление государственных и муниципальных финансов представлено системой форм права (источников) [5], в которые в качестве элементов традиционно входят: принципы права (основные и отраслевые) [3; 4]; нормативные акты, а именно финансовое законодательство (основной акт – это Бюджетный кодекс РФ; существенное значение имеет Налоговый кодекс РФ (НК РФ), Гражданский кодекс РФ (ГК РФ), блоки федерального, регионального и муниципального законодательства, а также подзаконное регулирование).

Огромную роль играют отдельные статьи Конституции РФ, где установлены принципиальные положения регулирования публичной финансовой деятельности. В частности, в ст. 71 установлены аспекты, относящиеся к исключительному ведению Российской Федерации; в ст. 72 – совместное ведение Федерации и её субъектов; в ст. 132 представлены основы правового регулирования финансов местного самоуправления. Например, отношения в области банковской деятельности, бухгалтерского и статистического учётов ввиду их универсальности регулируются только федеральным законодательством. Отношения в сфере налогообложения подлежат обеспечению, в т. ч. региональными и муниципальными актами. Бюджетные правоотношения обеспечиваются правотворчеством на всех уровнях публичной власти.

К формам права, регулирующим отношения в области финансов, относятся также и локальные акты. Так, локальные акты, принятые публичными юридическими лицами на основе императивно ограниченной диспозитивности, можно соотнести с системой форм правового обеспечения государственных финансов (это акты казённых и унитарных учреждений, активы которых не принадлежат им на праве собственности). Локальные акты коммерческих организаций регулируют отношения

в области частных финансов (учётная политика, принимаемая в соответствии с ПБУ-1) на микро уровне.

Особенности регулирования экономических и финансовых отношений в юридической науке

Обратим особое внимание на то, что *содержание* общественных экономических отношений, как в сфере публичных финансов, так и частных, относится скорее к компетенции экономической, нежели юридической науки. Например, каким должно быть совокупное налоговое бремя того или иного вида экономической деятельности – расчёт представляют экономисты, исходя из самых разных условий, а именно: инфраструктурных требований, демографии, природных и климатических особенностей регионов и др.

Одновременно правовой аспект, на наш взгляд, заключается в 2 направлениях.

Во-первых, это необходимость соблюдения максимально возможного соответствия изначально объективных экономических отношений (конкретного их вида) базовым принципам права и правового государства (ответственность самого государства перед законом). Например, понятно, что основной целью любой экономической деятельности является достижение максимальной эффективности, однако в области государственных финансов нельзя вести речь об эффективности затрат организаций, занятых в социальной сфере. Думается, что и такие области, как образование и здравоохранение, где публичный интерес превалирует, не должны быть ориентированы на хозрасчётные отношения (не говоря уже об обороне и прочих военизированных областях). Это положение вытекает из базовых принципов: Российская Федерация декларируется в Конституции как социальное государство, призванное защищать собственный суверенитет.

Во-вторых (*оформление* рассматриваемых отношений), важнейшим остаётся вопрос о качестве юридической техники (достижение отсутствия конкуренции

норм, пробельности в законодательстве), который также относится исключительно к компетенции правовой науки [1]. Исследуя этот аспект, прежде всего необходимо обратиться к системной легализации (выведение на нормативный уровень) экономических дефиниций (в глоссариях).

Ещё раз обращаем внимание на необходимость объединения совместных усилий двух наук: экономической и юридической [6]. Хочется с удовлетворением констатировать, что в указанном направлении наблюдаются крупные позитивные сдвиги (например, ст. 6 БК РФ содержит большой объём легального понятийного аппарата; др. аналогичные нормы содержатся в НК РФ, ФЗ о бухгалтерском учёте, об аудиторской деятельности и т. д.). Вместе с тем необходимо отметить, что корреляция положений финансового законодательства экономической сущности явлений в ряде случаев оставляет желать лучшего¹.

И, наконец, анализируя аспекты теории юридической техники, хотелось бы отдельно остановиться на технико-юридическом регулировании отношений в сфере финансов (на примере государственных финансов) [9]. В системе правового обеспечения государственных финансов блок технико-юридических норм расположен в основном на уровне подзаконного и локального регулирования. Так, нормативные акты по бюджетному учёту (Положение о плане счетов бюджетного учёта и Инструкция по его применению, а также блок стандартов бюджетного учёта) приняты на подзаконном уровне. Эти нормы представляют собой рецепцию позитивного зарубежного опыта (МСФО в Общественном сегменте экономической деятельности), который носит рекомендательный характер («Soft Law»). Аналогично трудно переоценить значение технико-юридического регулирования и в коммерческой сфере.

Трудно также переоценить и значение положений БК РФ о бюджетной классифи-

¹ Прим.: Ярким примером являются положения ст. 254 гл. 25 НК РФ, содержащие дефиниции таких финансовых потоков, как «выручка», «доходы», «прибыль» и др.

кации (ранее: ФЗ «О бюджетной классификации»), НК РФ о порядке исчисления всех (без исключения) видов налоговых платежей, положения банковского законодательства о резервных требованиях и другие технико-юридические нормы, установленные на законодательном уровне. Нельзя не отметить такой важнейший правовой акт, как ФЗ о бюджете на предстоящий год и плановый трёхлетний период, который включает в себя множество технических и технико-юридических положений. Эти технические положения, отличаясь колоссальной социальной значимостью, становятся (в этой связи) технико-юридическим регулированием.

В наступающей цифровой реальности блок технического и технико-юридического подзаконного регулирования возрастет многократно (в т. ч. в области правового обеспечения государственных финансов). Вероятнее всего, для надлежащего и адекватного подзаконного регулирования в перспективе будут использоваться возможности искусственного интеллекта. Действительно, в наступившей реальности цифрового формирования бюджетов (цифрового бюджетного процесса) трудно себе представить отсутствие помощи инновационных технологий, применяющих возможности искусственного интеллекта.

Таким образом, система правового обеспечения финансов (как публичных, так и

частных), будучи традиционной пирамидой, включает в себя (венец): принципы права (общеправовые и отраслевые) [3; 4]; нормативное регулирование на законодательном уровне в виде установления общих положений; на подзаконном уровне должны содержаться максимально возможная регламентация конкретных финансовых отношений (с использованием большого технико-юридического массива норм, при формировании которого будет возможно применение искусственного интеллекта) и оптимально исчерпывающая конкретизация (на локальном подуровне, соответственно).

Заключение

В заключении хотелось бы отметить, что сближение экономической и юридической наук в сфере финансов возможно только в обновлённой парадигме системы российского права [8]. В условиях глобализации очевидна тенденция укрупнения правовых комплексов, которая уже нашла воплощение в новой «Номенклатуре» (праве). Однако было бы предпочтительнее проводить укрупнение не по критерию метода правового воздействия (публичное и частное виды права), а по критерию предметов (видов общественных отношений), на которые это воздействие направлено.

Статья поступила в редакцию 18.01.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ашмарина Е. М., Ручкина Г. Ф. О правовом обеспечении бюджетного федерализма (на примере финансов муниципальных образований): некоторые вопросы теории и практики // Финансовое право. 2024. № 5. С. 15–18.
2. Венгеров А. Б. Теория государства и права. М.: Омега-Л, 2000. 607 с.
3. Ершов В. В. Основополагающие принципы российского права // Российское правосудие. 2008. № 11. С. 275–283.
4. Ершов В. В. Правовая природа, функции и классификация принципов национального и международного права // Российское правосудие. 2016. № 3. С. 5–37.
5. Ершов В. В. Система форм права в Российской Федерации // Российское правосудие. 2009. № 1. С. 305–311.
6. Клепцова Т. Н. Система права. Основы государства и права. М.: Юрист, 2000. 404 с.
7. Малько А. В. Теория государства и права в вопросах и ответах. М.: Юрист, 2002. 297 с.
8. Радько Т. Н., Головина А. А. Современная системно-правовая теория: новый этап развития или методологический кризис? // Государство и право. 2017. № 2. С. 34–41.
9. Черданцев А. Ф. Техничко-юридические нормы в советском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1963. 253 с.

REFERENCES

1. Ashmarina E. M., Ruchkina G. F. [On the legal support of budgetary federalism (on the example of finances of municipalities): some issues of theory and practice]. In: *Finansovoye pravo* [Financial law], 2024, no. 5, pp. 15–18.
2. Vengerov A. B. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. Moscow, Omega-L Publ., 2000. 607 p.
3. Ershov V. V. [Fundamental principles of Russian law]. In: *Rossiyskoye pravosudiye* [Russian Justice], 2008, no. 11, pp. 275–283.
4. Ershov V. V. [Legal nature, functions and classification of principles of national and international law]. In: *Rossiyskoye priodosudiye* [Russian Justice], 2016, no. 3, pp. 5–37.
5. Ershov V. V. [The system of legal forms in the Russian Federation]. In: *Rossiyskoye pravosudiye* [Russian Justice], 2009, no. 1, pp. 305–311.
6. Kleptsova T. N. *Sistema prav. Osnovy gosudarstva i prava* [The System of Law. Fundamentals of the State and Law]. Moscow, Yurist Publ., 2000. 404 p.
7. Malko A. V. *Teoriya gosudarstva i prava v gosudarstvakh i otvetakh* [Theory of State and Law in Questions and Answers]. Moscow, Yurist Publ., 2002. 297 p.
8. Radko T. N., Golovina A. A. [Modern Systemic Legal Theory: New Stage of Development or Methodological Crisis?]. In: *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2017, no. 2, pp. 34–41.
9. Cherdantsev A. F. *Tekhniko-yuridicheskiye normy v sovetskom prave: dis. ... kand. yurid. nauk* [Technical and Legal Norms in Soviet Law: Cand. Sci. thesis in Law sciences]. Sverdlovsk, 1963. 253 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ручкина Гульнара Флюровна – доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, профессор департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации;
e-mail: GRuchkina@fa.ru

Ашмарина Елена Михайловна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного и публичного права юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;
e-mail: elena-mikhaylovna@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Gulnara F. Ruchkina – Dr. Sci. (Law), Prof., Dean, Faculty of Law, Department of Legal Regulation of Economic Activity, Financial University under the Government of the Russian Federation, Honoured Lawyer of the Russian Federation;
e-mail: GRuchkina@fa.ru

Elena M. Ashmarina – Dr. Sci. (Law), Prof., Department of International and Public Law, Faculty of Law, Financial University under the Government of the Russian Federation;
e-mail: elena-mikhaylovna@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ручкина Г. Ф., Ашмарина Е. М. Роль актуальной юридической науки в обеспечении финансово-экономических отношений, адекватных современным вызовам // Московский юридический журнал. 2024. № 2. С. 34–40.

DOI: 10.18384/2949-513X-2024-2-34-40

FOR CITATION

Ruchkina G. F., Ashmarina E. M. The Role of Relevant Legal Science in Ensuring Financial and Economic Relations Adequate to Modern Challenges. In: *Moscow Juridical Journal*, 2024, no. 2, pp. 34–40.

DOI: 10.18384/2949-513X-2024-2-34-40

УДК 342.5

DOI: 10.18384/2949-513X-2024-2-41-51

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЭВОЛЮЦИИ ОТНОШЕНИЙ И ОСНОВНЫЕ МОТИВЫ СБЛИЖЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Узденев Ш. Ш.¹, Ермаков Д. Н.², Забабурин А. В.³

¹Институт права и национальной безопасности

119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 4, Российская Федерация

²Государственный университет просвещения

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

³Московский институт современного академического образования

109263, г. Москва, 11-я ул. Текстильщиков, д. 7, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Интерпретация российско-китайских отношений с точек зрения кризиса однополярного мира и результата провала старой концепции внешней политики России, которую условно можно назвать «атлантизмом».

Процедура и методы. В работе большое внимание уделено хронологии развития отношений между Россией и КНР. Не востоковедам показан процесс поворота России к укреплению отношений с Китаем.

Результаты. Четко сформулированы тенденции развития современных российско-китайских отношений в рамках хронологии изменений этих отношений в контексте анализа кризиса однополярного мира. Авторы делят прошлую внешнюю политику России на «атлантизм» и «евразийство», рассматривая российско-китайские отношения в контексте последнего, демонстрируя при этом, что Центральная Азия и Казахстан ныне входят в систему совместных интересов России и Китая, поэтому геополитические горизонты России смещаются к Тихому океану, т. е. далеко за пределы бывшего СССР.

Теоретическая и/или практическая значимость. Статья призвана внести вклад в изучение недавней истории российско-китайских отношений с точки зрения методологии.

Ключевые слова: глобализация, «евразийство», внешняя политика России, международные санкции, экономика Китая, экспорт нефти, Дальний Восток, современная геэкономика

LEGAL ASPECTS OF THE EVOLUTION OF RELATIONS AND THE MAIN MOTIVES FOR RAPPROCHEMENT BETWEEN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Sh. Uzdenov¹, D. Ermakov², A. Zababurin³

Institute of Law and National Security

Prosp. Vernadskogo 82-4, Moscow 119571, Russian Federation

²*Federal State University of Education*

ul. Radio 10A, Moscow 105005, Russian Federation

³*Moscow Institute of Modern Academic Education*

11-ya ul. Tekstilshchikov 7. Moscow 109263, Russian Federation

Abstract

Aim. The authors interpret Russian-Chinese relations in terms of the crisis of the unipolar world and the result of the failure of the old concept of Russia's foreign policy, which can be conventionally called "Atlanticism".

Methodology. The article is intended to contribute to the study of the recent history of Russian-Chinese relations, from the point of view of methodology; in this regard, the authors pay much attention to the chronology of the development of relations between Russia and the PRC. At the same time, the authors have the task of showing to non-East historians the process of Russia's turn towards strengthening relations with China.

Results. The authors help the teacher to form ideas about the trends in the development of modern Russian-Chinese relations within the framework of tracing the chronology of changes in these relations in the context of analysing the crisis of the unipolar world.

Research implications. The authors divide Russia's past foreign policy into "Atlanticism" and "Eurasianism", examining Russian-Chinese relations in the context of the latter, demonstrating that Central Asia and Kazakhstan are now part of the system of joint interests of Russia and China, so Russia's geopolitical horizons are shifting towards the Pacific Ocean, i.e., far beyond the former USSR.

Keywords: globalisation, 'Eurasianism', Russian foreign policy, international sanctions, Chinese economy, oil exports, Far East, modern geoeconomics

Введение

Неутешительные итоги экономических и политических реформ на рубеже XX–XXI вв. вынудили Российскую Федерацию изменить парадигму внешней политики с западного на восточное направление. Политический истеблишмент России, не добившись признания равенства сторон в общении со странами Запада, переориентировался на Китайскую народную республику [2, с. 5]. На сегодняшний день речь ведётся о притягивании России и других постсоветских государств (в первую очередь, Республик Средней Азии и Казахстана) в орбиту китайской экономики [4, р. 9–27; 11, р. 140].

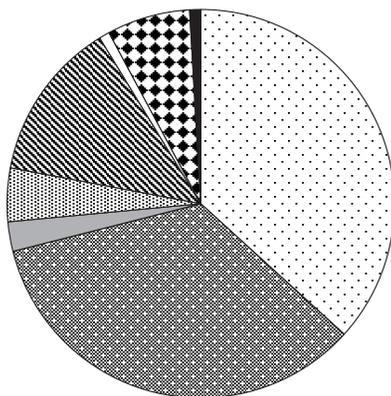
Цель настоящей статьи – исследовать основные направления поворота внешней экономической политики России на Восток, усиления её восточного вектора и перспективы усиления китайского влияния на Россию через разнообразные экономические инициативы КНР (например, «один пояс – один путь»). Проект «Пояс и путь» (ПиП) охватил в первую очередь страны Юго-Восточной Азии, где уже давно в этой связи задумались о замене (частично) доллара США юанем, когда высшее руководство КНР задумалось о либерализации всего финансового рынка Китая [1, с. 25].

Социально-политические предпосылки сближения Российской Федерации и Китайской народной республики в рамках инициативы «Один пояс – один путь»

Более тесное сближение России с Китаем произошло после начала Специальной военной операции России на Украине [18, р. 3]. На Западе многие исследователи считают развитие российско-китайских отношений как процесс создания анти-американского союза, в который активно «втягивают» страны «глобального Юга» под эгидой БРИКС. Американский профессор Р. Суттер рассматривает политику КНР в качестве потенциальной угрозы для США [6; 7, pp. 16–18].

В течение буквально последних 5-6 лет произошло переключение инвестиционно-строительной активности компаний из КНР с Юго-Восточной Азии на Ближний Восток, это объяснимо резким ростом спроса на нефть на китайском рынке. Страны Ближнего Востока по-прежнему являются основными получателями китайских инвестиций в строительство: в 2023 г. на них пришлось 36,7% от общего объёма инвестиций в рамках ПиП в строительство, что на 31% больше, чем в 2022 г.¹. В целом стратегия развития в рамках ПиП у Китая сводится в основном к продвижению на юго-запад (рис. 1). Вызывает со-

¹ GFDC (2023). Countries of the Belt and Road Initiative (BRI), <https://greenfdc.org/countries-of-the-belt-and-roadinitiative-br> (дата обращения: 30.02.2024).

- Ближний Восток ▨ Африка ■ Средняя Азия
 ▤ Восточная Азия ▩ Юго-Восточная Азия □ Океания
 ■ Европа ■ Латинская Америка

Рис. 1 / Fig. 1. Региональная структура затрат КНР в рамках ПиП, 2023 г., % / Regional cost structure of the PRC under PiP, 2023, %

Источник: составлено по: MOFCOM, 2023, 2023 年 1-10 月我对“一带一路”共建国家投资合作情况 (China's investment and cooperation with countries co-constructing the "Belt and Road" from January to October 2023)

мнение, что северо-восточная часть Азии, включая Казахстан, представляет на данное время повышенный интерес официального Пекина. Особо крупные инвестиции за 2023 г. в капитальное строительство китайские фирмы сделали в Саудовской Аравии – 5,6 млрд долларов США против 2,6 млрд долларов в 2022 г. Правда, в 2023 г. наблюдался резкий рост китайских капиталовложений в строительство в Узбекистане, но в конкретном финансовом выражении он не был таким же, как на Ближнем Востоке.

Разумеется, затраты на капитальное строительство не отражают всего масштаба активности КНР в формате проекта ПиП, в большей степени это делает показатель инвестиции (рис. 2). Правда, мало точной или в вообще информации за 2022–2024 гг. по ряду стран, как, например, по Туркменистану, Таджикистану и Кыргызстану.

В 2013 г. Си Цзинпинь предложил проект «Пояс и путь», который был нацелен на создание за пределами КНР благоприятных условий для торговли и инвестирования [9, с. 29]. В рамках этого проекта

планируется экономическая кооперация практически со всеми странами мира, но в первую очередь это касается поиска и создания китайской стороной совместно с другими государствами точек экономического роста. Однако подразумевалось, что в первую очередь китайская сторона будет развивать транспортную инфраструктуру, это видно по новейшим основным проектам, запущенным в рамках ПиП в конце 2024 г.¹ Расширение использования Юаня (RMB) стало неизбежным следствием развития торговли в рамках проекта «Пояс и путь». Правда, рядом экспертов проект ПиП рассматривается также как важная часть внешней политики Китая, направленная на повышение уровня безопасности для КНР в мире [12, р. 85]

Разумеется, в рамках ПиП решаются разные вопросы, включая проблемы в сфере образования. В частности, распространение в странах, охваченных ПиП, получила программа «Мастерская Лу Баня», нацеленная на подготовку и переподготовку среднего технического персонала.

¹ Портал «Пояс и Путь»: [сайт]. URL: <https://rus.yidaiyilu.gov.cn> (дата обращения: 30.12.2024).

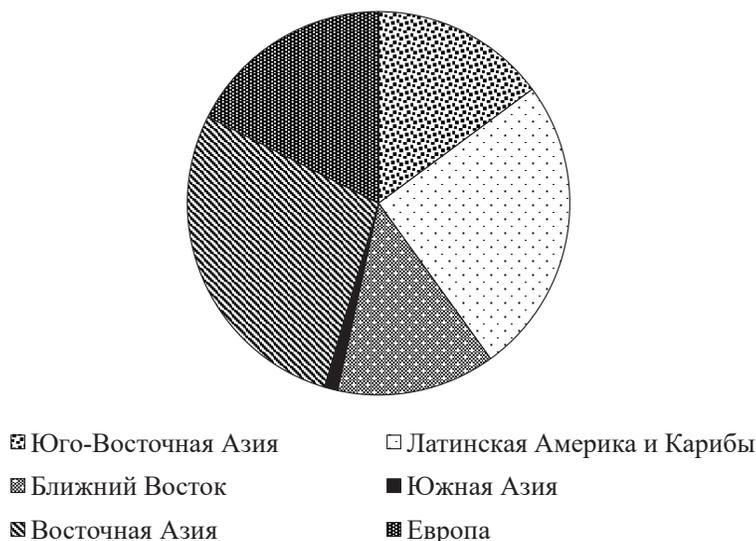

Рис. 2 / Fig. 2. Инвестиции КНР в страны «третьего мира» в рамках ПиП, 2023 г., % / China's investments in third world countries in the PiP framework, 2023, %

Источник: составлено по: GFDC (2023). Countries of the Belt and Road Initiative (BRI), <https://greenfdc.org/countries-of-the-belt-and-roadinitiative-br> (date of access: 30.12.2024).

Важной особенностью проекта «Пояс и путь» является то, что в его рамках официальный Пекин предпочитает двусторонние соглашения многосторонним, это снижает юридические риски для КНР [14, pp. 63–80].

Усиление роли RMB в международных расчётах призвано также исправить финансовое положение внутри КНР, повышение популярности и конвертируемости валюты которой должно способствовать увеличению объема иностранных инвестиций в китайскую экономику [23, pp. 82–84].

Смысл интернационализации Юаня сводится в первую очередь к сокращению рисков изменения обменных курсов. Это привело в начале 2020-х гг. к распространению при участии Народного банка Китая (НБК) договоренностей типа *swap* с финансовыми институтами других стран. На конец 2021 г. НБК имел *swap*-соглашения с 40 крупными зарубежными финансовыми институциональными структурами, работавшими в 56 странах и регионах, но данные соглашения охватили фактически рынки 100 государств, а их сумма достигла 4,02 трлн RMB, в переводе на доллары это эквивалентно сумме соглашений ФРС

с другими государствами и их финансовыми организациями [24, pp. 43–56]. В этой связи НБК к 2022 г. стал главным конкурентом ФРС в сфере *swap* на мировом финансовом рынке.

«Пояс и путь» (ПиП) имеет к *swap*-соглашениям прямое отношение, но не только этот проект привёл к расширению участия НБК в данной сфере мировых финансов. В 2021 г. объём принятых в Юанях счетов и осуществлённых в этой валюте платежей в формате сотрудничества со странами, участвующими в проекте «Пояс и путь», достиг 5,42 трлн RMB, что составило 14,8% от суммы осуществлённых в юанях за рубежом платежей и принятых там счетов. В июне 2022 г. в формате двусторонних *swap*-соглашений, которые связаны непосредственно с проектом «Пояс и путь», общий объём платежей превысил 4 трлн RMB [22, pp. 44–46]. Таким образом, валютные отношения в формате проекта «Пояс и путь» достаточно жёстко регулируются НБК совместно с иностранными финансовыми институтами [17, pp. 1–6].

Руководство НБК прекрасно понимает, что интернационализация юаня означает

окончательное превращение его в мировую валюту по всем параметрам, что уже произошло к 2021 г. Главный параметр здесь – выполнение валютной функций сбережений частных лиц и резервов центральных банков. Как резервная валюта RMB занимает пятое место в мире (2,69% от суммы всех резервов 80 центральных банков), как и валюта международных расчетов, тоже пятое место на мировом рынке. При этом МВФ в мае 2023 г. принял решение увеличить долю юаней в своих резервах СДР с 10,9% до 12,3% [13, pp. 17–18]. ПиП имеет, разумеется, не столь большое влияние на эти решения МВФ и центральных банков, но все-таки оно есть.

Тем не менее юань не столь популярен в мире как валюта сбережений частных лиц, включая негосударственные финансовые организации. В конце 2021 г. баланс RMB-депозитов на зарубежных рынках составил 1,54 трлн юаней, но из этой суммы на Гонконг (особая территория в составе КНР) пришлось примерно 930 млрд RMB, на Тайвань – 230 млрд RMB, на Лондон – 80 млрд RMB [21, pp. 60–62]. В этой связи следует сказать, что юань не столь популярен среди частных финансистов за пределами КНР, и эта валюта все-таки больше привязана к обслуживанию торгового оборота, нежели финансовых рынков. К весне 2023 г. китайские международные финансовые активы и обязательства составили только 4% от мировых внешних финансовых активов [15] (активы, которыми владеют резиденты за рубежом). Во многом это стало результатом политики официального Пекина, направленной на ограничение движения финансов, связанного с финансированием капитала [10, pp. 57-80]. Даже в 2023 г. правительство КНР продолжало ограничивать вывоз капитала из страны [25, p. 23]. В этой связи инвестиции в страны, охваченные проектом ПиП, является для КНР прорывным направлением, особенно это касается Казахстана и Средней Азии.

ПиП создаёт также и проблемы для Юаня, как и преимущества [26, pp. 48–56.] Одна из проблем – это ситуация, когда го-

сударства, имеющие серьёзные институциональные барьеры для внешней торговли, удерживают у себя иностранную валюту (происходит замедление её оборота).

Препятствия для интернационализации Юаня нередко создавалось и создается самим НБК, о чем мы сказали выше. В частности, до заключённого в сентябре 2021 г. двустороннего валютного соглашения между КНР и Индонезией иностранным предприятиям запрещено было использовать RMB для расчётов с третьей стороной, однако в рамках данного соглашения было сделано исключение для индонезийской стороны [3, с. 75–90].

Сам процесс интернационализации Юаня именно по статье «капитальные операции» платёжного баланса был изначально связан не с ПиП, но с глобальным финансовым кризисом 2007–2009 гг., когда в последний год этого кризиса НБК принял решение о снижении барьеров на движение китайской валюты за пределы КНР¹. В 2017 г. китайские облигации были включены в глобальные финансовые индексы, что стало вехой в интернационализации всей финансовой системы Китая.

Другой эффект, повлиявший на интернационализацию Юаня, стало снижение доверия к доллару США, особенно из-за упомянутого выше глобального финансового кризиса, когда американская валюта перестала играть роль самых стабильных денег, в которых безопасно хранить сбережения. Здесь важную роль сыграл не сам глобальный финансовый кризис, но значительное снижение фискальной дисциплины в самих США. В этой связи юань стал рассматриваться многими странами в качестве альтернативы доллару, но альтернативы далеко не единственной.

В 2021 г. примерно 62 экономики в мире осуществляли 20% своих внешних расчётов в RMB. Некоторые страны довели этот показатель до 70%. Распространение юаня за пределами КНР шло по принципу: от

¹ Zhou X. Reform the International Monetary System, People's Bank of China, March 23, 2009. <https://www.bis.org/review/r090402c.pdf> (дата обращения: 23.12.2024).

приграничной торговли к наиболее привязанным к китайской экономике малым странам, а затем уже к странам, оказавшимся под санкциями.

В «орбите» юаня ещё до возникновения ПиП первоначально оказались Монголия и Лаос. Но, судя по статистике расчётов через систему SWIFT, наибольший интерес к RMB проявляли к 2021–2022 гг. Иран, Пакиста и прочие страны, у которых не сложились хорошие отношения с США [16, р. 8].

Неверно полагать, что двусторонние *swap*-соглашения касаются только стран, охваченных проектом ПиП, а также третьего мира. Канада, Европейский центральный банк, Великобритания и Швейцария также подписали такие соглашения с НКБ. Россия по объёму RMB, заложенному в таких двусторонних отношениях, находится на одном уровне со Швейцарией и немного уступает Малайзии и Японии. Лидерами в этом смысле выступают ЕС-27, Южная Корея и Гонконг, последний по-прежнему имеет широкую экономическую автономию. Надо сказать, что своп-соглашения страны, наиболее охваченные ПиП, не занимают большого места [16, р. 10].

Как дополнение к двусторонним *swap*-соглашениям, Китай применяет такой инструмент как офшорные RMB клиринговые банки, которые действуют сегодня в 25 странах, первый из них был открыт в 2003 г. в Гонконге. Необходимость в расширении сети таких банков в мире китайские власти осознали в период глобального финансового кризиса в 2007–2009 гг., в результате чего НБК выдал лицензии на создание клиринговых банков данного типа даже иностранным крупным банкам: американский JP Morgan и японский MUFG [8, Р. 3–16].

Несмотря на либерализацию финансов КНР, юань остаётся валютой преимущественно для расчётов между китайскими фирмами и нерезидентами, эти расчёты касаются в основном международной торговли. Во многом это связано с политикой КНР в сфере внешней кредитной деятельности и инвестиций за пределами Китая в

недавнем прошлом. Ярким примером этому служит Средняя Азия.

Сама программа ПиП не мыслима без кредитования новых рыночных экономик и третьего мира со стороны Китая, банковская система которого по-прежнему достаточно строго регулируется государством. ПиП в значительной степени стала возможной, благодаря политике правительства КНР, направленной на увеличение золотовалютных резервов, которые достигли 3 трлн долларов США в 2017 г. [12, рр. 45–60]. Часть этих огромных финансовых средств Правительство Китая решило направить на кредитование других стран в формате проекта ПиП, включая поддержку государств Средней Азии, которые оказались непривлекательными для западных банков в качестве заемщиков. Главным кредитором Средней Азии был в 1990-е – 2000-е гг. МВФ, но его кредиты выполняли, скорее всего, политические, нежели экономические функции (продвижение западной модели демократии и институтов рыночной экономики) [20, р. 80–86].

Ослабление позиций России в Центральной Азии и особенности китайского проникновения в государства региона

К середине 2010-х гг. многие структурные проблемы в Средней Азии так и не были решены, уровень жизни был и остаётся ниже, чем в советский период. С другой стороны, растущая китайская экономика нуждается в новых природных ресурсах (одна из причин возникновения ПиП) [10, рр. 48–56].

Первым крупным заемщиком у КНР стал Таджикистан: более 50% суверенного долга этого государства пришлось в конце 2015 г. на китайских кредиторов, в 2021 г. ситуация изменилась незначительно: из 3,1 млрд долларов суверенного долга государственный долг Таджикистана Китаю составил 1,12 млрд долларов. За период с 2007 по 2021 г. Китай инвестировал в таджикскую экономику около 3 млрд долларов [15, р. 390].

Официальный Душанбе берёт деньги в долг у КНР под залог своих полезных ископаемых, которые с каждым годом всё в большей степени разрабатывают китайские фирмы, к 2020 г. многие месторождения золота и серебра уже так были переданы КНР. 80% золота Таджикистана к 2021 г. добывалось китайско-таджикскими СП [15, р. 390] Россия слабо представлена на рынке государственного долга Таджикистана, она не входит в состав 7 основных кредиторов этой республики. В 2020 г. на Китай пришлось 73,7% прямых иностранных инвестиций в экономику Таджикистана. Рост инвестиций в экономику этой страны из Китая напрямую связан с проблемой задолженности и неспособности решить её финансовыми средствами официального Душанбе. Но вопрос можно поставить и шире: имеет место неспособность правящего в Таджикистане режима решить в первую очередь инфраструктурные проблемы своей страны. В начале 2022 г. правительство Таджикистана заключило с китайской стороной 18 кредитных соглашений, из которых на проекты в сфере транспорта пришлось 7, на энергетику – 9 [18, р. 21]. Чтобы построить Рогунскую ГЭС, правительство Таджикистана выпустило в своё время евробондов на сумму 500 млн долларов, но этот метод кредитования экономики республики оказался менее привлекательным, чем работа с главным кредитором из КНР Китайский экспортно-импортный банк (China's Export-Importbank, сокращённо – Eximbank). Отрицательный торговый платёжный баланс у Таджикистана с Китаем (1,461 млрд долларов США) ведёт к тому, что финансово в обозримом будущем официальный Душанбе будет сильно зависим от КНР.

Следующей республикой Средней Азии с достаточно сложной хронической экономической ситуацией является Кыргызстан. В 2016 г. суверенный долг этого государства перешагнул 3,74 млрд долларов США, из которых КНР официальный Бишкек был должен около 1,5 млрд. Зависимость Кыргызстана от китайских финансистов

оказалась к 2023 г. на том же примерно уровне, что и у Таджикистана.

Доля Китая в импорте Кыргызстана превышает 58% против 14,31% у России (при этом официальный Бишкек имеет очень сильный отрицательный торговый баланс перед КНР). Самая крупная кредитная задолженность у Кыргызстана перед Китаем – почти 1,7 млрд долларов США на конец 2021 г. Россия в структуре суверенного долга этой республики отсутствует, это связано с тем, что РФ, в отличие от КНР, списала долги официального Бишкека. В 2021 г. 31% всех прямых иностранных инвестиций в Кыргызстан пришлось на Китай, компании которого привлекают в этой стране полезные ископаемые. Тем не менее финансирование крупных инфраструктурных проектов встречает много сложностей из-за высоких хозяйственных рисков, на которые китайская сторона не желает идти. Но в 2019 г. в Бишкеке в ходе китайско-кыргызского бизнес-форума были подписаны соглашения, связанные в основном с инфраструктурными проектами, на сумму около 7 млрд долларов [5, с. 37].

Крупные инфраструктурные проекты стали реализовываться совместно КНР и Кыргызстаном в 2008 г., когда была реконструирована (восстановлена) автострада Ош-Сары-Таш-Иркештам, стоимость этого проекта составила 25,3 млн долларов США, финансирование шло через Китайский банк развития, инициатива исходила от Коммунистической партии Китая [19, pp. 21–50].

В 2009 г. была восстановлена автострада Ош-Сары-Иркештам, стоимость данного проекта составила 75,3 млн долларов, финансирование шло через хорошо известный в мире EXIM Bank. В дальнейшем было реализовано более 10 таких проектов, общая стоимость которых превысила 1 млрд долларов.

Заключение

Российско-китайские отношения во многом отражают колебания российской политической элиты: исторически и мен-

тально тяготея к западной цивилизации, оказавшись в сложной ситуации по российско-украинскому конфликту, Россия вынуждена искать поддержки у Китая у других государств «третьего мира». Насколько долговечным окажется российско-китайский союз? Введённые против России санкции критично воздействуют на экономику страны, приводят к деградации целых отраслей. Поставляемое из Китая оборудование и товары вызывают серьёзные нарекания у потребителей, и конечно, не смогут заменить высокотехнологичные товары, изготовленные в странах – членов НАТО.

Президент Российской Федерации В. В. Путин, характеризуя тенденции развития взаимоотношений между Россией и КНР, отметил: «Принципиальное зна-

чение имеет то, что отношения России и Китая не являются конъюнктурными и не направлены против кого бы то ни было. Наше сотрудничество в мировых делах сегодня выступает одним из главных стабилизирующих факторов на международной арене»¹.

Серьёзные противоречия между Китаем и США выступают объективными условиями для поступательного развития российско-китайских отношений. Ситуацию осложняет экономическое неравенство России и Китая. Россия имеет экономику в 10 раз уступающую по своей ёмкости китайской. Российским фирмам сложно конкурировать и договариваться с китайскими компаниями.

Статья поступила в редакцию 28.12.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бажанов Е. П. Китай: от Срединной империи до сверхдержавы XXI века. М.: Известия, 2007. 350 с.
2. Воскресенский А. Д. Что такое для нас Китай? // Сравнительная политика. 2020. № 2. С. 5–18.
3. Интернационализация юаня в рамках инициативы «Пояс и Путь» / К. В. Бабаев, Е. Е. Сергиенко, Ван Цзинвэй, Ли Фэн, С. Л. Сазонов // ЭТАП: Экономическая Теория, Анализ, Практика. 2024. № 1. С. 75–90. DOI: 10.24412/2071-6435-2024-1-75-90
4. Ларин В. Л. «Китайская экспансия» в восточных районах России в начале XXI в. через призму компаративистского анализа // Сравнительная политика. 2020. № 2. С. 9–27.
5. Borodyna O., Calabrese L., Nadin R. Risks along the Belt and Road: Chinese investment and infrastructure development in Kyrgyzstan. Report. London: ODI, 2022. 37 p.
6. Carlson B. G. Room for Maneuver: China and Russia Strengthen Their Relations // Prior T. Strategic Trends 2018: Key Developments in Global Affairs. Zurich, 2020. P. 29–45.
7. Ellings R. J., Sutter R. Axis of Authoritarians: Implications of China-Russia Cooperation. USA, DC Columbia: The National Bureau of Asian Research, 2019. 203 p.
8. Falkowski K. Russia-EU28 and Russia-China trade interdependence vs the competitiveness of the Russian economy // Institute of Economic Research. Working Papers. 2019. № 25. P. 3–16.
9. Gabuev A. Friends with Benefits? Russian-Chinese Relations After the Ukraine Crisis. Carnegie: Endowment for International Peace Publ., 2016. 300 p.
10. Geopolitical risks and the currency anchor effect of RMB – an empirical analysis based on the “Belt and Road” cooperation countries and regions / ZhongXuesi, Jiang Kaiwen, Feng Chenchen, Yang Huaijia // Economic Issues. 2024. № 1. P. 48–56.
11. China's Belt and Road Initiative. Potential Transformation of Central Asia and the South Caucasus / H. S. Kohli at al., eds. Los Angeles, London, New Delhi, Singapore, Washington DC, Melbourne: Sage Publications Pvt. Ltd, 2020. 300 p.
12. Dialogues on China / N. Stekić, A. Mitić, eds. Belgrade, 2023. 432 p.
13. Hu Xiaolian. Promote RMB internationalization in a prudent and solid manner // China Finance. 2023. № 23. P. 17–18.
14. Gentle P. An Introduction to a Way of Increasing Chinese International Influence: The Implementation of the Belt and Road Initiative (BRI) // Financial Markets, Institutions and Risks. 2024. № 8. P. 63–80.
15. Koncak I., Almazbeko K. China's economic and security engagement in Central Asia: the case of Tajikistan. Alatau Academic Studies, 2022. 390 p.

¹ Путин заявил, что отношения России и Китая не являются конъюнктурными // ТАСС: [сайт]: <https://tass.ru/politika/20812497> (дата обращения: 01.12.2024)

16. Perez-Saiz H., Zhang L. Renminbi Usage in Cross-Border Payments: Regional Patterns and the Role of Swaps Lines and Offshore Clearing Banks. *International Monetary Fund*, 2023. 24 p.
17. Stapleton R. J. Can the United States Influence Cooperation between China and Russia? // *Russia-China Relations: Assessing Common Ground and Strategic Fault Lines*. 2019. Iss. 68. P. 1–6.
18. Shamiev S. Analysing China's Strategic Investments in Tajikistan: A Development-Security Nexus Perspective. Bishkek: OSCE Academy in Bishkek, 2023. 21 p.
19. Stronski P., Ng N. Cooperation and competition Russia and China in Central Asia, the Russian Far East, and the Arctic. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2019. 58 p.
20. Weits R. The Russia-China gas deal // *World Affairs*. 2019. Vol. 177. № 3. P. 80–86.
21. Wu Guoding Challenges facing the further internationalization of the RMB. Part 3: Develop the offshore RMB market and promote the internationalization of the RMB // *World Knowledge*. 2023. № 19. P. 60–62.
22. Xiao Yu, Xia Jiechang. Jointly building the “Belt and Road” and RMB internationalization // *The Banker*. 2023. № 12. P. 44–46.
23. Xu Mingqi. “Belt and Road” co-construction and shared financing and RMB internationalization // *Social Science Abstract*. 2024. № 1. P. 82–84.
24. Yang Cuo, Tan Xiaofen. Bilateral currency swaps boost cross-border trade settlement in RMB // *Economic Theory and Economic Management*. 2023. № 43. P. 43–56.
25. Zhang L. Capital Account Liberalization and China's Financial Integration. Harvard Kennedy School, 2023. 22 p.
26. ZhongXuesi, Jiang Kaiwen, Feng Chenchen, Yang Huaijia. Geopolitical risks and the currency anchor effect of RMB – an empirical analysis based on the “Belt and Road” cooperation countries and regions // *Economic Issues*. 2024. № 1. P. 48–56.

REFERENCES

1. Bazhanov E. P. *Kitay: mezhd u otnoy imperiyey i sverkhderzhavami XXI veka* [China: from the Middle Empire to the 21st Century Superpower]. Moscow, Izvestia Publ., 2007. 350 p.
2. Voskresensky A. D. [What is China for Us?]. In: *Sravnitel'naya politika* [Comparative Politics], 2020, no. 2, pp. 5–18.
3. Babaev K. V., Sergienko E. E., Wang Jingwei, Li Feng, Sazonov S. L. [Internationalization of the Yuan within the Framework of the Belt and Road Initiative]. In: *ETAP: Ekonomicheskaya teoriya, Analiz, Praktika* [ETAPE: Economic Theory, Analysis, Practice], 2024, no. 1, pp. 75–90. DOI: 10.24412/2071-6435-2024-1-75-90
4. Larin V. L. [“Chinese expansion” in the eastern regions of Russia at the beginning of the 21st century through the prism of comparative analysis]. In: *Sravnitel'naya politika* [Comparative politics], 2020, no. 2, pp. 9–27.
5. Borodyna O., Calabrese L., Nadin R. *Risks along the Belt and Road: Chinese investment and infrastructure development in Kyrgyzstan*. Report. London: ODI, 2022. 37 p.
6. Carlson B. G. Room for Maneuver: China and Russia Strengthen Their Relations. In: Prior T. *Strategic Trends 2018: Key Developments in Global Affairs*. Zurich, 2020. P. 29–45.
7. Ellings R. J., Sutter R. *Axis of Authoritarians: Implications of China-Russia Cooperation*. USA, DC Columbia: The National Bureau of Asian Research, 2019. 203 p.
8. Falkowski K. Russia-EU28 and Russia-China trade interdependence vs the competitiveness of the Russian economy. In: *Institute of Economic Research. Working Papers*, 2019, no. 25, pp. 3–16.
9. Gabuev A. *Friends with Benefits? Russian-Chinese Relations After the Ukraine Crisis*. Carnegie: Endowment for International Peace Publ., 2016. 300 p.
10. ZhongXuesi, Jiang Kaiwen, Feng Chenchen, Yang Huaijia. Geopolitical risks and the currency anchor effect of RMB – an empirical analysis based on the “Belt and Road” cooperation countries and regions. In: *Economic Issues*, 2024, no. 1, pp. 48–56.
11. H. S. Kohli at al., eds. *China's Belt and Road Initiative. Potential Transformation of Central Asia and the South Caucasus*. Los Angeles, London, New Delhi, Singapore, Washington DC, Melbourne, Sage Publications Pvt. Ltd, 2020. 300 p.
12. Stekić N., Mitić A., eds. *Dialogues on China*. Belgrade, 2023. 432 p.
13. Hu Xiaolian. Promote RMB internationalization in a prudent and solid manner. In: *China Finance*, 2023, no. 23, pp. 17–18.

14. Gentle P. An Introduction to a Way of Increasing Chinese International Influence: The Implementation of the Belt and Road Initiative (BRI). In: *Financial Markets, Institutions and Risks*, 2024, no. 8, pp. 63–80.
15. Koncak I., Almazbeko K. *China's economic and security engagement in Central Asia: the case of Tajikistan*. Alatau Academic Studies, 2022. 390 p.
16. Perez-Saiz H., Zhang L. *Renminbi Usage in Cross-Border Payments: Regional Patterns and the Role of Swaps Lines and Offshore Clearing Banks*. International Monetary Fund, 2023. 24 p.
17. Stapleton R. J. Can the United States Influence Cooperation between China and Russia? In: *Russia-China Relations: Assessing Common Ground and Strategic Fault Lines*, 2019, iss. 68, pp. 1–6.
18. Shamiev S. *Analysing China's Strategic Investments in Tajikistan: A Development-Security Nexus Perspective*. Bishkek, OSCE Academy in Bishkek, 2023. 21 p.
19. Stronski P., Ng N. *Cooperation and competition Russia and China in Central Asia, the Russian Far East, and the Arctic*. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2019. 58 p.
20. Weits R. The Russia-China gas deal. In: *World Affairs*, 2019, vol. 177, no. 3, pp. 80–86.
21. Wu Guoding Challenges facing the further internationalization of the RMB. Part 3: Develop the offshore RMB market and promote the internationalization of the RMB. In: *World Knowledge*, 2023, no. 19, pp. 60–62.
22. Xiao Yu, Xia Jiechang. Jointly building the “Belt and Road” and RMB internationalization. In: *The Banker*, 2023, no. 12, pp. 44–46.
23. Xu Mingqi. “Belt and Road” co-construction and shared financing and RMB internationalization. In: *Social Science Abstract*, 2024, no. 1, pp. 82–84.
24. Yang Cuo, Tan Xiaofen. Bilateral currency swaps boost cross-border trade settlement in RMB. In: *Economic Theory and Economic Management*, 2023, no. 43, pp. 43–56.
25. Zhang L. *Capital Account Liberalization and China's Financial Integration*. Harvard Kennedy School, 2023. 22 p.
26. ZhongXuesi, Jiang Kaiwen, Feng Chenchen, Yang Huaijia. Geopolitical risks and the currency anchor effect of RMB – an empirical analysis based on the “Belt and Road” cooperation countries and regions. In: *Economic Issues*, 2024, no. 1, pp. 48–56.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Узденов Шамиль Шагабанович – кандидат юридических наук, заведующий кафедрой банковского права и финансово-правовых дисциплин Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; e-mail: uzdenov-ss@anera.ru

Ермаков Дмитрий Николаевич – доктор политических наук, доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и гражданского права юридического факультета Государственного университета просвещения; главный научный сотрудник Центра мировой политики и стратегического анализа Института Китая и современной Азии Российской академии наук; e-mail: dermakow@mail.ru

Забабурин Александр Викторович – аспирант Московского института современного академического образования; e-mail: alexanderZ96@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Shamil S. Uzdenov – Cand. Sci. (Law), Departmentally Head, Department of Banking Law and Financial and Legal Disciplines, Institute of Law and National Security of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; e-mail: shsh.uzdenov@guppros.ru

Dmitry N. Ermakov – Dr. Sci (Political Science), Dr. Sci. (Economy), Cand. Sci. (History), Prof., Department of Constitutional and Civil Law, Law Faculty, Federal State University of Education; Chief Scientific Associate, Centre for World Politics and Strategic Analysis of the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences; e-mail: dermakow@mail.ru

Alexander V. Zababurin – Postgraduate student, Moscow Institute of Modern Academic Education;
e-mail: alexanderZ96@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Узденов Ш. Ш., Ермаков Д. Н., Забабурин А. В. Правовые аспекты эволюции отношений и основные мотивы сближения Российской Федерации и Китайской народной республики // Московский юридический журнал. 2024. № 2. С. 41–51.

DOI: 10.18384/2949-513X-2024-2-41-51

FOR CITATION

Uzdenov Sh. Sh., Ermakov D. N., Zababurin A. V. Legal aspects of the evolution of relations and the main motives for rapprochement between the Russian Federation and the People's Republic of China. In: *Moscow Juridical Journal*, 2024, no. 2, pp. 41–51.

DOI: 10.18384/2949-513X-2024-2-41-51

УДК 340.155

DOI: 10.18384/2949-513X-2024-2-52-63

ЛЕГИТИМНОСТЬ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В КОНЦЕ 1918 – НАЧАЛЕ 1920 ГГ. И АНГЛИЙСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В ЗАКАВКАЗЬЕ

Чшиев Т. Г.¹, Савинкина Л. А.², Родионов С. В.¹

¹Московский институт современного академического образования
109518, г. Москва, ул. Саратовская, д. 31, Российская Федерация

²Московский государственный университет спорта и туризма
117519, г. Москва, Кировоградская ул., д. 21, корп. 1, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Определение политико-правового воздействия интервенции Великобритании на формирование Азербайджанской Демократической Республики.

Процедура и методы. Проведён политико-правовой сравнительный анализ процесса конституционирования Азербайджанской Демократической Республики.

Результаты. Выявлено, что Азербайджанская Демократическая Республика состоялась во многом под влиянием иностранных интервентов, в первую очередь, английских военных властей, которые искали в регионе Закавказья политическую опору.

Теоретическая и/или практическая значимость. Впервые в изучении истории государства и права России сделан анализ влияния английской интервенции на конституирование антикоммунистических режимов в Закавказье на примере Азербайджанской Демократической Республики. Материалы настоящей статьи могут быть использованы в учебном процессе в рамках предмета «История государства и права».

Ключевые слова: легитимность антикоммунистических режимов, правовые основы Азербайджанской Демократической Республики, конституционное право в Закавказье, внешняя политика и государственный суверенитет

THE LEGITIMACY OF THE AZERBAIJAN DEMOCRATIC REPUBLIC IN LATE 1918 – EARLY 1920 AND THE BRITISH INTERVENTION IN TRANSCAUCASIA

T. Chshiev¹, L. Savinkina², Rodionov S. V.¹

¹Moscow Institute of Modern Academic Education
ul. Saratovskaya 31, Moscow 109518, Russian Federation

²Moscow State University of Sports and Tourism
Kirovogradskaya ul. 21-1, Moscow 117519, Russian Federation

Abstract

Aim. Determining the political and legal impact of British intervention on the formation of the Azerbaijan Democratic Republic.

Methodology. A political and legal comparative analysis of the process of constitutioning the Azerbaijan Democratic Republic was carried out.

Results. The authors have revealed that the Azerbaijan Democratic Republic took place largely under the influence of foreign interventionists, primarily the British military authorities, who were looking for political support in the Transcaucasian region.

Research implications. For the first time in the study of the history of the state and law of Russia, an analysis of the influence of the English intervention on the constitution of anti-communist regimes in Transcaucasia is made on the example of the Azerbaijan Democratic Republic. The materials of this article can be used in the educational process within the framework of the subject "History of State and law".

Keywords: legitimacy of anti-communist regimes, legal foundations of the Azerbaijan Democratic Republic, constitutional law in Transcaucasia, foreign policy and state sovereignty

Введение

Азербайджанская Демократическая Республика (АДР) является на сегодня для современного Азербайджанского государства не просто вехой в его истории, но системообразующим явлением этой истории [24; 25; 26]. Вместе с тем в российской истории развития права на бывшем пространстве Российской империи данный сюжет недостаточно глубоко изучен. Гражданская война в Закавказье и на большей части Северного Кавказа сегодня представлена как периферийный и мало-значивший для судьбы России процесс, что, разумеется, не так. Но в данном исследовании нас интересует связь правовой легитимности государства, возникшего в результате стремительного распада империи, с судьбой этого государства и его политических сил, а также его народа.

Легитимность антикоммунистических режимов в годы Гражданской войны в России зависела от поддержки этих режимов, в первую очередь, Великобританией. Это касается, разумеется, периода после 11 ноября 1918 г., когда Германия подписала перемирие в Компьенском лесу и прекратила открытую вооруженную интервенцию по отношению к регионам бывшей Российской империи, когда начался новый процесс «перекройки» границ, связанный уже с «русской» политикой Антанты.

Центрами Февральской и Октябрьской революций 1917 г. стали Петроград и Москва. Но и остальные регионы распадавшейся на части России были вовлечены в орбиту этих событий, не будучи часто активными участниками революционного процесса. На фоне слабости развития политических сил на окраинах бывшей Российской империи это нередко вело там

к вакууму власти и, естественно, к поиску легитимности устанавливавшихся там политических режимов. АДР представляет собой в этом смысле интересный пример: из-за коллапса Кавказского фронта регион Закавказья оказался разорван на несколько частей, в некоторых из них установилось прямое военное управление турецкой армии, с которой сотрудничала партия «Мусават». Уход турецких частей после разгрома Османской империи Антантой означал, что в юго-восточной части Закавказья необходимо было создавать новые властные структуры. Бакинский совет, контролировавший до турецкой оккупации самый крупный город Закавказья, был к тому времени разгромлен, но левые силы в Баку оставались популярными среди местного населения (достаточно культурно интернационального). Сложности здесь заключались ещё и в том, что политическое понятие Азербайджан оставалось в ментальных представлениях многих жителей Закавказья достаточно расплывчатым, что наложило свой специфический отпечаток на формирование территориального комплекса АДР в конце 1918–1919 гг.

Тематика легитимности некоммунистических режимов периода Гражданской войны в России недостаточно проработана в отечественной историографии. Даже такой термин, как «Гражданская война в России» применительно к Закавказью и ряду других регионов бывшей Российской империи необходимо с точки зрения истории государства и права применять осторожно и условно, т. к. к маю 1918 г. российский суверенитет на ряде этих территорий прекратил своё существование. Но надо также отметить, что в Закавказье уже в конце 1917 г. был запущен процесс

распространения в регионе советского права посредством деятельности структур партии большевиков.

Гибель АДР в первом полугодии 1920 г. историки связывают с отказом Великобритании поддерживать это государство [9; 26], но при этом недостаточно учитывается тот факт, что АДР как субъект международного права состоялась во многом благодаря английским военным властям. Кризис легитимности данной республики был во многом связан с позицией рабочих Баку, среди которых оставались популярны большевики. Другой проблемой АДР, как справедливо отмечает В. В. Михайлов, было двоевластие, когда в Баку сохраняли прочные политические позиции сторонники восстановления России в границах 1914 г. [9]. Мы назвали бы еще и третью, политическую, сложность – разворот правившей партии «Мусават» сильно вправо, что было во многом связано с политическим кризисом июня 1918 г., когда часть азербайджанской элиты пожелала видеть свою страну в составе Турции. И распространение среди военных азербайджанских кругов идей пантюркизма сильно мешала АДР строить нормальные отношения с Антантой [1].

Целью настоящего исследования является выявление связи между деятельностью английских интервентов и утверждением легитимности Азербайджанской Демократической Республики. Из цели работы вытекают следующие задачи: показать характер и причины возникновения АДР в 1918 г.; проследить эволюцию отношений между АДР и английскими интервентами; определить влияние на развитие политико-правовой ситуации в Азербайджане Вооружённых сил юга России (ВСЮР).

Становление Азербайджана

Посмотрим на хронологию событий. В 1722–1723 гг. происходит знаменитый персидский поход Петра I, в ходе которого Баку временно оказывается под русским военным правлением. Война началась про-

тив Персии под властью Сефевидской династии, которая рухнула в 1722 г., в результате чего Персия впала в смутное время, которое вылилось в итоге в распространение политической раздробленности. На территории современного Азербайджана образовалось несколько малых ханств (но юридически они оставались под властью новой персидской династии тюркского происхождения Афрашидов).

Вхождение Азербайджана в состав России связан с Георгиевским трактатом и решением Павла I об упразднении суверенитета Грузии, тогда же началось установление военного контроля над территорией, примерно соответствовавшей современному Азербайджану. Но окончательной вехой в этом процессе стала ликвидация российскими военными властями независимости Ширванского ханства в 1805 г. В результате русско-персидской войны 1826–1828 гг. к России отошли Нахичевань, Ленкорань (обе области именовались ханствами) и Ереванское ханство (армянский народ утратил полностью государственность в конце XIV в.). Территория современного Азербайджана до 1840 г. управлялась напрямую российскими военными. Разумеется, Россия стремилась опираться на региональную мусульманскую элиту – беев, наделяя их землей, в силу чего в Юго-Восточном Закавказье учреждается институт частной земельной собственности.

В 1870 г. в Закавказье получила распространение муниципальная реформа Александра II, положившая начало двум выборным институтам – городским Управе и Думе. Региональным властям было предписано ограничить присутствие в этих органах самоуправления мусульман, но в результате выборов 1908 г. ситуация значительно изменилась: в местных органах власти стали преобладать тюркоязычные мусульмане.

В 1899 г. Николай II издал Закон «О миграции населения в Закавказье», отдававший приоритеты русским аграрным поселенцам, которым в административном порядке передавались земли, всего в их пользу было перераспределено 48 000 га

[27, р. 28]. По мнению Альтштадта, российские власти на территории Азербайджана фактически проводили политику колонизации, что и вызвало негативную реакцию со стороны многих мусульман в регионе [13, р. 71].

Откуда появилось название Азербайджан? Считается, что оно возникло после походов Александра Македонского и восходит к среднеперсидскому слову «Адербагдан», под которой понималась северная часть Мидии, где долгое время власть удерживали персы, не подчинявшиеся греко-македонским завоевателям. Арабские географы выводили название страны из термина «Адербагор» (на пехлевийском языке) – храм огня. Азербайджанский историк А. К. А. Бакиханов склонялся к похожей версии, связывая, правда, название своей страны больше с именем предводителя антиарабского восстания Бабеком [8, с. 107]. Так или иначе, на протяжении веков географическое понятие Азербайджан было связано с долиной р. Аракс, согласно как делал знаменитому российскому востоковеду В. Бартольду [3].

Нас больше интересует юридическая сторона историко-географического понятия «Азербайджан» до Гражданской войны в России. Азербайджан как провинция, т. е. административная единица, фигурирует в качестве комплекса территорий к северу от р. Аракс в документах династии Сефевидов XVI–XVII вв. Это название досталось, очевидно, персам в наследство от существовавшего на юго-востоке Закавказья государства Атабеков (1136–1225 гг.), глава которого именовал себя ханом Азербайджана [11, с. 34].

В понимании азербайджанских авторов XIX в., проживавших в Российской империи, Азербайджаном был ряд территорий к югу от Аракса. В конце XIX в. понятие «Азербайджан» распространялось западными исследователями и журналистами на территории бывших государств Ширван и Арран [11, с. 33], это отчасти произошло под влиянием властей Персии в середине XIX в., которые утверждали,

что Азербайджан был отдельной страной, разделённой между их государством и Россией. Однако государственные власти в России в XIX в. этот вопрос с юридической точки зрения не интересовал.

Суверенитет Азербайджана стал широко обсуждаться в кругах азербайджанской интеллигенции весной 1917 г. в связи с политическим кризисом, вызванным Февральской революцией. На заседании Конгресса мусульман Кавказа в Баку (15–20 апреля 1917 г.) было выдвинуто требование о правах автономии для Азербайджана. 28 мая 1918 г. мусульманская фракция Закавказского Сейма объявила о независимости Азербайджана, а себя провозгласила Временным национальным советом Азербайджана. Происходило это на фоне развития кризиса, вызванного Брестским миром и турецким военным наступлением. Главой государства стал Фатали Хан-Хойский (часто его называли просто ханом Хойским).

В подготовке акта о независимости Азербайджана также участвовал бывший депутат IV Государственной Думы М.-Ю. Джафаров, который был некоторое время кадетом, но в целом выступал за широкие права автономии для мусульман Закавказья, а в конце 1917 г. призывал к миру с Османской империей. В 1920 г. он участвовал в роспуске органов власти АДР и в подписании соответствующего соглашения с Временным революционным комитетом Азербайджана, после чего стал крупным советским государственным служащим (занимался хозяйственными вопросами).

Другим главным организатором процесса создания независимого Азербайджана стал М. Э. Расулзаде, известный на то время в Закавказье журналист, переводчик с русского и драматург (перевёл роман М. Горького «Мать»). Он был социал-демократом, но при этом и создателем достаточно консервативной партии «Мусават». Несмотря на свои явные симпатии к марксистам (в сентябре 1908 г. он принимал участие в организации побега И. В. Сталина из тюрьмы Баку [2,

с. 214]), М. Э. Расулзаде стал пантюкистом, и произошло это, очевидно, до его эмиграции в Турцию. Но важно и другое: ещё 7 мая 1918 г. он открыто высказался за сохранение единства России, но в форме федеративной республики [2, с. 61]. На момент провозглашения независимости Азербайджана М. Э. Расулзаде находился в Батуми на переговорах с представителями турецкого и германского командования [2, с. 105]. О независимости заявили в Тбилиси, где и было образовано первое правительство АДР. Легитимность новой республики объяснялась тем, что депутатов Закавказского сейма от тюрко-мусульманских районов бывшей Закавказской республики избрал народ. Сам Баку контролировался большевиками (знаменитый Баксовет, имевший свои вооружённые формирования, укомплектованные в основном армянами и русскими), поэтому столицей АДР временно стала Гянджа. Баксовет возглавлял С. Г. Шаумян, которого вполне обоснованно подозревали в симпатиях к дашнакам, он же был и большевиком-оборонцем, на поддержку которых он и рассчитывал при проведении в июне 1918 г. наступления на Гянджу, целью которого было фактически восстановить Кавказский фронт, не позволив турецкой армии занять Южное Закавказье.

До Февральской революции партия «Мусават» находилась в подполье и являлась малочисленной. Соответственно, у АДР было недостаточно и вооружённых сил для отражения знаменитого наступления Баксовета на Гянджу. Уже в начале июня 1918 г. АДР обратилась за помощью к Османской империи, которая направила свои войска, которые и отразили наступление большевиков. Обороной Гянджи фактически руководил Нури-паша. В это же время азербайджанская политическая элита раскололась на «ильгархистов», т. е. сторонников присоединения к Турции, и настоящих мусаватистов, считавших необходимым не только сохранить АДР, но и провести демократические и экономические реформы, направленные против остатков феодализма в стране [2, с. 111;

23]. Ситуация усугублялась тем, что Нури-паша не желал признавать Национальный совет АДР [2, с. 116]. Правда, в дальнейшем Нури-паше пришлось смириться с существованием правительства АДР. Неизвестно, как дальше сложилась бы судьба этого государства, но и Германия, и её союзница Османская империя потерпели поражение, и 17 ноября 1918 г. в Баку вошли английские войска.

Английская интервенция и дальнейшее конституционное развитие АДР

14 ноября 1918 г. турецкие военные окончательно покинули Баку, части 39-й бригады во главе с генералом Томпсоном заняли город. Политическая сложность для англичан заключалась в том, что в Баку, как и во всём Азербайджане, правили мусаватисты; их правительство во главе с ханом Ф. Хойским потребовало накануне ввода английских войск от США и Великобритании признания независимости Азербайджана, на что лично от генерала В. Томпсона был получен категорический отказ [18, р. 130]. Кроме того, В. Томпсон даже не упомянул слово "Азербайджан" в своём воззвании к бакинцам [10, с. 32–33]. Англичане дали понять, что не намерены считаться с АДР как с силой, и это вполне объяснимо, поскольку Нури-паша так и не создал азербайджанскую армию: вооружённые силы АДР насчитывали 1 500 человек, из которых 500 находились в Баку, и это был просто отряд военизированной милиции [2, с. 146].

М. Э. Расулзаде и другие мусаватисты пытались спасти независимость Азербайджана, поэтому 20 ноября 1918 г. Национальный совет выпустил Закон «Об образовании азербайджанского парламента» [2, с. 149].

Русского генерала Л. Бичерахова В. Томпсон заверил в том, что Англия придерживается позиции сохранения территориальной целостности России в границах 1914 г. В Баку был введён ограниченный контингент британских войск (1 800 человек), на всю остальную территорию страны

контроль Томпсона не распространялся. Вместе с англичанами в город вошли и части Л. Бичерахова.

Главной целью военной экспедиции британцев было восстановить контроль российских властей над Кавказом (включая Закавказье)¹. Однако имелось несколько сложностей:

1) белые не имели реальной власти в Закавказье, кроме непосредственно Баку, где они утвердились при помощи Русского национального совета;

2) мусульманские элиты региона поддерживали в основном «Мусават», многие мусульманские рабочие занимали пробольшевистскую позицию, за белых же были преимущественно русские и армяне;

3) В. Томпсон, согласно указаниям своего правительства, намеревался взаимодействовать по стратегическим вопросам с российским правительством в Уфе, олицетворявшим собой концепцию Учредительного собрания, которое находилось в стадии формирования. Вскоре власть перешла к адмиралу Колчаку. Но у представителей нового правительства не было выработанной стратегии взаимодействия с английскими властями;

4) вскоре выяснилось, что после 2 месяцев тяжёлой турецкой оккупации рабочие Баку стали массово поддерживать социалистов и выступать за восстановление советских порядков в городе.

24 декабря 1918 г. в ответ на аресты англичанами рабочих активистов в Баку началась всеобщая забастовка. В ответ генерал Томпсон передает власть над городом хану Хойскому и объявляет его правительство единственным легитимным властным органом в Азербайджане [5, с. 292], сделав тем самым существенный шаг в сторону от политики поддержания территориальной целостности России (Томпсон к тому времени с недоверием относился и к РНС). Спустя месяц правительство Великобритании окончательно склонится к признанию правительства хана Хойского

как единственной легитимной власти в стране [20, р. 167].

В январе 1919 г. в Баку было провозглашено Кавказско-каспийское правительство под руководством Л. Бичерахова, который к тому времени уже официально подчинился генералу А. Деникину. В городе были открыты пункты вербовки в Добровольческую армию. «Мусават» и британские военные опасались, что Л. Бичерахов захватит Баку, по этой причине его решили нейтрализовать и пригласили в Лондон для вручения награды от короля Англии [19, р. 369]. Заменивший его генерал М. Пржевальский от британцев получил директиву покинуть с белыми частями Баку. Всё это происходило на фоне молчания А. Деникина, который не хотел ссориться с англичанами, т. к. они были основным поставщиком вооружения и боеприпасов.

Позднее Л. Джордж признает, что Великобритания вела двойную игру по отношению к Белому движению в России: с одной стороны, Лондон помогал белым уничтожать большевистский режим, с другой стороны, проводилась политика недопущения возрождения царской России [17, р. 380]. Когда лорд Керзон предложил создать в Закавказье несколько буферных государств, которые сдерживали бы большевизм, Л. Джордж согласился с этой идеей [17, р. 381–382]. Но было понятно, что одной из задач этого проекта было создание препятствий к восстановлению России в границах 1914 г. Это подтверждается заключённым в сентябре 1919 г. под давлением Англии соглашением между командованием Вооружённых сил юга России (ВСЮР) в лице генерала А. И. Деникина и Азербайджаном, по которому белые части выводились из Дагестана, который объявлялся нейтральной зоной, в обмен на экономическую помощь с азербайджанской стороны ВСЮР [4, с. 66]. Тогда «Мусават» опасался вторжения белых на свою территорию, т. к. Деникин категорически не хотел признавать независимость ни одной республики, возникшей после Первой мировой войны. Однако Деникин был вы-

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 894. ОП. 10. Д. 98. Л. 8.

нужден идти на уступки. В Дагестане возникла Горная республика, которая, правда, просуществовала недолго. Так или иначе, восточный фланг ВСЮР лишился значительной части своего тыла.

После устранения белогвардейцев из Баку взгляды Томпсона и хана Хойского на будущее Азербайджана разошлись. Томпсон хотел восстановить в стране парламентскую демократию с участием представителей всех национальностей [6, с. 92] и умеренных социалистов [18, р. 144] (что и произошло). Однако в ходе первых шагов создания Азербайджанской демократии Томпсон столкнулся с нежеланием большинства политических представителей русского населения участвовать в этой демократии, они стояли на позициях восстановления России в границах 1914 г. Равнодушно к идее Азербайджанской Демократической Республики относились и местные армяне.

7 декабря 1918 г. первое заседание Парламента Азербайджана всё-таки состоялось [19, р. 161]. Старый Национальный совет состоял из 44 азербайджанских мусульман, когда, по замыслу лидеров «Мусават», новый законодательный орган власти должен был представлять все религии и нации на территории страны. В первом Парламенте Азербайджана оказались 80 мусульман, 21 армянин, 10 русских, 1 немец и 1 еврей. М. Э. Расулзаде делал акцент именно на представительстве национальностей и религий, а не на партийном представительстве. Однако избежать конфликта в условиях существования в Азербайджане 11 партий, не считая большевиков, было невозможно, учитывая, что Национальный совет не решил ни одной проблемы общества, главной из которых было распределение земли: в республике было много безземельных и малоземельных крестьян.

В ходе революционных событий и в начале Гражданской войны в Закавказье часть помещичьих земель и другого имущества захватывались восставшими крестьянами. Для поиска примирения между революционерами и консерваторами но-

вый Парламент республики издал Закон «Об амнистии», который стал одним из первых правовых актов в Азербайджане после эвакуации турецких войск. Примечательно, что в упомянутом выше законе идут отсылки к нормам Уголовного кодекса Российской империи¹.

В декабре 1918 г., когда «Мусават» испытывал большие надежды на помощь со стороны Англии в обретении Азербайджаном независимости, но Восточный комитет в Лондоне уже принял решение (вопреки мнению лорда Керзона) о выводе войск из Закавказья. Мотивировка вывода войск сводилась к следующему: необходимость укрепления позиций империи в Персии и неопределённость целей операций британских войск в Закавказье, по поводу чего выступило Казначейство, которое видело сомнительную легитимность в финансировании этих военных мероприятий [21, pp. 131–132]. Правительство Индии настаивало на выводе войск, преследуя свои стратегические интересы – укрепление западных рубежей непосредственно Индии даже ценой отказа от Ирана [15, р. 128]. Однако у этой идеи появился новый противник – представитель Военного министерства при Восточном комитете генерал Туэйтс (Thwaites), который считал, что британские войска должны удерживать Баку и Красноводск столько, сколько потребуется. Мнение этого генерала в сочетании с политической позицией лорда Керзона заставили правительство Великобритании отложить окончательное решение вопроса с выводом войск, положившись в этом вопросе на генерала Мильна, который возглавил вновь сформированное соединение с громким названием «Армия Черного моря» [15, р. 128]. В феврале 1919 г. уже под влиянием решения главы правительства Л. Джорджа ограничить помощь антикоммунистическим силам в России Мильн рекомендует начать вывод войск из Закавказья и Транс-каспийского региона [13, р. 96].

¹ Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920 гг.). Законодательные акты: сб. док. Баку: Азербайджан, 1998. 560 с.

В январе 1919 г. часть армии генерала Бичерахова, расквартированная в Баку, по приказу Томсона была выведена из города, последний в том же месяце определил демаркационную линию между кавказскими политическими режимами и ВСЮР по Тереку и Кавказскому хребту. 11 июня 1919 г. эта демаркационная линия была проведена уже южнее порта Петровский (Дербент), что означало, что англичане готовы делать уступки на Кавказе Деникину.

Британские военные власти вскоре после прибытия в Закавказье оказались втянутыми в местные конфликты. Во-первых, после ухода турецких и немецких войск Армения предъявила территориальные претензии к Грузии, в декабре 1918 – январе 1919 гг. имели место боевые столкновения между армянскими и грузинскими вооружёнными формированиями за области Борчалю и Архалкалаки, этот конфликт получил название армяно-грузинской войны. «Миротворческую миссию» выполнили английские воинские части под руководством генерала Райкрофта, которые осуществил разведение сторон и объявил часть Борчалю нейтральной. Судьба спорных территорий должна была решаться, по настоянию британских властей, на Версальской конференции [7; 16, р. 104]. Вскоре после этого англичане были вынуждены поставить свой гарнизон в Гаграх, чтобы предотвратить развитие вооружённого конфликта между ВСЮР и Грузией за Сочинский район [14, р. 104]. Опасность движения частей ВСЮР к югу от Туапсе для Грузии заключалась также в том, что в случае несговорчивости официального Тбилиси с генералом Деникиным силы последнего вполне могли овладеть Сухуми, создав тем самым на территории Абхазии достаточно удобный тыл на случай поражений от большевиков на Дону и Кубани. Таким образом, действия англичан были, как и в случае с армяно-грузинским конфликтом, явно в пользу правительства грузинских меньшевиков, которые к июню 1919 г. фактически остались без армии [14, р. 104].

23 августа 1919 г. произошёл почти полный вывод английских войск из Баку и из пунктов вдоль ж/д ветки, соединявшей этот город с Батуми, в общей сложности 2 дивизий [22, pp. 333–334]. Военное присутствие в виде маленького гарнизона англичане сохранили только в Батуми, который, согласно решениям Версальской конференции, было решено превратить в вольный город, подобно Данцигу. Смысл выведения Батуми частично из-под юрисдикции Грузии заключался в том, чтобы снизить степень напряжённости в отношениях между местными мусульманами, включая и аджарцев, с официальным Тбилиси. Батуми также являлся важным стратегическим пунктом, через который в случае наступления РККА против закавказских республик последним британцы могли оказать военную помощь.

В конце августа 1919 г. Лондон снижает свою политическую активность и на Северном Кавказе. Выше уже говорилось, что к лету 1919 г. грузинская армия была очень слаба. Грузинские генералы надеялись на помощь оружием со стороны англичан, но эта помощь, по данным посла Великобритании в Тбилиси лорда О. Водропа (O. Wardrop), так и не поступила в начале 1920 г. [16, pp. 557–559]. Кроме того, англичане так и не развернули полноценную торговлю с Грузией, которая могла продавать им марганец, и в начале февраля 1920 г. кабинет министров принял решения о выводе британского гарнизона из Батуми, а также о прекращении помощи Северокавказской республике (Дагестан) [16, pp. 557–559]. Посол Водроп назвал эти действия своего правительства катастрофическими для 3 закавказских республик, официально признанных Англией.

Надо сказать, что относительно Дагестана Водроп преувеличивал готовность его населения поддерживать антибольшевистские силы, негибкая политика генерала Деникина, связанная с мобилизацией в ВСЮР, спровоцировала в конце августа 1919 г. вооружённые выступления горцев против белых, в сентябре и октябре 1919 г. горцам удалось нанести войскам

Деникина серьёзные поражения в окрестностях Дешлагара, Казумкента и Салти, где белые потеряли несколько тысяч человек убитыми и пленными. Самое главное крупные силы ВСЮР оттягивались на решение в Дагестане, в целом, второстепенных задач, когда на основном, Орловском, направлении у белых Юга не хватало резервов. Это и стало одной из главных причин провала наступления Деникина на Москву.

Сложной ситуацией в Дагестане воспользовались большевики, которые организовали военные комитеты в районах Левашаи и Акуши. Правда, изначально значительная часть инициативы в организации восстания принадлежала пантюркистам, которые вступили во временный альянс с большевиками. На юге Дагестана лидерами повстанцев были известные турецкие офицеры Казим Бей и Нури Паша [12, р. 508].

В январе 1920 г. К. Бей арестовал большевистский комитет в Левашах, но красные партизаны были уже достаточно сильны в Дагестане, поэтому турецким лидерам пантюркистов вскоре пришлось покинуть дагестанскую землю [12, р. 509]. Известия о поражениях Деникина на основных фронтах в результате очередного наступления красных партизан спровоцировало рост популярности большевиков в Дагестане, в связи с этим в марте 1920 г. белые потеряли контроль над югом этого региона [12, р. 509]. Таким образом, дорога на Баку была открыта, и в апреле 1920 г. в столицу Азербайджана вошли части регулярной Красной армии.

Заключение

Легитимность некоммунистических режимов на пространстве бывшей Российской империи в период Гражданской войны определялась во многом как внешним влиянием, так и готовностью быстро и грамотно проводить земельную реформу. Нельзя сказать, что РСФСР в этом смысле имела очень высокую легитимность в глазах крестьянского

населения, но всё-таки она была выше, если проводить сравнение с АДР.

Вторая проблема – решение рабочего вопроса. В начале XX в. благодаря концентрации в крупных городских центрах пролетариат занял ведущую политическую позицию. Пример рабочих Баку демонстрирует, что в их глазах законной была только власть большевиков, воплощённая в форме Советов, даже умеренные социалисты не пользовались среди многих бакинцев высокой степенью легитимности. Соответственно, политический конфликт в Азербайджане развивался по тому же сценарию, что и в других регионах бывшей Российской империи: город, склонявшийся к власти большевиков, против ещё частично феодальной деревни.

Радикальный национализм, как и консерватизм, также не получили большой поддержки в Азербайджане, что было связано во многом с позицией английских интервентов, которые поддерживали идею демократической республики с участием в государственном управлении всех национальностей, а также социалистов. В этой связи политические силы, ассоциированные с фигурой хана Хойского, быстро потерпели поражение в Азербайджане. В АДР борьбу вели несколько политических сил, у каждой из которых были свои представления о государственной легитимности. В понимании большинства русских, проживавших в АДР, наиболее легитимной была Российская империя, за что боролся Л. Бичерахов со своей армией, на базе которой он даже пытался сформировать в Азербайджане своё временное государство, аффилированное с ВСЮР.

Статья поступила в редакцию 16.01.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиева С. Азербайджанская Демократическая Республика и горская Республика: сотрудничество, проекты объединения и взаимодействия с Османской империей (по документам, договорам и нотам 1918–1920 годов) (часть 1) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2015. № 4. С. 115–137.
2. Балаев А. Мамед Эмин Расулзаде (1884–1955). М.: Флинта, 2009. 288 с.
3. Бартольд В. В. Работы по исторической географии и истории Ирана. М.: Восточная литература РАН, 2003. 663 с.
4. Волхонский М., Муханов В. По следам Азербайджанской Демократической Республики. М.: Европа, 2007. 247 с.
5. Гасанлы Д. П. Русская революция и Азербайджан. Трудный путь к независимости, 1917–1920. М.: Флинта, 2011. 665 с.
6. Гулиев Д. Борьба Коммунистической партии за осуществление ленинской национальной политики в Азербайджане. Баку: Азернешр, 1970. 706 с.
7. Давыдова Т. Н. Азербайджанская Демократическая Республика (АДР) и Великобритания на Парижской мирной конференции 1919–1920 гг.: проблема признания независимости АДР // Научный диалог. 2017. № 6. С. 193–204.
8. Из истории общественной и философской мысли в Азербайджане XIX века / под ред. Г. Гусейнова. Баку: Издательство Академии наук Азербайджанской ССР, 1949. 736 с.
9. Михайлов В. В. Двоевластие в Азербайджане и борьба Вооруженных сил Юга России за Каспийскую военную флотилию в 1919 году // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 6. С. 23–32.
10. Раевский А. Английская интервенция и мусаватское правительство. Из истории интервенции и контрреволюции в Закавказье. Баку, 1927. 195 с.
11. Шнирельман В. А. Войны памяти: войны, идентичность и политика в Закавказье. М.: Академкнига, 2003. 591 с.
12. Allen W. E. D., Muratoff P. Caucasian battlefields. A history of the wars on the turco-caucasian border. 1828–1921. Cambridge: Cambridge University press, 1953. 614 p.
13. Altstadt A. The Azerbaijani Turks: Power and Identity Under Russian Rule. New York: Hoover Institution Press, 1992. 357 p.
14. Anchabadze G. Armed Forces of Georgian Democratic Republic in 1918–1921 // Latvijas Universitātes Zurnals. Vesture. 2018. № 5. P. 100–116.
15. Busch B. C. Mudros to Lausanne: Britain's Frontier in Western Asia, 1918–1923. Albany: New York: State University of New York Press, 1976. 430 p.
16. Documents on British foreign office. 1919–1939. First series. Vol. XII / ed. R. Butler, J. P. T. Bury, eds. UK, London: Her Majesty stationery office, 1962. 821 p.
17. George D. L. The Truth About The Peace Treaties. Vol. 1. London: Victor Gollancz Ltd, 1938. 752 p.
18. Hasanli J. Foreign policy of the Republic of Azerbaijan: the difficult road to western integration, 1918–1920. London; New York: Routledge, 2016. 445 p.
19. Hovannisian R. G. The Republic of Armenia. Vol. 1: The First Year, 1918–1919 (Near Eastern Center, UCLA). Berkeley: University of California Press, 1971. 592 p.
20. Kazemzadeh P. The Struggle for Transcaucasia (1917–1921). New York: Philosophical library, 1951. 384 p.
21. Nicolson H. Curzon: The Last Phase, 1919-1925: A Study in Post-War Diplomacy. London: Constable & Co Ltd, 1934. 489 p.
22. Ullman R. H. Anglo-Soviet Relations, 1917–1921. Vol. 3. The Anglo-Soviet Accord. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1961. 548 p.
23. Azərbaycan xalq cümhuriyyətinin qurucuları. gəyçaylı deputat hacı hüseyin hacı abdulla oğlu əfəndiyev (1887 (1893?) – 1920). Bakı: Mütərcim, 2024. 76 səh.
24. Azərbaycançılıq ideologiyası: ənənə və müasirlik. Bakı: “Elm və təhsil”, 2019. 456 səh.
25. Qasımlı M. C. Azərbaycan Respublikasının tarixi (1991–2021). 2 cildə. II cild (2003–2021). Bakı: Bakı Dövlət Universiteti, 2021. 520 s.
26. Şahbazov A. Cümhuriyyəti ordusunun zabıt və hərbi məmurları. Bakı: “M aarif”, 2020. 816 səh.
27. XX əsr Azərbaycandarixi: II cild. Bakı: Təhsil, 2009. 560 p.

REFERENCES

1. Aliyeva S. [Azerbaijan Democratic Republic and the Mountain Republic: cooperation, projects of unification and interaction with the Ottoman Empire (according to documents, treaties and notes of 1918–1920) (part 1)]. In: *Severo-Kavkazskiy yuridicheskiy vestnik* [North Caucasian Legal Bulletin], 2015, no. 4, pp. 115–137.
2. Balayev A. *Mamed Emin Rasulzade* [Mamed Emin Rasulzade (1884–1955)]. Moscow, Flinta Publ., 2009. 288 p.
3. Bartold V. V. *Raboty po drevney geografii i istorii Irana* [Works on the historical geography and history of Iran]. Moscow, Vostochnaya literatura RAN Pbl., 2003. 663 p.
4. Volkhonsky M., Mukhanov V. *Po sledam Azerbaydzhanskoй Demokraticheskoй Respubliki* [In the footsteps of the Azerbaijan Democratic Republic]. Moscow, Yevropa Publ., 2007. 247 p.
5. Gasanli D. P. *Russkaya revolyutsiya i Azerbaydzhan. Trudnyy put k nezavisimosti, 1917–1920* [Russian Revolution and Azerbaijan. The Difficult Path to Independence, 1917–1920]. Moscow, Flinta Publ., 2011. 665 p.
6. Guliyev D. *Borba Kommunisticheskoy partii za provedeniye leninskoy natsionalnoy politiki v Azerbaydzhanе* [The Struggle of the Communist Party for the Implementation of Leninist National Policy in Azerbaijan]. Baku, Azerneshr Publ., 1970. 706 p.
7. Davydova T. N. [Azerbaijan Democratic Republic (ADR) and Great Britain at the Paris Peace Conference of 1919–1920: the Problem of Recognizing the Independence of the ADR]. In: *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue], 2017, no. 6, pp. 193–204.
8. Huseynov G., ed. *Iz istorii obshchestvennogo mneniya i filosofskoy mysli v Azerbaydzhanе XIX veka* [From the History of Social and Philosophical Thought in Azerbaijan in the 19th Century]. Baku, Izdatelstvo Akademii nauk Azerbaydzhanskoй SSR, 1949. 736 p.
9. Mikhailov V. V. [Dual power in Azerbaijan and the struggle of the Armed Forces of the South of Russia for the Caspian military flotilla in 1919]. In: *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i sotsialnyye nauki* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and social sciences], 2016, no. 6, pp. 23–32.
10. Raevsky A. *Angliyskaya interventsia i musavatskoye pravitelstvo. Iz istorii interventsii i kontrrevolyutsii v Zakavkazye* [English intervention and the Musavat government. From the history of intervention and counterrevolution in Transcaucasia]. Baku, 1927. 195 p.
11. Shnirelman V. A. *Voyny pamyati: voyny, identichnost i politika v Zakavkazye* [Wars of memory: wars, identity, and politics in Transcaucasia]. Moscow, Akademkniga Publ., 2003. 591 p.
12. Allen W. E. D., Muratoff P. *Caucasian battlefields. A history of the wars on the turco-caucasian border. 1828–1921*. Cambridge: Cambridge University press, 1953. 614 p.
13. Altstadt A. *The Azerbaijani Turks: Power and Identity Under Russian Rule*. New York: Hoover Institution Press, 1992. 357 p.
14. Anchabadze G. *Armed Forces of Georgian Democratic Republic in 1918–1921*. In: *Latvijas Universitates Zurnals. Vesture*, 2018, no. 5, pp. 100–116.
15. Busch B. C. *Mudros to Lausanne: Britain's Frontier in Western Asia, 1918–1923*. Albany, New York, State University of New York Press, 1976. 430 p.
16. Butler R., Bury J. P. T., eds. *Documents on British foreign office. 1919–1939. First series. Vol. XII*. London, Her Majesty stationery office, 1962. 821 p.
17. George D. L. *The Truth About The Peace Treaties. Vol. 1*. London, Victor Gollancz Ltd, 1938. 752 p.
18. Hasanli J. *Foreign policy of the Republic of Azerbaijan: the difficult road to western integration, 1918–1920*. London, New York, Routledge, 2016. 445 p.
19. Hovannisian R. G. *The Republic of Armenia. Vol. 1: The First Year, 1918–1919* (Near Eastern Center, UCLA). Berkeley, University of California Press, 1971. 592 p.
20. Kazemzadeh P. *The Struggle for Transcaucasia (1917–1921)*. New York, Philosophical library, 1951. 384 p.
21. Nicolson H. *Curzon: The Last Phase, 1919-1925: A Study in Post-War Diplomacy*. London, Constable & Co Ltd, 1934. 489 p.
22. Ullman R. H. *Anglo-Soviet Relations, 1917–1921. Vol. 3. The Anglo-Soviet Accord*. Princeton, N.J., Princeton University Press, 1961. 548 p.
23. Azərbaycan xalq cümhuriyyətinin qurucuları. göyçayli deputat haci hüseyin haci abdulla oğlu əfəndiyev (1887 (1893?) – 1920). Bakı, Mütərcim, 2024. 76 səh.
24. Azərbaycançılıq ideologiyası: ənənə və müasirlik. Bakı, “Elm və təhsil”, 2019. 456 səh.

25. Qasımlı M. C. Azərbaycan Respublikasının tarixi (1991–2021). 2 cilddə. II cild (2003–2021). Bakı, Bakı Dövlət Universiteti, 2021. 520 s.
26. Şahbazov A. Cümhuriyyəti ordusunun zabıt və hərbi məmurları. Bakı, “M aarif”, 2020. 816 səh.
27. XX əsr Azərbaycandarixi: IIcild. Bakı: Təhsil, 2009. 560 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Чишев Таймураз Григорьевич – старший преподаватель департамента юриспруденции Московского института современного академического образования;
e-mail: taimchshiev@gmail.com

Савинкина Лариса Александровна – кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры туризма Московского государственного университета спорта и туризма;
e-mail: danaya1967@mail.ru

Родионов Сергей Владимирович – аспирант Московского института современного академического образования;
e-mail: rsv100@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Taimuraz G. Chshiev – Senior Lecturer, Department of Jurisprudence, Moscow Institute of Modern Academic Education;
e-mail: taimchshiev@gmail.com

Larisa A. Savinkina – Cand. Sci. (Geography), Assoc. Prof., Department of Tourism, Moscow State University of Sports and Tourism;
e-mail: danaya1967@mail.ru

Sergey V. Rodionov – Postgraduate student, Moscow Institute of Modern Academic Education;
e-mail: rsv100@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Чишев Т. Г., Савинкина Л. А., Родионов С. В. Легитимность Азербайджанской Демократической Республики в конце 1918 – начале 1920 гг. и английская интервенция в Закавказье // Московский юридический журнал. 2024. № 2. С. 52–63.
DOI: 10.18384/2949-513X-2024-2-52-63

FOR CITATION

Chshiev T. G., Savinkina L. A., Rodionov S. V. Legitimacy of the Azerbaijan Democratic Republic in Late 1918 – Early 1920 and English Intervention in Transcaucasia. In: *Moscow Juridical Journal*, 2024, no. 2, pp. 52–63.
DOI: 10.18384/2949-513X-2024-2-52-63

УДК 347.451.02

DOI: 10.18384/2949-513X-2024-2-64-72

ПРАВОВАЯ ОСНОВА ДОКТРИНЫ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Шаповалов Н. И.

*Московский государственный университет технологий и управления имени К. Г. Разумовского
(Первый казачий университет)
109004, г. Москва, ул. Земляной Вал, д. 73, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Постановка вопроса перед научным сообществом о необходимости создания правовой технологии формирования ценообразования производителями продуктов питания в пищевой промышленности.

Процедура и методы. Прослежена тенденция усиления правового регулирования деятельности рынка. В работе используются общенаучные методы исследования, что позволяет учесть зарубежный опыт решения проблем продовольственной безопасности, а также служебные инструменты, окна Овертона, которые позволяют выявлять тенденции развития современного правового закрепления основ Доктрины продовольственной безопасности. Анализ структуры рыночных правоотношений позволяет определить направление формирования правовой доктрины управления ценообразованием продуктов питания первой необходимости.

Результаты. Проведённый анализ показал теоретическую возможность создания правовыми средствами механизма управления ценообразованием продуктов питания первой необходимости.

Теоретическая и/или практическая значимость. Представлены предложения по формированию правовой доктрины управления ценообразованием продуктов питания первой необходимости. Введена авторская редакция понятия правовой технологии формирования ценообразования производителями продуктов питания первой необходимости.

Ключевые слова: правовая проблема ценообразования, продовольственная безопасность, рынок продуктов питания первой необходимости

LEGAL BASIS OF THE FOOD SECURITY DOCTRINE OF THE RUSSIAN FEDERATION

N. Shapovalov

*Moscow State University of Technology and Management
ul. Zemlyanoy Val 73, Moscow 109004, Russian Federation*

Abstract

Aim. Formation of scientific knowledge on ways to create a mechanism for managing the pricing of essential food products by legal means.

Methodology. The trend of increasing legal regulation of the market has been traced. The work uses general scientific research methods, which allows you to take into account foreign experience in solving food security problems, as well as service tools, Overton windows, which allow you to identify trends in the development of modern legal consolidation of the foundations of the Food Security Doctrine. Analysis of the structure of market legal relations allows us to determine the direction of the formation of the legal doctrine for managing the pricing of essential food products.

Results. The analysis showed the theoretical possibility of creating a mechanism for managing the pricing of essential food products by legal means.

Research implications. Proposals were presented on the formation of a legal doctrine for managing the pricing of essential food products. The author's edition of the concept of legal technology for the formation of pricing by manufacturers of essential food products has been introduced.

Keywords: right-wing pricing issue, food security, essential food market

Введение

Сегодня роль науки в обществе значительно выросла. Это вызвало ускоренное внедрение научных разработок в жизнь. Решение этих задач требует особой ответственности от учёных, которые должны, проанализировав ситуацию, сложившуюся в обществе, дать не только прогноз, но и пути её развития. Научно-теоретические работы сегодня не могут не учитывать социально-экономические проблемы, сложившиеся в стране. Эффективность их решения связана с научной проработкой и нацелена на создание научно-аналитического продукта, направленного на решение правовых проблем управления ценообразованием продуктов питания первой необходимости, и позволит юридически закрепить практические задачи рынка как неотъемлемой части государственно-властных институтов, регулируемых единой правовой системой государства.

Правовые проблемы ценообразования тесно связаны с продовольственной безопасностью страны, их анализ требует значительных дополнительных научных усилий, которые будут реализованы в других работах.

Неравномерное распределение продуктов питания в мире стало причиной возникновения глобальных вызовов, вылившихся в продовольственные кризисы в Африке. Продовольственные проблемы вызвали научный интерес, направленный на поиск решения на этих проблем. Ряд западных учёных М. Трэйси (1995), У. Лиферт (2004), М. Мазоер (2007), Э. Райнерт (2011) разработали основы решения продовольственных проблем и методологию их исследования. Несколько позже Всемирная конференция по вопросам проблем продовольствия в мире, проходившая 16 и 18 ноября 2009 г. в Риме, впервые ввела в обращение термин «продовольственная

безопасность». С этого момента проблема продовольственной безопасности стала предметом исследования учёных.

Б. А. Воронин, И. В. Чупина и другие справедливо считают, что, начиная с 2010 г., тема продовольственной безопасности получила в России активное научно-практическое исследование – в связи с принятием Указа № 120 от 30 января 2010 г. [3, с. 187].

Как считает С. М. Курбатова, причиной всплеска научного творчества стала доктрина 2020 г., которая изменила существенные условия продовольственной безопасности страны. Если доктрина 2010 г. определяла «продовольственную безопасность как экономическое состояние», то в доктрине 2020 г. – это уже не просто состояние экономики страны, но социально-экономическое состояние, гарантирующее доступность не к пищевым продуктам, а к пищевой продукции [4 с. 43]. Аналогичные взгляды высказывают А. Н. Анищенко и А. А. Шутьков [1, с. 9–12].

По мнению Е. В. Прудюс, российское научное сообщество разделилось: одна группа учёных рассматривала «инструментарий оценки уровня продовольственной безопасности», другая – занималась изучением общих проблем продовольственного обеспечения населения России [7, с. 113]. Об этом свидетельствуют труды А. В. Гордеева (2008), С. В. Киселева (2013), О. И. Пантелеевой (2009), Е. В. Серовой (2016), Ю. С. Хромова (1995) и других учёных. Однако, несмотря на большое количество трудов по данной проблематике, значительная их часть посвящена отдельным аспектам продовольственной безопасности, и практически отсутствуют работы о правовом регулировании ценообразования, именно в этом и проявляется новизна представляемой работы.

Президент Российской Федерации В. В. Путин обращает особое внимание

на безопасность государства. В Послании Федеральному Собранию он говорит: «Мы должны быть независимы, иметь все технологические ключи в таких чувствительных областях, как сбережения здоровья граждан, продовольственная безопасность»¹. При этом он прекрасно отдаёт себе отчёт в том, что это может быть достигнуто исключительно правовыми средствами. Так, суверенитет, о котором говорит В. В. Путин в своём Послании, представляет собой непреложное право государства, в т. ч. на правовую среду, для регулирования рынков будущего. Эта проблема особенно обострилась сегодня в условиях геополитических и геоэкономических глобальных вызовов, успешно противостоять которым можно путём реализации государственной социально-экономической политики, отражённой в документах стратегического планирования в области обеспечения продовольственной безопасности России. «Вместе с тем – пишет П. В. Водясов, – существует необходимость корректировки Доктрины таким образом, чтобы её положения служили основой для разработки унифицированных с нею региональных нормативных правовых документов,.. которые приняты в ряде регионов, но они не унифицированы и в значительной степени различаются друг от друга по содержанию, хотя концептуально и соответствуют Доктрине» [2, с. 13]. По мнению автора, важным инструментом, способным решать эти проблемы является юридически отрегулированный рынок.

Место и роль рынка в обеспечении продовольственной безопасности Российской Федерации

Рынок – это непреложный инструмент экономики государства, следовательно, он играет такую же важную роль в функционировании государства, как любой другой орган государства, а его правовой статус

должен быть закреплён единой системой права. Функциональная сущность коммерческой деятельности рынка – это посредничество в торговых финансовых операциях. Пределы компетенции субъектов рыночных отношений устанавливаются федеральным и региональным законодательством. При этом предметом правового регулирования становится либо сама деятельность рынка, либо деятельность его участников, составляющих круг субъектов рыночных правоотношений, каждый из которых обладает своим строго определённым правовым статусом.

Рынок – это не просто механизм трансфера денег от покупателей к продавцам, где цены играют важную роль и представляют собой экономический индикатор, показывающий не только степень сбалансированности системы спроса и предложения, но и уровень развития экономики в той или иной стране. А с другой стороны, цена, определённая правовыми средствами, может быть рычагом, способным привести этот балансный механизм в равновесие.

Рынок имеет важное значение для экономики государства, в силу чего он представляется одним из институтов государства, а его правовой статус определяет его место и роль в единой системе государственных органов. На решение этой задачи нацелен Указ Президента «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» от 21 января 2020 г. № 20, где в п. 3 закреплена императивная норма, которая предписывает напрямую федеральным органам государственной власти и органам государственной власти субъектов РФ руководствоваться положениями Доктрины продовольственной безопасности России в своей практической деятельности. Этот пункт носит бланкетный характер и отсылает правоприменителя к п.п. 2–4 и 6 Доктрины продовольственной безопасности: «Настоящая Доктрина является документом стратегического планирования, в котором отражены официальные взгляды на цели, задачи и основные направления государственной социально-экономической политики в об-

¹ Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/73585> (дата обращения: 23.05.2024).

ласти обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации»¹.

Кроме стратегий национальной и экономической безопасности Российской Федерации, в Доктрине определены национальные интересы в сфере продовольственной безопасности, такие как: повышение качества жизни граждан, обеспечение населения качественной и безопасной пищевой продукцией, устойчивое развитие сельского и рыбного хозяйств, а также развитие производства отечественной сельскохозяйственной продукции, соответствующей экологическим, санитарно-эпидемиологическим и ветеринарным требованиям. В практической деятельности эти доктрина и указ представляют собой маршрутную карту, где прописаны порядок решения задач, реализация и достижение целей, определённых в Доктрине. В этом, по мнению академика РАН И. Г. Ушачева, состоит социальная ценность Доктрины 2020 г. [10, с. 6].

Пункт 6 Доктрины гласит: «Продовольственная безопасность является одним из главных направлений обеспечения национальной безопасности страны в долгосрочном периоде, фактором сохранения её государственности и суверенитета, важнейшей составляющей социально-экономической политики, а также необходимым условием реализации стратегического национального приоритета – повышение качества жизни российских граждан путем гарантирования высоких стандартов жизнеобеспечения»². По мнению Б. А. Воронина, И. П. Чупиной и др., «продовольственная безопасность обеспечивается не только ростом объёмов производства отечественного сельскохозяйственного сырья и продовольствия, но

и качеством производимой сельскохозяйственной продукции» [3, с. 191].

На наш взгляд, продовольственная безопасность зависит не только от количества продовольствия, но и его социализации. Эту серьёзную проблему продовольственной безопасности исследуют Р. В. Павлов и Ю. С. Ломакина [6]. Ежегодно, в России «выбрасывают 17 млн тонн продуктов питания, стоимость которых оценивается более чем в 1,6 трлн рублей. Таким количеством продуктов, выброшенным на полигоны ТКО, можно было прокормить 31 млн человек на протяжении 1 года» [6, с. 34]. Это вызывает социальную напряжённость и содержит угрозу продовольственной безопасности страны. Угроза продовольственной безопасности могла бы быть снята законодательным регулированием фудшеринга³, что представляется реализацией правовых основ доктрины продовольственной безопасности РФ.

Послание Президента Федеральному Собранию стало документом, дополняющим Доктрину продовольственной безопасности. Послание определило сроки развития страны, алгоритм решения задач, закреплённых Доктриной. Другими словами, это – дорожная карта. При этом необходимо иметь в виду, что развитие страны и развитие государства – это понятия, которые имеют некие отличия, хотя и дополняют друг друга. В Послании Президент говорит о необходимости строить новую глобальную финансовую архитектуру, которая будет свободна от политического вмешательства.

Политическая система России, по мнению В. В. Путина, – это одна из важнейших опор суверенитета страны, гарантирующая правовое обеспечение важнейшим направлениям развития страны и развития государства, т. е. эти два понятия объединяются правовыми средствами и дополняют друг друга.

Целью настоящей работы является постановка вопроса перед научным сообществом о необходимости создания правовой технологии формирования це-

¹ П. 1 Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202001210021> (дата обращения: 23.05.2024).

² Доктрина Продовольственной безопасности Российской Федерации // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102660479> (дата обращения: 23.06.2023).

³ Фудшеринг – это деятельность, направленная на перераспределение продуктов питания (с истекающим сроком годности) специальными организациями или через интернет.

нообразования производителей продуктов питания в пищевой промышленности. Эта технология позволяет осуществлять управление ценообразованием на рынке продуктов питания первой необходимости. Она представляется инструментом обеспечения продовольственной безопасности в Российской Федерации. Правовая технология носит доктринальный характер и представляет собой научно-аналитический продукт, определяющий концептуальные основы регулирования рынка, как неотъемлемой части единой системы государственных органов, влияющих на экономику страны.

Обеспечение национальной безопасности государства зависит от продовольственной безопасности страны, поэтому её обеспечение является приоритетной задачей политического руководства государства.

В работе прослежена тенденция усиления правового регулирования деятельности рынка. Так, Указ Президента В. В. Путина об обязательной продаже 80% валютной выручки свидетельствует о том, что был сделан шаг к правовому регулированию рыночной деятельности в стране вопреки теории А. Смита о «невидимой руке рынка». А это значит, что цены на рынке стали формироваться правом, а не стихией. Совершенно оправданно применение этого метода правового управления ценообразованием на другие сегменты рынка как части политической системы государства.

Мир стремительно меняется, то, что вчера было невозможным, сегодня становится нормой. Политические решения, обеспечивающие национальную безопасность России, представляются приоритетной задачей для научного исследования. Успешное решение поставленных задач возможно при использовании методов научного анализа, например, сравнительное правоведение позволяет проанализировать зарубежное законодательство, регулирующее продовольственную безопасность. Так, в США действуют 30 федеральных законов, закрепляющих правила деятельности рынка продуктов питания и

лекарственных средств. Новации в области управления ценообразованием позволяют отслеживать такие вспомогательные научные инструменты, как окна Овертона, благодаря которым можно выявить тенденцию усиления правового регулирования деятельности рынка. Так, указ об обязательной продаже 80% валютной выручки стал нормой, регулирующей валютный рынок страны, т. е. он появился в окне Овертона «действующая норма».

Следующим шагом, отражённым в окнах Овертона, стало сообщение лидера фракции «Единая Россия» В. Васильева о том, что депутаты работают над 80 законопроектами по реализации послания Президента В. В. Путина¹. Представленная информация позволяет проследить тенденцию движения норм от неммыслимых к действующим. Таким окном может быть «приемлемо», где может быть размещена «Правовая основа Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации», как и Указ Президента РФ от 21 января 2023 г. № 20. В окнах «разумно», «радикально», «популярно» могут быть последовательно размещены «формула правового регулирования ценообразования продуктов питания первой необходимости» и «правовое регулирование рынка продуктов питания первой необходимости».

Анализ информации окон Овертона, а также итоги сравнительного правоведения, мягко подводят исследователя к мысли о том, что финансовые практики ценообразования, опирающиеся на теорию «невидимой руки рынка» А. Смита, которой придерживается известная часть нашей финансово-экономической элиты, активно отстаивающей принцип свободы рыночного ценообразования, ведут к глобальным вызовам. К тому же наличие этого принципа отнюдь не помешало стране – родоначальнице рыночной экономики осуществлять правовыми средствами регулирование ценообразования на своём

¹ Васильев: депутаты Госдумы работают над 80 проектами по реализации послания Путина // ТАСС: [сайт]. <https://tass.ru/politika/20289487> (дата обращения: 23.05.2024).

внутреннем рынке продовольствия и лекарственных средств. При этом контроль за исполнением законодательства осуществляется 15 ведомствами на разных уровнях.

Рыночное право как важная часть правового регулирования Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации

Рынок – это непреложный инструмент экономики государства, а значит, он обладает правовым статусом, определяющим его место и роль в системе государственных органов, как любого другого органа государства. Предварительным стратегическим документом, содержащим источник рыночного права, является Федеральный закон № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства»¹. Федеральный закон № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов»², ч. 1 ст. 422 ГК РФ, ч. 1 ст. 424, как и правовая основа Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации, а также другие нормативные правовые акты Российской Федерации в этой области определяют основные принципы направления обеспечения продовольственной безопасности страны, включая поддержку отечественного производства, контроль качества продуктов и обеспечение доступности продовольствия для населения.

Правовая технология формирования ценообразования производителями продуктов питания в пищевой промышленности

Современное общество живёт в условиях высокой турбулентности, осложнённой глобальными вызовами, противостоять которым можно лишь решением глобальных задач [5, с. 24–28]. Политическое ру-

ководство страны в этих условиях ставит задачу упорядочивания ценообразования, в особенности на продукты питания первой необходимости. Практика показала, что сделать это можно только правовыми средствами.

Предметом исследования настоящего раздела является правовой механизм ценообразования.

Как справедливо отмечает С. Э. Цвирко, изучение систем государственного регулирования и контроля ценообразования за рубежом, в частности, в Великобритании необходимо для выявления положительного опыта с целью возможного применения в России [8, с. 22–38]. Рыночные правоотношения строятся исключительно на договорных началах между субъектами правоотношений. Часть 1 ст. 422 ГК РФ определяет условия легитимности договора, который должен соответствовать императивным нормам закона и других правовых актов, устанавливающих договорные правила. Правовая технология формирования ценообразования производителями продуктов питания в пищевой промышленности представляет собой механизм управления ценообразованием, базирующийся на правовой доктрине о ценообразовании для производителя продуктов питания первой необходимости. Суть доктрины в том, что любой продукт на пути от производителя до потребителя проходит 3 этапа.

Производитель сельхозпродукции является первым собственником продукции, которую он производит для последующей реализации, скажем, фермер вырастил 50 т помидоров. Это скоропортящийся продукт, который требует скорейшей реализации потребителю. Для этого требуются торговые сети, которых у производителя, как правило, нет. Производитель вырастил помидоры для реализации потребителю и стремится восстановить те затраты, которые он осуществил.

На первом этапе фермер, стремясь реализовать созданный продукт, меняет свой правовой статус производителя на статус продавца. Такая замена требует использо-

¹ Федеральный закон от 29.12.2006 № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» // СПС Консультант Плюс.

² Федеральный закон от 02.01.2000 № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» // СПС Консультант Плюс.

вания правовой методики формирования первой цены продукта питания первой необходимости, которую сможет использовать продавец. Первая цена должна формироваться на основе правил, определённых в ч. 1 ст. 422 ГК РФ. На втором этапе цены определяются продавцом, исходя из его затрат на производство единицы продукта плюс % рентабельности, который может достигать до 30%. Так формируется цена продавца, по которой приобретает продукт ритейл, после сделки правовой статус ритейла меняется с покупателя на продавца, и наступает третий этап формирования цены товара, приобретённого ритейлом. Он становится продавцом. Изменение правового статуса ритейла с покупателя на продавца ведёт к определению цены, по которой ритейл стремится продать продукт потребителю. Этим характеризуется третий этап формирования цены на продукты питания первой необходимости. Ритейл в соответствии с гражданским правом сам формирует цену на приобретённый продукт, однако, это право не может противоречить императивным нормам правовых актов, определяющих правила ч. 1 ст. 422. А это значит, что ценообразование третьего этапа должно формироваться на правовых принципах ценообразования первого этапа, которые закреплены законом, и позволяют в рамках рыночного права управлять ценообразованием продуктов питания первой необходимости [9].

Согласно ч. 1 ст. 422 Гражданского кодекса «договор должен соответствовать обязательным для сторон правилам, установленным законом и иными правовыми актами (императивным нормам), действующим в момент его заключения». Предметом закона должны стать правила формирования ценообразования производителем продуктов питания. Для того чтобы правила были ясными и прозрачными, они должны опираться на правовую доктрину ценообразования. Положения ст. 422 ГК РФ позволяют создание правовой технологии формирования ценообразования продуктов питания первой необходимости. На

каждом этапе правоотношения собственник, совершивший сделку, приобретает статус продавца, что позволяет его идентифицировать в этом качестве. Правовой статус производителя является первым шагом, позволяющим сформулировать эту самую доктрину. Согласно ч. 1 ст. 424 закон должен закрепить в правилах случаи применения цены, тарифов, расценок, ставок и т. п., устанавливаемые или регулируемые уполномоченными на то, государственными органами или органами местного самоуправления.

В случае, если цена в договоре будет создана с нарушением правовой технологии формирования ценообразования продуктов питания первой необходимости, закреплённой законом в правилах, сделка в соответствии со ст. 168 ГК РФ представляется ничтожной. Другими словами, договор купли-продажи продуктов питания первой необходимости должен соответствовать императивным нормам правовых актов, закрепляющих правила.

Это правило обеспечивается, в частности, нормой ст. 168 ГК, которая устанавливает, что сделка (в т. ч. и договор), не соответствующая требованиям закона или иных правовых актов, ничтожна, если закон не устанавливает, что такая сделка оспорима или не предусматривает иных последствий нарушения.

Заключение

В статье обоснована необходимость формирования правовой системы управления ценообразованием продуктов питания первой необходимости, создание которой требует п. 4 Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации.

Управление ценообразованием необходимо рассматривать как многоэтапный процесс, охватывающий периоды от начала финансирования работ по производству продуктов питания первой необходимости до приобретения этих продуктов потребителем. В его основе должно лежать комплексное рассмотрение экономической и правовой составляющих ценообразования.

Правовая природа механизма управления ценообразованием носит частноправовой характер, где стороны регулируют свои отношения договорами. Правовой основой механизма управления ценообразованием является ч. 1 ст. 422 ГК РФ, согласно которой договор должен соответствовать обязательным для сторон правилам, установленным законом и иными правовыми актами (императивными нормами), действующим в момент его заключения.

Автором разработаны предложения, направленные на восполнения пробела бланкетной нормы закона, закрепляющего обязательные правила для сторон договора, которых до настоящего времени нет, но ими мог бы стать «Кодекс продовольственной безопасности Российской Федерации». Концепция его разработана и может быть предложена для обсуждения.

В работе изложены правовые принципы деятельности механизма управления ценообразованием на продукты питания первой необходимости и раскрыта их сущность.

Материалы статьи могут быть использованы при разработке Концепции государственного управления ценообразованием на продукты питания первой необходимости. Тем более что до настоящего времени не принят закон, который бы регламентировал общие вопросы применения цен, устанавливаемых или регулируемых государственными органами. Хотя сохраняют юридическую силу подзаконные акты, например, Указ Президента РФ от 28 февраля 1995 г. № 221 «О мерах по упорядочению государственного регулирования цен (тарифов)»¹ и Постановление Правительства РФ от 7 марта 1995 г. № 239 «О мерах по упорядочению государственного регулирования цен (тарифов)»². Указанные нормативные акты позволяют уполномоченным государственным органам осуществлять «ручное» управление ценами в случае необходимости.

Статья поступила в редакцию 04.02.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анищенко А. Н., Шутьков А. А. Проблемы реализации Доктрины продовольственной безопасности России // *Продовольственная политика и безопасность*. 2021. Т. 8. № 1. С. 9–22.
2. Водясов П. В. Доктрина продовольственной безопасности России и ее регионов: от постановки цели к методике оценки ее достижения // *Экономика. Профессия. Бизнес*. 2021. № 2. С. 13–20.
3. Деятельность сельскохозяйственных товаропроизводителей как фактор выполнения доктрины продовольственной безопасности / Б. А. Воронин, И. П. Чупина, Я. В. Воронина, Е. В. Зарубина, Н. Н. Симачкова // *International Agricultural Journal*. 2021. № 5. С. 182–196.
4. Курбатова С. М., Мазуров В. Ю., Андреева Ю. В. О доктринах продовольственной безопасности РФ // *Аграрное и земельное право*. 2020. № 8. С. 45–46.
5. Доктрина продовольственной безопасности – правовая основа органического производства / И. Ю. Никодимов, Ю. В. Земсков, Н. И. Шаповалов, О. А. Мотякова // *Административное право и процесс*. 2022. № 11. С. 24–28.
6. Павлов Р. В., Ломакина Ю. С. Фудшеринг в Российской Федерации – экономико-правовой аспект // *Актуальные проблемы укрепления законности и правопорядка в современной России: сб. трудов конф.* М., 2023. С. 32–40.
7. Прудюс Е. В. Продовольственная безопасность – фундамент экономической безопасности страны // *Проблемы рыночной экономики*. 2023. № 2. С. 112–124.
8. Цвирко С. Э. Система государственного регулирования и контроля ценообразования в Великобритании: законодательный и институциональный аспект // *Теоретическая и прикладная экономика*. 2018. № 2. С. 22–38.
9. Романова А. С. Эволюция теории ценообразования // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2013. № 15. С. 141–145.

¹ Указ Президента РФ от 28.02.1995 № 221 «О мерах по упорядочению государственного регулирования цен (тарифов)» // СПС Консультант Плюс.

² Постановление Правительства РФ от 07.03.1995 № 239 «О мерах по упорядочению государственного регулирования цен (тарифов)» // СПС Консультант Плюс.

10. Ушачев И. Г., Чекалин В. С. Новая доктрина продовольственной безопасности и меры по реализации ее основных положений // АПК: Экономика, управление. 2020. № 4. С. 4–12.

REFERENCES

1. Anishchenko A. N., Shutkov A. A. [Problems of Implementing the Doctrine of Food Security of Russia]. In: *Prodovolstvennaya politika i bezopasnost* [Food Policy and Security], 2021, vol. 8, no. 1, pp. 9–22.
2. Vodyasov P. V. [Doctrine of Food Security of Russia and its Regions: from Setting the Goal to the Methodology for Assessing Its Achievement]. In: *Ekonomika. Professiya. Biznes* [Economy. Profession. Business], 2021, no. 2, pp. 13–20.
3. Voronin B. A., Chupina I. P., Voronina Ya. V., Zarubina E. V., Simachkova N. N. [Activities of Agricultural Producers as a Factor in the Implementation of the Doctrine of Food Security]. In: *International Agricultural Journal*, 2021, no. 5, pp. 182–196.
4. Kurbatova S. M., Mazurov V. Yu., Andreeva Yu. V. [On the Doctrines of Food Security of the Russian Federation]. In: *Agrarnoye i zemelnoye pravo* [Agrarian and Land Law], 2020, no. 8, pp. 45–46.
5. Nikodimov I. Yu., Zemskov Yu. V., Shapovalov N. I., Motyakova O. A. [The Doctrine of Food Security – the Legal Basis for Organic Production]. In: *Administrativnoye pravo i protsess* [Administrative Law and Process], 2022, no. 11, pp. 24–28.
6. Pavlov R. V., Lomakina Yu. S. [Foodsharing in the Russian Federation – Economic and Legal Aspect]. In: *Aktualnyye problemy zakonnosti i pravoporyadka v sovremennoy Rossii* [Actual Problems of Strengthening the Rule of Law and Order in Modern Russia]. Moscow, 2023, pp. 32–40.
7. Prudius E. V. [Food security is the foundation of the country's economic security]. In: *Problemy rynochnoy ekonomiki* [Problems of Market Economy], 2023, no. 2, pp. 112–124.
8. Tsvirko S. E. [The system of state regulation and control of pricing in the UK: legislative and institutional aspect]. In: *Teoreticheskaya i prikladnaya ekonomika* [Theoretical and Applied Economics], 2018, no. 2, pp. 22–38.
9. Romanova A. S. [Evolution of pricing theory]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2013, no. 15, pp. 141–145.
10. Ushachev I. G., Chekalin V. S. [New doctrine of food security and measures to implement its main provisions]. In: *APK: Ekonomika, upravleniye* [APK: Economy, Management], 2020, no. 4, pp. 4–12.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шаповалов Николай Иванович – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин юридического факультета Московского государственного университета технологий и управления имени К. Г. Разумовского;
e-mail: shapovalov_n@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolai I. Shapovalov – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Departmentally Head, Department of of Civil Law Disciplines, Faculty of Law, Moscow State University of Technology and Management;
e-mail: shapovalov_n@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шаповалов Н. И. Правовая основа Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации // Московский юридический журнал. 2024. № 2. С. 64–72.
DOI: 10.18384/2949-513X-2024-2-64-72

FOR CITATION

Shapovalov N. I. Legal Basis of the Food Security Doctrine of the Russian Federation. In: *Moscow Juridical Journal*, 2024, no. 2, pp. 64–72.
DOI: 10.18384/2949-513X-2024-2-64-72

УДК 328.185

DOI: 10.18384/2949-513X-2024-2-73-83

ОПЫТ ПРОФИЛАКТИКИ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗАКУПОК В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Ширалиев И. С.

*Департамент противодействия коррупции Свердловской области
620031, г. Екатеринбург, пл. Октябрьская, д. 1, стр. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Проанализировать опыт профилактики и предупреждения коррупционных правонарушений в сфере государственных и муниципальных закупок в Российской Федерации на примере Свердловской области.

Процедура и методы. При сборе информации для исследования использовались аналитический и описательный методы. В частности, анализировались данные о закупках, организуемых муниципальными органами власти Свердловской области, а также справки о доходах государственных служащих. Был также описан опыт профилактики коррупционных правонарушений в Свердловской области: антикоррупционное просвещение, мониторинг документов о закупках, подключение к информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон».

Результаты. На материале Свердловской области получено эмпирическое подтверждение гипотезы о необходимости комплексной работы по предотвращению коррупции в органах государственной власти.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты могут быть использованы при планировании практических действий по противодействию коррупции в регионах Российской Федерации и при дальнейшем теоретическом исследовании вопроса.

Ключевые слова: коррупция, государственные и муниципальные закупки, профилактика и предупреждение правонарушений, Свердловская область, должностные лица

EXPERIENCE IN THE PREVENTION AND AVOIDANCE OF CORRUPTION IN THE SPHERE OF STATE AND MUNICIPAL PROCUREMENT IN THE SVERDLOVSK REGION

E. Shiraliev

*Anti-Corruption Department of the Sverdlovsk Region
Oktyabrskaya Ploshchad 1-1, Ekaterinburg 620031, Russian Federation*

Abstract

Aim. To analyze the experience of prevention and avoidance of corruption offenses in the sphere of state and municipal procurement in the Russian Federation on the example of the Sverdlovsk Oblast.

Methodology. Analytical and descriptive methods were used to collect information for the study. In particular, data on purchases organized by municipal authorities of the Sverdlovsk Oblast, as well as certificates of income of civil servants were analyzed. The experience of prevention of corruption offenses in the Sverdlovsk Oblast was also described: anti-corruption education, monitoring of procurement documents, connection to the Poseidon anti-corruption information system.

Results. Empirical confirmation of the hypothesis about the need for comprehensive work to prevent corruption in public authorities was obtained on the material of the Sverdlovsk Oblast.

Research implications. The results obtained can be used in planning practical actions to counteract corruption in the regions of the Russian Federation and in further theoretical research of the issue.

Keywords: corruption, state and municipal procurement, prevention and avoidance of offenses, Sverdlovsk region, officials

Введение

Проблема коррупционных нарушений в сфере государственных и муниципальных закупок неоднократно становилась объектом исследования в отечественной науке. Например, Е. У. было раскрыто понятие госзакупок, а также проведена взаимосвязь между нарушением принципов конкуренции при исполнении государственного заказа и коррупционной основой нарушения [10, с. 18–20]. С. Г. Еремин и А. А. Кондуков поставили проблему своевременного выявления и раскрытия преступлений в сфере государственных и муниципальных закупок и рассматривали возможные меры по их преодолению [4, с. 123–127]. В. С. Прокопенко и И. В. Баранова изучали методы и подходы к профилактике и противодействию коррупции. В частности, по их мнению, основным инструментом противодействия коррупции является мониторинг государственных закупок как система наблюдений, позволяющая выявить и устранить коррупционные нарушения [6, с. 543–546]. О. Н. Ходасевич и Е. Ю. Шаламова поднимали вопрос о связи коррупции и нарушения конкуренции при осуществлении государственных закупок [11, с. 1–6]. В. Хорошунов рассматривал эволюцию мер борьбы с коррупцией, выяснив, что борьба с коррупцией является одним из приоритетных направлений правовой реформы в России, где это явление приняло устрашающие общегосударственные масштабы [12, с. 58–62].

Некоторые авторы обращались к анализу отдельных механизмов антикоррупционной работы. Например, А. А. Отставнова указала на важность антикоррупционной экспертизы закупок [5, с. 138–141]. А. А. Галанов посчитал причиной коррупции в госзакупках противоречие между осуществлением закупок в интересах государства и продажей благ государству

частными компаниями, считая коррупцию паразитированием на общественном интересе [2, с. 29–34]. О. В. Синчуриным предлагается считать главным механизмом борьбы с коррупцией уголовно-правовое регулирование государственных закупок с возложением ответственности за его проведение на должностных лиц [9, с. 86–99].

Привлекает внимание своей актуальностью для России и анализ действенности антикоррупционных механизмов авторами из стран ближнего зарубежья. В этом ряду можно отметить работу А. А. Сатыбалдина и М. М. Халитова, проводящих SWOT-анализ деятельности антикоррупционных институтов в Казахстане и рассказывающих о внедрении новейших цифровых технологий в отборе кадров в госорганы и системы объективного и прозрачного поощрения госслужащих [7, с. 153–160].

Интерес представляют и исследования, связанные с опытом борьбы с коррупцией в странах дальнего зарубежья. Например, О. В. Синчуриным анализируется французский опыт, рассказывая о его отличительных чертах, таких как раскрытие и обновление информации о госзакупках раз в год и широко распространённый режим защиты данных [8, с. 134–136]. А. И. Данилова и В. И. Таланцев рассматривают антикоррупционные меры, проводимые властями Китайской Народной Республики, включая способы наказания чиновников за превышение полномочий [3, с. 31–36].

Не меньший интерес для понимания проблемы вызывают и обобщения практического опыта противодействия коррупции в различных регионах Российской Федерации. Так, представлен комплексный анализ антикоррупционного регулирования в Хабаровском крае [1, с. 39–44], проанализирована эффективность федеральных и региональных мер

противодействия коррупции на примере Республики Мордовия [13, с. 204–212]. Исследователями сделан вывод, что «создание полноценного антикоррупционного законодательства непосредственно зависит от имплементации в российскую правовую систему международно-правовых норм, что должно обеспечить переход от декларативных норм к действенным правовым способом противодействия коррупции. Кроме того, представляется необходимым широкое применение в России этических международных стандартов служебного поведения государственных должностных лиц, представителей правоохранительных органов и др.» [13, с. 204].

Несмотря на наличие значительного числа публикаций по антикоррупционным проблемам, в научном обороте отсутствуют работы уровня комплексных монографий, посвящённые противодействию коррупции в сфере закупок. Что связано, на наш взгляд, с непроработанностью ряда аспектов проблемы. А также с тем, что исследователям удалось обобщить и проанализировать далеко не весь опыт, накопленный за последние годы в регионах Российской Федерации и за рубежом.

В данной работе обобщим опыт противодействия коррупции в госзакупках, накопленный за последние годы в Свердловской области.

Коррупция в госзакупках как проблема

Глава государства неоднократно требовал¹ пресекать использование сомнительных практик при осуществлении государственных закупок, жёстко реагировать на использование схем, направленных на ограничение участия добросовестных поставщиков в аукционах, завышение стоимости услуг, приёмку и оплату невыполненных работ.

В рамках закупочных процедур расходуется значительный объём бюджетных средств, поэтому сфера государственных

и муниципальных закупок в виду сложности и недостаточной прозрачности традиционно считается одной из наиболее чувствительных к коррупционным проявлениям.

По данным Национального рейтинга прозрачности закупок за 2023 г.² общий объём рынка госзаказа страны составил 60,41%, или 14,67 трлн руб. В 2023 г. по сравнению с предыдущим годом произошло значительное снижение опубликованных закупок на 9,9%, а их сумма уменьшилась более на 21,2%.

Возможно, причиной этому является введение в действие положений постановления Правительства РФ № 301 «Об основаниях неразмещения на официальном сайте единой информационной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" сведений о закупках товаров, работ, услуг, информации о поставщиках (подрядчиках, исполнителях), с которыми заключены договоры», которое позволяет не размещать в ЕИС сведения о закупках в связи с введением в отношении заказчика политических или экономических санкций иностранными государствами.

Совершенствование мер по противодействию коррупции в этой сфере является одной из главных задач. На её решение направлены мероприятия многих программных документов. Этой теме посвящён раздел 10 Национального плана противодействия коррупции на 2018–2020 гг.³, предусматривающий комплекс мер, нацеленных на своевременное выявление заказчиком личной заинтересованности, влекущей возможность возникновения конфликта интересов.

На уровне Свердловской области существуют планы мероприятий органов госу-

¹ В том числе на заседании Совета по стратегическому развитию и национальным проектам, которое проходило в мае 2019 г.

² Рейтинг прозрачности [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nrpz.ru> (дата обращения: 16.07.2024).

³ Указ Президента Российской Федерации от 16.08.2021 № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы» // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43253> (дата обращения: 24.07.2024).

дарственной власти Свердловской области по противодействию коррупции¹, определяющие меры по совершенствованию противодействия коррупции в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. К таким мероприятиям относятся, например, проведение оценки коррупционных рисков при осуществлении закупок, разработка карт коррупционных рисков, возникающих при осуществлении закупок, и мер по их минимизации.

Практика борьбы с коррупцией в Свердловской области

Региональная практика профилактики коррупции в закупочной сфере показывает, что причиной возникновения ситуаций конфликта интересов, как правило, является аффилированность между заказчиками и участниками закупок.

Например, в одном из муниципалитетов области в рамках проверочных мероприятий по заявлению гражданина Департамент противодействия коррупции Свердловской области (далее – Департамент) установил нахождение значительной части муниципальных контрактов в руках близких родственников первого заместителя главы местной администрации. Его супруга работала начальником отдела закупок муниципального казённого учреждения, осуществляющего свою деятельность в сфере капитального строительства, газификации и обслуживания жилищно-коммунального хозяйства, родители – местные предприниматели – систематически заключали контракты как единственные поставщики с несколькими

десятками местных школ и детских садов. Сегодня ситуация исправлена, глава муниципального образования отправлен в отставку, руководящее звено местной администрации уволено.

Разбор ситуации показал, что нарушения были допущены при бездействии антикоррупционного подразделения администрации и попустительстве возглавлявшего конфликтную комиссию заместителя главы. Не в последнюю очередь коррупционные практики в муниципалитете развились из-за зависимости муниципальной антикоррупционной структуры от главы городского округа и его заместителей.

В этой связи предлагаем подумать над наделением отдельными элементами независимости ответственных за профилактику коррупции на местах, возможно даже путём введения процедуры согласования их увольнения и наказания с региональным антикоррупционным органом. Полагаем, что такая мера станет дополнительной гарантией для ответственных за антикоррупционную работу в муниципалитетах, поднимет престиж и уровень правовой защиты от лиц, в отношении которых они уполномочены проводить антикоррупционные мероприятия.

В другом муниципалитете при анализе справок о доходах служащих мы столкнулись с тем, что местной администрацией для обеспечения нуждающихся в улучшении жилищных условий на льготных основаниях в соответствии с требованиями Федерального закона № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» в муниципальную собственность приобретена квартира начальника одного из отделов администрации, являющейся супругой заместителя главы. Наряду с возможным конфликтом интересов анализ закупочной документации показал, что этот выкуп имущества у служащей мог быть неслучайным, поскольку её заявка на участие в закупке не соответствовала установленным требованиям из-за расхождения фактических характеристик жилого

¹ Комплексный план мероприятий органов государственной власти Свердловской области по противодействию коррупции на 2021–2024 гг. утверждён распоряжением Губернатора Свердловской области от 07.05.2021 № 75-РГ «Об утверждении Комплексного плана мероприятий органов государственной власти Свердловской области по противодействию коррупции на 2021–2024 годы и перечня целевых показателей реализации Комплексного плана мероприятий органов государственной власти Свердловской области по противодействию коррупции на 2021–2024 годы».

помещения и условий технического задания. Материалы, содержащие сведения о выявленных нарушениях, направлены в прокуратуру Свердловской области для принятия мер реагирования.

При анализе приведённой ситуации, возникает вопрос, куда смотрят ответственные за антикоррупционную работу на местном уровне, почему не информируют главу администрации или органы прокуратуры? Возможно, ответ кроется во влиянии на них глав муниципалитетов и их заместителей, которые могут иметь незаконный имущественный интерес в муниципальных закупках.

Вместе с тем многие служащие, ответственные за профилактику в органах, добросовестно выполняют свою работу, зачастую не обладая достаточным опытом и знаниями по выявлению конфликта интересов при осуществлении закупок. По этой

причине проведение просветительских мероприятий остаётся актуальным.

Информационная составляющая профилактики коррупции

Весной 2024 г. Департамент завершил крупный просветительский проект «Школа противодействия коррупции» (табл. 1). Это трёхмесячный цикл занятий, организованный для студентов старших курсов Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. Специалисты Департамента подготовили 20-часовую образовательную программу, в рамках которой на лекциях и семинарах рассказали студентам о различных аспектах законодательства в сфере противодействия коррупции, не обходя стороной вопросы патриотического воспитания и правильной гражданской позиции.

Таблица 1 / Table 1

Программа «Школа противодействия коррупции» / Anti-corruption school program

	Тема	Кол-во акад. часов
1	Коррупция как угроза безопасности Российской Федерации: – коррупция как социально-правовое явление, деформирующее публичное управление, правовую систему, история борьбы с коррупцией; – природа и причины коррупции, содержание и угрозы, исходящие от коррупции, последствия коррупции, современные формы коррупции в Российской Федерации; – основные направления и этапы развития государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции. Национальная стратегия противодействия коррупции. Национальные планы противодействия коррупции	2
2	Общая характеристика системы противодействия коррупции в Российской Федерации: – правовые и организационные основы, основные принципы противодействия коррупции в Российской Федерации. Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные законы. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и иные федеральные законы, нормативные правовые акты Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации в области противодействия коррупции; – система органов публичной власти, участвующих в противодействии коррупции в Российской Федерации; – меры по профилактике коррупции; – современные практики зарубежных стран в противодействии коррупции	4

Продолжение Таблицы 1

	Тема	Кол-во акад. часов
3	<p>Антикоррупционные стандарты поведения отдельных категорий лиц;</p> <ul style="list-style-type: none"> – понятие профилактики коррупции, система мер профилактики коррупции в Российской Федерации; содержание и нормативное правовое закрепление запретов, ограничений, требований и обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции; – содержание обязанности уведомлять об обращениях в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений, порядок уведомления, ответственность за несоблюдение указанной обязанности, защита заявителей, сообщивших о фактах коррупции, каналы сообщения информации о фактах коррупции; – особенности реализации права на иную оплачиваемую работу и запрета на иную оплачиваемую деятельность для отдельных категорий лиц; – содержание запрета открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами (субъектный состав лиц, для которых установлен данный запрет, квалификация иностранных банков, иностранных финансовых инструментов; порядок действий при невозможности соблюсти данный запрет; – запрет заниматься предпринимательской деятельностью, запрет участвовать в управлении коммерческой или некоммерческой организацией, а также исключения из указанного запрета; – ограничение, налагаемое на гражданина, замещавшего должность государственной или муниципальной службы, при заключении им трудового или гражданско-правового договора (квалифицирующие признаки, порядок получения согласия и последствия заключения договора в отсутствие соответствующего согласия) 	2
4	<p>Представление сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера:</p> <ul style="list-style-type: none"> – форма и порядок представления таких сведений, анализ и проверка сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера; – порядок действий в случае невозможности представить сведения по объективным причинам, представление сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера; – заполнение справки БК; – контроль за законностью получения денежных средств, осуществление проверок в случае увольнения (прекращения полномочий) отдельных категорий лиц 	2
5	<p>Требования о предотвращении или урегулировании конфликта интересов:</p> <ul style="list-style-type: none"> – понятие, признаки и правовая природа конфликта интересов; – обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, порядок предотвращения и урегулирования конфликта интересов, порядок уведомления о возникшем конфликте интересов или о возможности его возникновения; 	2

Окончание Таблицы 1

	Тема	Кол-во акад. часов
	– запрет получать в связи с исполнением должностных обязанностей вознаграждения от физических и юридических лиц (подарки и иное), формы вознаграждений, особенности получения подарков в связи с протокольными мероприятиями, служебными командировками и другими официальными мероприятиями; – комиссия по соблюдению требований к служебному поведению государственных служащих и урегулированию конфликта интересов: порядок формирования и деятельности	2
6	Обязанность организаций принимать меры по предупреждению коррупции: правовые основания, антикоррупционная политика	2
7	Ответственность за коррупционные правонарушения: – подходы к содержанию и признакам коррупционного правонарушения, состав коррупционного правонарушения, виды коррупционных правонарушений; – понятие и основные признаки коррупционных правонарушений дисциплинарного характера, основные виды коррупционных правонарушений дисциплинарного характера, порядок привлечения к ответственности, критерии привлечения к ответственности, судебная практика по делам, связанным с применением взысканий за коррупционные правонарушения дисциплинарного характера; – уголовно-правовые и административно-правовые формы противодействия коррупции: понятие, сущность, примеры из правоприменительной практики; – гражданско-правовая ответственность за совершение коррупционных правонарушений, обращение в доход государства имущества, в отношении которого не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы, реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия	4
8	Итоговое задание (контроль)	2
Всего часов		20

Источник: Департамент противодействия коррупции Свердловской области: [сайт]. URL: <https://anticorruption.midural.ru> (дата обращения: 24.07.2024).

Такая форма просветительской работы, в отличие от звучащих ежедневно с экранов публичных свидетельств задержания должностных лиц, формирует в молодёжной среде правильное и системное понимание усилий государства в борьбе с коррупцией и доверие к системе государственной власти.

В сентябре 2024 г. стартует проведение мероприятий «Школы противодействия коррупции» в стенах Уральского государственного экономического университета.

К сожалению, сегодня в регионах нет единства в образовательных практиках, что не способствует повышению эффективности просветительской деятельности¹. Региональные антикоррупционные

¹ Сейчас основным документом являются Правила осуществления просветительской деятельности, утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 01.07.2022 № 1195, принятые во исполнение ст.122 Федерального закона № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

органы сами выбирают оптимальные формы ведения разъяснительной работы, а также целевую аудиторию. Учитывая постоянную необходимость обращаться к накопленному опыту, Департамент направил в Министерство просвещения Российской Федерации и Минтруд России предложение подготовить сборник лучших региональных просветительских практик в сфере противодействия коррупции.

Формирование учебных программ, нацеленных на профилактику и предупреждение коррупционных правонарушений в сфере государственных и муниципальных закупок, должно происходить с учётом методических рекомендаций Минтруда России, в т. ч. по вопросам организации работы по антикоррупционному просвещению и популяризации в обществе антикоррупционных стандартов¹. Хочется верить, что в готовящихся рекомендациях найдут отражение единые механизмы реализации просветительских мероприятий, в т. ч. со специалистами в сфере закупок.

Конфликт интересов в закупочной сфере обладает высоким уровнем латентности, поэтому для выявления коррупционного сговора должностных лиц и исполнителей применяются программные продукты, систематизирующие информацию из открытых источников о юридических лицах.

С помощью одной из таких информационных систем, агрегирующих открытые данные, были выявлены факты заключения управы администрации муниципалитета контрактов на аренду спецавтотехники у подконтрольной главе муниципалитета коммерческой организации, которую он ранее возглавлял.

Анализ практики закупочной деятельности в областных органах государственной власти и муниципальных образованиях показывает, что на местах работа по выявлению конфликта интересов прово-

дится слабо, в связи чем используются различные методы её активизации.

Один из методов профилактики коррупционных нарушений в этой сфере, основанный на сложившейся практике, руководящих рекомендациях Минтруда России и правоприменительного опыта других субъектов РФ, заключается в применении системы оценки соответствия действий участников закупки федеральному законодательству, выявлении несоответствий и потенциальных рисков посредством составления профилей государственных и муниципальных служащих, их сравнительного анализе с перечнями контрагентов государственных и муниципальных органов и подведомственных организаций.

В Свердловской области органами публичной власти составление профилей служащих по решению возглавляемой губернатором Свердловской комиссии по координации работы по противодействию коррупции в Свердловской области ведётся с 2018 г. За это время собран значительный массив необходимой для выявления возможного конфликта интересов информации.

С учётом сведений, содержащихся в таблицах профилей, служащие и их непосредственные руководители предупреждаются о возможных коррупционных рисках.

Ответственность за совершение коррупционных правонарушений в сфере закупок продолжает ужесточаться. Два года назад вступил в силу Федеральный закон № 160-ФЗ², согласно которому у руководителей появилась возможность расторгать по основанию утраты доверия трудовые договоры с руководителями заказчика, членами комиссии по осуществлению закупок, с руководителями и работниками контрактной службы и контрактными управляющими, если они не приняли меры

¹ В соответствии с подпунктом «б» п. 34 Национального плана противодействия коррупции на 2021–2021 гг., утверждённого Указом Президента Российской Федерации от 16.08.2021 № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы», разработка запланирована до 10 февраля 2024 г.

² Федеральный закон от 11.06.2022 № 160-ФЗ «О внесении изменений в статью 3 Федерального закона "О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц" и Федеральный закон "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд"» // СПС Консультант Плюс.

по предотвращению или урегулированию конфликта интересов¹.

Такое увольнение влечёт включение сведений об уволенном в соответствующий реестр². Вместе с тем кадровым службам при трудоустройстве необходимо знать и о том, не запрещено ли кандидату замещать должность по суду.

В целях усиления профилактической кадровой антикоррупционной работы можно было предложить создать реестр для лиц, лишённых права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью по приговору суда, аналогичный реестру уволенных в связи с утратой доверия.

Практика выявления конфликта интересов в сфере закупок свидетельствует о том, что отдельного внимания требует информация о субподрядчиках и соисполнителях. Эти сведения представляются заказчику в силу закона и могут использоваться в целях поиска возможных связей, свидетельствующих о наличии у служащих или работников личной заинтересованности, в т. ч. об их участии в качестве субподрядчиков.

Так, в одном из муниципалитетов заместитель главы муниципалитета не сообщил о возникновении личной заинтересованности в связи с планируемым заключением администрацией муниципальных контрактов на приобретение квартир для нужд городского округа, реставрацию объектов культуры и другие услуги на общую сумму свыше 300 млн руб. с коммерческой организацией, участником которой является муж его сестры, а директор – его бывший компаньон, с которым высокопоставленного муниципального служащего связывает многолетнее участие в совместном бизнесе.

Несмотря на наличие оснований для проведения анализа закупок, ответственный за профилактику коррупции в администрации мер по выявлению и предотвращению сложившейся коррупционной ситуации не предпринял.

¹ П. 7¹ ст. 81 Трудового кодекса Российской Федерации.

² Ч. 1 ст. 15 Федерального закона № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

Заключение

Для выявления конфликта интересов, в т. ч. в закупочной сфере, применяются не только программы, основанные на алгоритмах, используемых для анализа открытых источников информации. Весной 2023 г. Свердловская область во исполнение поручения Президента России В. В. Путина³ одной из первых подключилась к информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон».

Система создана для информационно-аналитического обеспечения деятельности по профилактике коррупции, проведения анализа и проверок соблюдения антикоррупционных ограничений, запретов и требований.

«Посейдон» позволяет автоматизировать ввод, учёт и хранение справок о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, проводить анализ и проверку соблюдения ограничений, запретов и требований, установленных в целях противодействия коррупции, лицами, на которых они распространены.

На сегодняшний день с помощью названного программного комплекса в Свердловской области выявлено свыше 400 признаков возможных коррупционных правонарушений, в т. ч. руководство должностными лицами коммерческими и некоммерческими организациями в обход запрета, получение дохода, не указанного в качестве такового, неотражённое владение недвижимым имуществом и транспортными средствами, и мн. др.

Программный комплекс «Посейдон» – это ещё один шаг к усилению антикоррупционной профилактики, в т. ч. в сфере выявления конфликта интересов в сфере закупок.

Мониторинг и выявление коррупционных рисков в сфере закупочной деятельности, предотвращение ситуаций конфликта интересов и незаконного влияния испол-

³ Указ Президента Российской Федерации от 25.04.2022 № 232 «О государственной информационной системе в области противодействия коррупции "Посейдон" и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47769> (дата обращения: 24.07.2024).

нителей государственных и муниципальных закупок на должностных лиц являются важными инструментами в профилактике коррупционных проявлений и, как ранняя диагностика заболевания, позволяют минимизировать риск вреда здоровью.

Таким образом, опыт Департамент противодействия коррупции Свердловской области показывает, что эффективность борьбы с коррупцией связана с комплексным подхо-

дом к решению этой проблемы. Невозможно решить эту проблему лишь усилиями департаментов, непосредственно ведущих борьбу с коррупцией. Как говорит Президент России В. В. Путин, в это непростое время все должны работать постоянно и напряжённо, как бойцы на линии фронта¹, и сфера противодействия коррупции здесь не исключение.

Статья поступила в редакцию 02.03.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ворущило Е. А., Гаврилова А. Э., Путивец Г. Э. Финансово-правовые механизмы антикоррупционного регулирования в Хабаровском крае // Юриспруденция, правосудие и государство: актуальные вопросы теории и практики: сборник научно-практ. конф. / отв. ред. Г. Ю. Гуляев. Пенза: Наука и Просвещение, 2023. С. 39–44.
2. Галанов В. А. Тенденции изменения антикоррупционных мер в сфере государственных закупок // Контркоррупционные меры в сфере государственных закупок: сб. науч.-практ. конф. / под ред. К. В. Ордова. М., 2023. С. 29–34.
3. Данилова А. И., Таланцев В. И. Противодействие коррупции в сфере государственных закупок в Китайской народной республике // Современные тенденции, перспективы развития экономики и управления в странах АТР: мат-лы научн.-практ. конф. / отв. ред. О. Г. Житлухина. Владивосток, 2016. С. 31–36.
4. Еремин С. Г., Кондуков А. А. Проблемы своевременного выявления, раскрытия преступлений в сфере государственных и муниципальных закупок и меры по их преодолению // Юристы – Правоведь. 2020. № 4. С. 123–127.
5. Отставнова А. А. Антикоррупционная экспертиза в области закупок товаров и услуг для государственных нужд // Известия Института систем управления Самарского государственного экономического университета. 2021. № 2. С. 138–141.
6. Прокопенко В. С., Баранова И. В. Методы и подходы к профилактике и противодействию коррупции в сфере госзакупок // Наука. Технологии. Инновации: сб. науч. трудов. Ч. 7 / под ред. А. В. Гадюкиной. Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2019. С. 543–546.
7. Сатыбалдин А. А., Халитова М. М. Анализ основных антикоррупционных институтов и выявление их сильных и слабых сторон // Вестник университета Туран. 2021. № 4. С. 153–160.
8. Синчуринов О. В. Противодействие коррупции в сфере госзакупок: французский опыт // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 5. С. 134–136.
9. Синчуринов О. В. Уголовно-правовая регламентация закупок в России: повышение контроля должностных лиц за расходованием бюджетных средств // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11. № 4. С. 86–99.
10. У Е. Коррупция в сфере госзакупок // Юридический факт. 2022. № 182. С. 18–20.
11. Ходасевич О. Н., Шаламова Е. Ю. Коррупция в сфере государственных закупок // Концепт. Научно-методический электронный журнал. 2018. № 3. С. 1–6.
12. Хорошунин А. А. Развитие механизмов борьбы с коррупцией в сфере государственного заказа // Плехановский барометр. 2022. № 2. С. 58–62.
13. Храмова О. Е., Котляров С. Б., Чичеров Е. А. Меры по противодействию коррупции на федеральном и региональном уровне: на примере Республики Мордовия // Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8. № 12А. С. 204–212.

REFERENCES

1. Vorushilo E. A., Gavrilova A. E., Putivets G. E. [Financial and legal mechanisms of anti-corruption regulation in the Khabarovsk Territory]. In: Gulyaev G. Yu., ed. *Yurisprudentsiya, pravosudiye i gosudarstvo: aktual'nyye voprosy teorii i praktiki* [Jurisprudence, justice and the state: current issues of theory and practice]. Penza, Nauka i Prosveshcheniye Publ., 2023, pp. 39–44.

¹ Выступление Президента Российской Федерации Владимира Путина на заседании Совета по стратегическому развитию и нацпроектам и комиссий Госсовета по направлениям социально-экономического развития 29.05.2024.

2. Galanov V. A. [Trends in changing anti-corruption measures in the sphere of public procurement]. In: Ordov K. V., ed. *Kontrkorruptsiionnyye mery v sfere gosudarstvennykh zakupok* [Counter-corruption measures in the sphere of public procurement]. Moscow, 2023, pp. 29–34.
3. Danilova A. I., Talantsev V. I. [Anti-corruption in public procurement in the People's Republic of China]. In: Zhitlukhin O. G., ed. *Sovremennyye tendentsii, perspektivy razvitiya ekonomiki i upravleniya v stranakh ATR* [Modern trends, prospects for the development of economy and management in the Asia-Pacific countries]. Vladivostok, 2016, pp. 31–36.
4. Eremin S. G., Kondukov A. A. [Problems of timely detection, disclosure of crimes in the field of state and municipal procurement and measures to overcome them]. In: *Yurist – Pravoved* [Jurist – Pravoved], 2020, no. 4, pp. 123–127.
5. Otstavnova A. A. [Anti-corruption expertise in the field of procurement of goods and services for state needs]. In: *Izvestiya Instituta sistemy upravleniya Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of the Institute of Control Systems of the Samara State University of Economics], 2021, no. 2, pp. 138–141.
6. Prokopenko V. S., Baranov A. I. V. [Methods and approaches to preventing and combating corruption in public procurement]. In: Gadyukina A. V., ed. *Nauka. Tekhnologii. Innovatsii: sb. nauch. trudov. Ch. 7* [Science. Technologies. Innovations: collection of scientific papers. Pt. 7]. Novosibirsk, Novosibirskiy gosudarstvennyy tekhnicheskii universitet Publ., 2019, pp. 543–546.
7. Satybaldin A. A., Khalitova M. M. [Analysis of the main anti-corruption institutions and identification of their strengths and weaknesses]. In: *Vestnik universiteta Turan* [Bulletin of the Turan University], 2021, no. 4, pp. 153–160.
8. Sinchurin O. V. [Anti-corruption in public procurement: the French experience]. In: *Probely v rossiyskom zakonodatelstve* [Gaps in Russian legislation], 2019, no. 5, pp. 134–136.
9. Sinchurin O. V. [Criminal-legal regulation of procurement in Russia: increasing control of officials over the spending of budget funds]. In: *Izvestiya Yugo-Zapadnogo pravitelstva universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* [Bulletin of the South-West State University. Series: History and Law], 2021, vol. 11, no. 4, pp. 86–99.
10. U E. [Corruption in public procurement]. In: *Yuridicheskiy fakt* [Legal fact], 2022, no. 182, pp. 18–20.
11. Khodasevich O. N., Shalamova E. Yu. [Corruption in the Sphere of Public Procurement]. In: *Kontsept. Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal* [Concept. Scientific and Methodological Electronic Journal], 2018, no. 3, pp. 1–6.
12. Khoroshunov A. A. [Development of Mechanisms to Combat Corruption in the Sphere of Public Procurement]. In: *Plekhanovskiy barometr* [Plekhanov Barometer], 2022, no. 2, pp. 58–62.
13. Khranova O. E., Kotlyarov S. B., Chicherov E. A. [Anti-Corruption Measures at the Federal and Regional Level: on the Example of the Republic of Mordovia]. In: *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava* [Issues of Russian and International Law], 2018, vol. 8, no. 12A, pp. 204–212.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ильхам Сабзалиевич Ширалиев – директор Департамента противодействия коррупции Свердловской области;

e-mail: i.shiraliev@egov66.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ilham S. Shiraliev – Director, Anti-Corruption Department of the Sverdlovsk Region;

e-mail: ratiani@uralmsk.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ширалиев И. С. Опыт профилактики и предупреждения коррупционных правонарушений в сфере государственных и муниципальных закупок в Свердловской области // Московский юридический журнал. 2024. № 2. С. 73–83.

DOI: 10.18384/2949-513X-2024-2-73-83

FOR CITATION

Shiraliev I. S. Experience in the Prevention and Avoidance of Corruption in the Sphere of State and Municipal Procurement in the Sverdlovsk Region. In: *Moscow Juridical Journal*, 2024, no. 2, pp. 73–83.

DOI: 10.18384/2949-513X-2024-2-73-83

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

УДК 347

DOI: 10.18384/2949-513X-2024-2-84-90

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ АФФИЛИРОВАННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Гордополов Ю. В., Петрова В. Ю.

Государственный университет просвещения

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявление, анализ и уточнение гражданско-правовых последствий аффилированности юридических лиц.

Процедура и методы. Работа построена на основе раскрытия понятия аффилированности через гражданско-правовые последствия аффилированности юридических лиц. Основным методом исследования выступают теоретико-методологический анализ источников по данной теме, а также сравнительный анализ различных точек зрения в контексте проблематики работы.

Результаты. В статье исследуются специфика аффилированности в отношении юридических лиц, а также гражданско-правовые последствия данного явления в современной юридической практике. Авторы раскрывают содержание правовой категории аффилированности, а также понятие и признаки аффилированных юридических лиц.

Теоретическая и/или практическая значимость. Логически обосновывая значение аффилированности в контексте гражданско-правовых последствий, основная часть исследования отводит авторскому определению данного явления и его влияния на юридические лица.

Ключевые слова: аффилированность, гражданско-правовые последствия, признаки аффилированности, хозяйствующий субъект, юридическое лицо

THE CIVIL CONSEQUENCES OF THE AFFILIATION OF LEGAL ENTITIES

Yu. Gordopolov, V. Petrova

Federal State University of Education

ul. Radio 10A, Moscow 105005, Russian Federation

Abstract

Aim. Identification, analysis and clarification of the civil consequences of affiliation of legal entities.

Methodology. The work is based on the disclosure of the concept of affiliation through the civil consequences of the affiliation of legal entities. The main method of research is a theoretical and methodological analysis of sources on this topic, as well as a comparative analysis of various points of view in the context of the problems of the work.

Results. The article examines the specifics of affiliation in relation to legal entities, as well as the civil law consequences of this phenomenon in modern legal practice. The authors disclose the content of the legal category of affiliation, as well as the concept and characteristics of affiliated legal entities.

© CC BY Гордополов Ю. В., Петрова В. Ю., 2024.

Research implications. Logically justifying the importance of affiliation in the context of civil law consequences, the main part of the study is devoted to the author's definition of this phenomenon and its impact on legal entities.

Keywords: affiliation, civil consequences, signs of affiliation, business entity, legal entity

Введение

Введение в российскую юридическую практику новых понятий и определений актуально в связи с необходимостью ликвидации пробелов в праве, а также решения новых проблем, возникающих в юридической практике, и закрепления различных видов взаимосвязей между субъектами правоотношений [1]. Именно поэтому в контексте исследования понятия «аффилированность» существует множество точек зрения на содержание, признаки и правовые последствия данного термина. Кроме того, гражданское право определяет наступление правовых последствий в зависимости от степени взаимосвязи субъектов права, а также от их влияния на деятельность друг друга.

В современном законодательстве немало чётко отлаженных механизмов, регулирующих разрешение проблем и конфликтов интересов между взаимозависимыми лицами, и, безусловно, вопросы урегулирования отношений с аффилированными лицами заслуживают особого внимания.

В соответствии с этим была определена цель нашей работы: выявление гражданско-правовых последствий аффилированности юридических лиц. При этом объектом исследования является само понятие аффилированности, а предметом – её гражданско-правовые последствия.

Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи:

- 1) конкретизировать правовую категорию аффилированности в контексте деятельности юридических лиц;
- 2) выделить признаки аффилированных лиц;
- 3) определить гражданско-правовые последствия аффилированных лиц.

Методологической основой работы являются публикации современных авторов

по тематике исследования, посвящённые изучению правовой категории аффилированности, а также гражданско-правовых последствий аффилированности [1; 2; 3; 4; 6; 7; 10 и др.].

Правовая категория аффилированности

Правовая категория рассматриваемого понятия представляет собой возможность физического или юридического лица оказывать влияние на предпринимательскую, коммерческую деятельность других [8]. Однако взаимоотношения зависимых лиц нельзя назвать простыми и однозначными, т. к. степень и сферы влияния на деятельность иных субъектов права различна. Поэтому необходимо привести различные точки зрения по содержанию данной правовой категории.

Данный термин раскрывается в ст. 53.2 ГК РФ, в которой работают отсылочные нормы на различные источники права, нормативно-правовые акты.

Л. Д. Эбралидзе, один из исследователей в юридической сфере, определяет аффилированность «одним из видов отношений, характеризующихся экономической зависимостью, где воля теоретически независимых друг от друга субъектов гражданского правового поля формируется извне, определяясь иными формально независимыми субъектами» [9]. При этом взаимоотношения различных субъектов права определяются степенью зависимости их друг от друга. Говоря о юридических лицах, необходимо понимать, что степень зависимости друг от друга может определяться финансовыми, моральными, юридическими и иными факторами, которые влияют на их взаимодействие. К примеру, филиалы и дочерние компании имеют с основным субъектом предприниматель-

ства абсолютно иные отношения, нежели между предприятиями в крупном отраслевом концерне.

В связи с этим в зарубежном законодательстве в данную категорию попадают фирмы и компании, которые зависят от основной (дочерние, подчинённые и вторичные). В российской юридической науке и практике трактование данного понятия шире – в него включаются и аффилируемые, и аффилирующие юридические лица, которые хоть и имеют отношения главенства-подчинения, но оказывают существенное влияние на деятельность друг друга.

Исследуя понятие «аффилированности», следует обратиться к латинским и англоязычным истокам, которые имеют значение «сын» или усыновлять / удочерять – англ. *affiliate*; иными словами, аффилированными можно назвать те лица, от которых зависит деятельность иных субъектов права. Из этого круга, однако, российский Центральный Банк в совместном с Федеральной антимонопольной службой России письме исключил себя, а также публично-правовые образования, органы государственной власти и местного самоуправления России.

В современной юридической практике выявляется множество проблем и рисков, сопряжённых с деятельностью аффилированных лиц (сговор, махинации в сделках, уходы от уплаты налогов, искусственное занижение финансовых обязательств), что может привести к нанесению ущерба собственнику, государству или иным участникам правоотношений. При делегировании полномочий аффилированным лицам могут произойти частичная утрата функций, разделение финансовых обязательств, а также смена содержания деятельности.

Понятие и признаки аффилированных лиц

В современной экономической и юридической практике сложился достаточный опыт, отражающий создание холдингов, компаний, национальных корпораций и иных взаимоотношений, которые можно

отнести к аффилированным. Это позволяет отразить специфику ведения бизнеса, распределить полномочия между хозяйствующими субъектами, финансовую нагрузку (кто будет «центром доходов», «центром расходов», «центром накоплений»).

В целях исследования специфики деятельности и наступления последствий аффилированности юридических лиц необходимо выявить понятие и признаки субъектов права, относящихся к данному понятию. Большинство исследователей, как подчёркивают А. А. Ульева и А. В. Ефимов [9], говорят о том, что аффилированность не всегда определяется экономическими взаимосвязями. Иногда она обусловлена социальными видами зависимости (родственной, служебной и пр.).

Отношения, основанные на экономической зависимости, сами по себе не являются основанием аффилированности, и в то же время она характеризует правовые отношения, которые обусловлены иными видами зависимости.

Ряд отечественных исследователей подчёркивают, что аффилирование – это двусторонний процесс, и аффилированность юридических лиц может проявиться на основании современного законодательства в случае, когда компания состоит в финансово-промышленной группе, а также если у юридического лица находится 20% или более голосов, акций уставного капитала от основного юридического лица. В данной ситуации в качестве аффилированных лиц могут выступать представители органов управления иных участников финансово-промышленной группы [8].

Кроме того, аффилированными лицами юридического лица могут быть признаны:

- члены совета директоров или иных коллегиальных органов управления, осуществляющих руководящие полномочия;
- лица, которые принадлежат к той же группе лиц, к которой принадлежит конкретное юридическое лицо.

И. С. Шиткина, А. В. Сятчихин и Д. И. Стороженко также определяют, что в контексте аффилированности очень важно осуществлять регулирование экономиче-

ской взаимозависимости хозяйствующих субъектов, не составляющих единого юридического лица, но ведущих единую коммерческую деятельность, общий бизнес [7]. Подтверждение аффилированности должно проходить не только через юридические, но и через фактические основания и подтверждаться общим делом, намерениями, функциями аффилирующего и аффилируемого. Исследователи отмечают, что, к сожалению, правовая категория аффилированности представляет возможности для возникновения множественных рисков, особенно в сфере налогового права или дел о банкротстве.

А. В. Габов и А. В. Сятчихин [7] в качестве одного из признаков аффилируемости выделяют конфликтогенность, которая как раз может вытекать из взаимной зависимости хозяйствующих субъектов, а также взаимосвязи с третьими лицами в целях обеспечения интересов. При этом исследователи расширяют понятие до «фактической аффилированности», т. е. той, которая может быть подтверждена действиями либо поступками хозяйствующих субъектов.

Анализируя взаимозависимость юридических лиц, С. С. Алексеев утверждает, что сама по себе она не может быть признаком аффилированности, т. к. любые взаимоотношения уже подразумевают определённые связи, а также специфические последствия, которые возникают после проявления факта аффилированности и о которых будет сказано далее.

Гражданско-правовые последствия аффилированности юридических лиц

В контексте выявления гражданско-правовых последствий, возникающих из изучаемой правовой категории, необходимо выделить 2 типа аффилированности: *юридическую*, которая выражается в формальных, закреплённых в законодательстве отношениях, и *фактическую*, которая не так явно видна, однако составляет действительную основу подобных отношений.

Что касается последствий, то на основе российского законодательства некоторые авторы (например, К. М. Гараева) выделя-

ют позитивные и негативные последствия, которые имеют различные основания возникновения. Позитивные последствия отражают признанные законом преимущества, которые возникают из факта аффилированности. Негативные же, напротив, включают санкции, которые могут последовать за противоправным поведением и нарушением законных взаимосвязей между юридическими лицами (субъектами хозяйствующей деятельности).

Положительных последствий в контексте законодательства и современной юридической практики определено не так уж и много, и среди них авторы отмечают возможность заключения сделок внутри одной группы компаний либо предприятий, создание и реорганизацию коммерческих организаций без привлечения к анализу данных действий антимонопольных органов (ст. 31 Федерального закона № 135-ФЗ «О защите конкуренции»).

При наличии аффилированности юридические лица могут заключать между собой сделки и оформлять договорные отношения на более выгодных условиях, если не нарушаются права и законные интересы третьих лиц. А. Э. Петрова [5] в своих работах описывает случаи подобной практики, когда основное и дочерние общества ОАО «Электротеплосеть» заключали между собой договоры на аренду недвижимого имущества и Арбитражный суд Волго-Вятского округа вынес постановление о правомерности подобных действий и о том, что запретов для заключения подобных договоров между главным офисом и дочерним предприятием нет, т. к. оно как самостоятельное юридическое лицо вправе заключать сделки для обеспечения деятельности.

Более детально необходимо рассмотреть негативные последствия, которые могут наступить, если аффилированность использовать в незаконных целях: при уходе от налогов, прикрывая незаконные сделки, взятие кредитов на аффилируемые юридические лица и пр.

К примеру, в сфере заключения контрактов и закупок, реализуемых аффилирую-

щим лицом с исполнителем, теоретически создаются условия для возникновения конфликтов интересов и значительные ограничения конкуренции, что нарушает антимонопольное законодательство. В практике нередки случаи, когда руководитель заказчика одновременно является и представителем учредителя одного из участников закупки [3], что, безусловно, нарушает интересы третьих лиц – потенциальных участников сделки.

Другой случай негативного последствия можно зафиксировать, когда при заключении контракта или сделки отношения взаимозависимости были скрыты, а затем выявлены и нанесли ущерб либо непосредственным участникам, либо третьим лицам. К примеру, при процедуре банкротства для вывода активов с баланса основного предприятия путём заключения мнимых сделок с дочерними фирмами наносится вред имущественным правам кредиторов, которые претендуют на исполнение кредитных обязательств. После установления аффилированности суд признаёт подобные сделки мнимыми, и наступают все вытекающие из этого последствия.

Однако законодательство о банкротстве определяет возможность защиты кредиторов по возникшим у должников обязательствам и в подобных случаях, конкретизируя наступление субсидиарной ответственности, при которой дочерние предприятия обязаны выплатить долговые обязательства в том объёме, в котором они не были удовлетворены [5].

В связи с наступлением аффилированности одним из последствий можно определить возникновение у юридических лиц ряда обязанностей. К основным относятся [3; 5]:

- обязанность о раскрытии информации об аффилированных лицах, определённая ст. 93 Федерального закона № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»;

- особый порядок проведения сделок: в контексте вышеуказанного закона юридическое лицо, приобретающее более 30% ценных бумаг, обязано направить остальным

акционерам обязательное предложение о возможном приобретении ценных бумаг.

Исходя из подобной классификации последствий аффилированности юридических лиц, можно говорить о неоднозначности данного правового явления, а также о несовершенстве механизма правового регулирования отношений, возникающих между аффилированными лицами.

Необходимо отметить тот факт, что законодательством закреплена свобода в контексте определения заключаемых обязательств: предусматриваются различные правила, которые регулируют и ограничивают деятельность аффилированных лиц и накладывают на них определённые обязательства по информированию третьих лиц о специфике отношений.

Подобные меры направлены на предотвращение нарушений антимонопольного законодательства, когда, пользуясь заведомо выгодным положением, стороны могут незаконно увеличить свою прибыль и поставить иных добросовестных участников сделок в менее выгодное положение. При создании привилегированных условий для одних участников аффилированные лица могут нарушать права, имущественные и неимущественные интересы остальных контрагентов, ставя их в заведомо невыгодные условия и минимизируя прибыль либо приводя к убыткам. Поэтому те обязательства (о сообщении аффилированности, а также о соблюдении специального порядка сделок) обеспечивают безопасность сделок, а также препятствуют нарушению российского законодательства.

Заключение

Аффилированность – весьма сложная и неоднозначная юридическая категория, которая имеет различные по характеру и направленности последствия. Однако для того, чтобы данные последствия урегулировать, необходимо совершенствовать законодательство в плане конкретизации содержания подобных отношений.

В результате проведённого исследования выявлены гражданско-правовые

последствия аффилированности юридических лиц, которые могут носить как позитивный, так и негативный характер. Конкретизирована также правовая категория аффилированности в контексте деятельности юридических лиц, которая отражает не только юридическое закрепление данных отношений, но и необходимость фактического их подтверждения. Выделены признаки аффилированных лиц, которые заключаются не только в постро-

ении определённых взаимоотношений, но также в необходимости фактического подтверждения данных взаимосвязей. И, наконец, определены гражданско-правовые последствия аффилированных лиц, имеющие положительный / отрицательный аспект и серьёзную степень значимости для аффилированных лиц.

Статья поступила в редакцию 16.12.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арыстан А. Правовая категория аффилированности // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2017. № 4. С. 152–162.
2. Гаврилюк Р. В., Носаненко Г. Ю., Уразов А. А. Аффилированные лица: понятие и признаки // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. № 2. С. 50–61.
3. Гараева К. М. Последствия аффилированности в рамках дел о банкротстве // Скиф. 2022. № 11. С. 215–219.
4. Наумов А. Ф., Яшина М. Н. Аффилированные лица как управленческое новшество: неоднозначность толкования и проблемы практического использования // Промышленность: экономика, управление, технологии. 2020. № 3. С. 98–104.
5. Петрова А. Э. Типология правовых последствий аффилированности лиц // Вестник науки. 2021. № 6-1. С. 129–134.
6. Плюснина С. С. Обязательственные отношения аффилированных лиц // Скиф. 2020. № 4. С. 236–241.
7. Сятчихин А. В., Стороженко Д. И. Доктринальный и нормативный подходы к понятию аффилированности // Ex jure. 2021. № 4. С. 46–59.
8. Тычинин С. В., Скопенко О. Р. Аффилированность юридических лиц: реальность и перспективы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 3. С. 83–88.
9. Ульева А. А. К вопросу об аффилированности юридических лиц в коммерческой деятельности // Ученые записки Тамбовского отделения РoCMY. 2018. № 12. С. 156–160.
10. Щепотьев А. В. Выявление признаков аффилированности хозяйствующих субъектов при осуществлении контрольных функций // Дайджест-финансы. 2019. № 3. С. 305–319.

REFERENCES

1. Arystan A. Legal category of affiliation. In: *Vestnik Instituta zakonodatel'stva i zakona informatsii Respubliki Kazakhstan* [Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan], 2017, no. 4, pp. 152–162.
2. Gavriilyuk R. V., Nosanenko G. Yu., Urazov A. A. [Affiliated persons: concept and features]. In: *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Baltic Humanitarian Journal], 2020, no. 2, pp. 50–61.
3. Garayeva K. M. [Consequences of affiliation in bankruptcy cases]. In: *Skif* [Skif], 2022, no. 11, pp. 215–219.
4. Naumov A. F., Yashina M. N. [Affiliated persons as a management innovation: ambiguity of interpretation and problems of practical use]. In: *Promyshlennost': ekonomika, upravleniye, tekhnologii* [Industry: economics, management, technology], 2020, no. 3, pp. 98–104.
5. Petrova A. E. [Typology of legal consequences of affiliation of persons]. In: *Vestnik nauki* [Bulletin of science], 2021, no. 6-1, pp. 129–134.
6. Plyusnina S. S. [Obligatory relations of affiliated persons]. In: *Skif* [Skif], 2020, no. 4, pp. 236–241.
7. Syatchikhin A. V., Storozhenko D. I. [Doctrinal and normative approaches to the concept of affiliation]. In: *Ex jure*, 2021, no. 4, pp. 46–59.
8. Tychinin S. V., Skopenko O. R. [Affiliation of legal entities: reality and prospects]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2019, no. 3, pp. 83–88.
9. Ulieva A. A. [On the issue of affiliation of legal entities in commercial activities]. In: *Uchenyye zapiski*

Tambovskogo otdeleniya RoSMU [Scientific notes of the Tambov branch of the Russian Scientific and Management University], 2018, no. 12, pp. 156–160.

10. Shchepotyev A. V. [Identification of signs of affiliation of business entities in the implementation of control functions]. In: *Dayzhest-finansy* [Digest-finances], 2019, no. 3, pp. 305–319.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гордолов Юрий Владимирович – кандидат экономических наук, доцент кафедры конституционного и гражданского права юридического факультета Государственного университета просвещения; e-mail: a050619@ya.ru

Петрова Виктория Юрьевна – кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и гражданского права юридического факультета Государственного университета просвещения; e-mail: vu_petrova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yuri V. Gordolov – Cand. Sci. (Economy), Assoc. Prof., Department of Constitutional and Civil Law, Faculty of Law, Federal State University of Education; e-mail: a050619@ya.ru

Victoria Y. Petrova – Cand. Sci. (Technical), Assoc. Prof., Department of Constitutional and Civil Law, Faculty of Law, Federal State University of Education; e-mail: vu_petrova@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Гордолов Ю. В., Петрова В. Ю. Гражданско-правовые последствия аффилированности юридических лиц // *Московский юридический журнал*. 2024. № 2. С. 84–90.

DOI: 10.18384/2949-513X-2024-2-84-90

FOR CITATION

Gordolov Yu. V., Petrova V. Yu. The Civil Consequences of the Affiliation of Legal Entities. In: *Moscow Juridical Journal*, 2024, no. 2, pp. 84–90.

DOI: 10.18384/2949-513X-2024-2-84-90

УДК 347

DOI: 10.18384/2949-513X-2024-2-91-97

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА ПЕРЕВОДЧИКА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Семенова И. Д.

Российский государственный университет правосудия

117418, г. Москва, ул. Новочерёмушкинская, д. 69, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Определить правовой статус субъектов (его недостатки), содействующих правосудию (в частности, переводчика) в условиях постоянно изменяющегося законодательства о гражданском судопроизводстве, и предложить меры, направленные на устранение этих недостатков.

Процедура и методы. Для достижения обозначенной цели в качестве методологической основы использовались общенаучные и специальные методы познания, среди которых в первую очередь анализ и синтез, аналогия, сравнительно-правовой и системно-функциональный методы.

Результаты. Выявлена необходимость признания переводчика в гражданском процессе в качестве лица, обладающего специальными знаниями, и внесения соответствующих корректив в кодифицированные источники.

Теоретическая и/или практическая значимость. Раскрыты процессуально-правовые особенности участия переводчика в российском гражданском судопроизводстве, определена его роль в защите законных прав и интересов граждан при производстве по гражданскому делу, определены закономерности правоприменительной деятельности в данной области.

Ключевые слова: переводчик, гражданское судопроизводство, правовой статус, дееспособность, права и обязанности, участники, суд

ON SOME ASPECTS OF THE PROCEDURAL STATUS OF AN INTERPRETER IN CIVIL PROCEEDINGS

I. Semenova

Moscow State University of Justice

ul. Novocheremushkinskaya 69, Moscow 117418, Russian Federation

Abstract

Aim. To determine the legal status of subjects (its shortcomings) promoting justice (in particular, of a translator/interpreter) in the context of constantly changing legislation on civil proceedings and to propose measures aimed at eliminating these shortcomings.

Methodology. To achieve the stated goal, general scientific and special methods of cognition were used as a methodological basis, including primarily the analysis and synthesis, analogy, comparative legal and systemic functional methods.

Results. The study makes it possible to state the need to recognize a translator/interpreter in civil proceedings as a person with special knowledge and to make appropriate adjustments to codified sources.

Research implications. The procedural and legal specifics of the participation of an interpreter/translator in Russian civil proceedings are revealed. The role of an interpreter/translator in protecting the rights and legitimate interests of citizens in civil proceedings are determined, and it is made possible to identify patterns of law enforcement activities in this area.

Keywords: interpreter/translator, civil proceedings, procedural status, legal capacity, rights and obligations, participants, court

Введение

Среди учёных и практикующих юристов на протяжении длительного периода не прекращаются споры, касающиеся правового статуса субъектов, содействующих правосудию в гражданском судопроизводстве [1; 5; 9]. Эти споры касаются не только процессуального статуса, но и вопроса, кого именно считать субъектами, оказывающими содействие правосудию. В связи с этим актуальным видится необходимость определить недостатки их правового статуса в условиях постоянно изменяющегося законодательства о гражданском судопроизводстве и предложить меры, направленные на устранение этих недостатков. Это представляется особенно актуальным в условиях современного государства, в котором обладающие знаниями имеют возможность принимать компетентные решения.

Теоретические аспекты оказания содействия правосудию в гражданском судопроизводстве

Проблема законодательного регулирования статуса субъектов, оказывающих содействие правосудию, стала предметом достаточно большого количества научных исследований [2; 8]. Несмотря на это, учёные-процессуалисты не достигли консенсуса относительно точного перечня субъектов, которые выполняют функции вспоможения в правосудии.

Так, в своём исследовании Н. Н. Раскатова определяет субъектов, оказывающих содействие правосудию в гражданском и арбитражном процессах и в административном судопроизводстве, как лиц, обладающих специальными (профессиональными) знаниями [6]. Специальные знания – совокупность теоретических знаний и практических навыков конкретных лиц в какой-либо области науки, техники, искусства, ремесла, выходящих за пределы правовых знаний, которыми должны оперировать судьи, приобретённая ими в результате получения специального образования и накопления опыта работы в соответствующей области науки, техники,

искусства, ремесла, и в связи с этим позволяющая им разрешать некоторые вопросы, возникающие в ходе рассмотрения конкретного дела, которые не могут быть разрешены другими участниками процесса [7, с. 16].

Иные учёные проводят классификацию субъектов, которые участвуют в осуществлении правосудия, на том основании, какую именно процессуальную роль они занимают, каким образом они оказывают влияние на сам гражданский процесс, в чём выражается их заинтересованность в исходе гражданского процесса. В частности, В. В. Ярков выделяет 3 группы таких субъектов: сам суд, который выступает в качестве органа, осуществляющего правосудие во всех его формах; лица, являющиеся участниками конкретного гражданского дела; лица, которые выполняют функцию содействия правосудию. К числу лиц, выполняющих содействующую суду функцию, В. В. Ярков причисляет эксперта, специалиста, свидетеля, переводчика, а также лиц, которых рассматривающий дело суд в инициативном порядке привлекает в процесс с целью оказания данными лицами помощи суду по сбору и исследованию информации, которая несёт в себе доказательственное значение по гражданскому делу, а также для выполнения иных функций, которые нужны для того, чтобы суд успешно рассмотрел дело в гражданском процессе, т. е. выполнил своё главное предназначение¹.

В противовес мнению В. В. Яркова профессор Т. В. Сахнова полагает, что процессуальное законодательство предоставляет исчерпывающий перечень субъектов, которые выполняют функцию по оказанию помощи суду в рассмотрении гражданского дела. В закрытый перечень автор относит свидетелей, переводчиков, экспертов и специалистов. Определяющим критерием, по которому указанные лица включены в приведённый перечень, является отсутствие личной заинтересованности данных субъектов относительно того, как должно

¹ Ярков В. В. Гражданский процесс: учебник. М.: Статут, 2017. С. 246.

разрешиться гражданское дело, а также то, что они принимают участие в гражданском процессе по судебной инициативе или по инициативе заинтересованных в исходе дела лиц. Т. В. Сахнова считает, что, прежде всего, процессуальный статус указанных субъектов определяется их процессуальными обязанностями, а уже только после этого – процессуальными правами¹.

Гражданско-процессуальные основания участия переводчика в производстве по гражданскому делу

В силу ст. 9 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации² (ГПК РФ) лицо, не владеющее языком, на котором происходит рассмотрение гражданского дела, обладает неотъемлемым правом на то, чтобы реализовать своё гражданское право в суде, воспользовавшись для этой цели услугами специально субъекта – переводчика. Указанная статья призвана содействовать реализации на практике такого принципа гражданского процесса, как принцип языка. Выполнение переводчиком функции перевода в гражданском процессе с одного языка на другой непосредственно является выражением указанного принципа.

Поскольку реализация принципа языка гражданского судопроизводства является важным фактором, представляется значимым и осмысление с научной точки зрения правового положения переводчика в гражданском процессе. По мнению учёных, несмотря на то что в законодательстве существуют нормы, которые определяют переводчика как самостоятельного субъекта гражданского процесса, указанные правовые нормы не раскрывают правового статуса данного субъекта гражданского процесса [4; 10].

¹ Сахнова Т. В. Курс гражданского процесса: учебник. М.: Статут, 2014. С. 218–219.

² Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.04.2024).

Ст. 162 ГПК РФ предоставляет суду для реализации принципа языка гражданского судопроизводства право возложения на переводчика обязанности по осуществлению перевода при рассмотрении конкретного гражданского дела. Вместе с тем ГПК РФ не содержит никаких сведений о том, какими профессиональными качествами должно обладать лицо, привлекаемое судом для осуществления перевода. В связи с этим при практической реализации проблемы перевода в гражданском судопроизводстве может возникнуть вполне закономерный вопрос относительно уровня знаний лица, привлекаемого для перевода. Становится непонятно, должен ли судья, привлекая лицо для осуществления перевода, проверять наличие у данного лица соответствующего образования, дающему ему право переводить, или для выполнения функции переводчика может быть привлечён любой человек, даже слабо владеющий требующим перевода языком? Действующее процессуальное законодательство ответа на данный вопрос не даёт, а потому его разрешение является прерогативой суда.

Есть все основания полагать, что участвующие в гражданском процессе лица не могут с достаточной степенью точности определить, насколько профессионально приглашённое в качестве переводчика лицо обладает навыками перевода. Кроме того, на практике встречаются случаи, когда лицо, имеющее диплом переводчика, но не обладающее элементарными знаниями в области юриспруденции, не способно с требуемой точностью осуществить перевод юридического текста или речи, насыщенной юридическими терминами.

Достаточно часто в ходе рассмотрения гражданского дела суд вынужден спрашивать у переводчика, понятны ли ему обстоятельства рассматриваемого гражданского дела, ясен ли ему смысл возникших правоотношений между сторонами и входят ли в его лексикон термины, которые необходимо перевести.

При всей важности деятельности переводчика в гражданском судопроизводстве, направленной на то, чтобы суд должным

образом осуществил возложенные на него функции, данный вид деятельности недооценен. Переводчик в гражданском процессе нужен для того, чтобы были соблюдены интересы правосудия по должному рассмотрению гражданского дела. Одной из основных задач переводчика является осуществление перевода таким образом, чтобы перевод максимально точно отражал смысл речи лица, не владеющего языком, на котором гражданское дело рассматривается.

Вместе с тем, несмотря на значимую функцию переводчика по установлению успешной коммуникации между представителями разных культур в ходе рассмотрения гражданского дела, в ст. 34 ГПК РФ, содержащую перечень лиц, участвующих в гражданском процессе, не включён такой субъект гражданского процесса, как переводчик.

Тем не менее, невзирая на то, что переводчик не включен процессуальным законодательством в перечень субъектов, участвующих в рассмотрении дела, этим процессуальным законодательством переводчик наделён своей специфической дееспособностью. Данная дееспособность определяется правами и обязанностями, разъясняемыми судом приглашённому переводчику в начале слушания по гражданском делу в порядке, определённом чч. 2–3 ст. 162 ГПК РФ.

Как мы уже выяснили, переводчик не отнесён законодателем к числу субъектов гражданского процесса. Переводчик в гражданском процессе не наделён правами полноправного члена данного процесса, как, например, это сделано в уголовном судопроизводстве (ст. 59 УК РФ). Это является следствием того, что в гражданском процессе переводчик привлекается к участию в том случае, когда у сторон рассматриваемого гражданского дела возникнет желание реализовать своё право, закреплённое в п. 2 ст. 26 Конституции Российской Федерации¹, а именно право

на выбор языка. А в уголовном процессе переводчик вступает в производство по делу в обязательном порядке, дабы не было нарушено право лиц, не владеющих русским языком. Это обусловлено также преобладанием диспозитивности гражданского процесса по сравнению с другими видами процессов.

Данные обстоятельства демонстрируют трудности определения правового статуса переводчика в гражданском судопроизводстве. Для определения правового статуса переводчика помимо ГПК РФ следует обращаться и к иным правовым актам.

Международно-нормативные основания определения деятельности переводчиков

Помимо ГПК РФ, правосубъектность переводчика как лица, обладающего навыками, умениями и знаниями в лингвистической сфере, определяется нормами международного документа. Это, прежде всего, «Рекомендация ЮНЕСКО о юридической охране прав переводчиков и переводов и практических средствах по улучшению положения переводчиков», принятая 22 ноября 1976 г. на XIX Генеральной конференции ЮНЕСКО в г. Найроби (Кения) и получившая по месту своего принятия официальное наименование «Рекомендация Найроби» и «Хартия переводчиков»².

Данная Рекомендация ратифицирована Российской Федерацией и поэтому действует на всей территории России. Этот международный акт имеет существенное значение для определения правового статуса переводчика в гражданском процессе, поскольку содержит нормы, касающиеся статуса переводчика. Значимость данного документа также определяется тем, что при отсутствии в национальном гражданском процессуальном праве соответствующей нормы, регулирующей конкретные правоотношения, применительно к дан-

¹ Конституция Российской Федерации // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения: 04.04.2024).

² Рекомендация о юридической охране прав переводчиков и переводов и практических средствах улучшения положения переводчиков. М.: Логос, 1993.

ной ситуации могут быть использованы нормы международного документа.

Следует также отметить, что в Рекомендациях ЮНЕСКО государствам-членам рекомендовано содействовать созданию и развитию профессиональных организаций или ассоциаций переводчиков и других представляющих их организаций. Отмечается, что данные организации могли бы, в частности, проводить в той мере, в какой это позволяет национальное законодательство, мероприятия, а именно содействовать принятию профессиональных норм для переводчиков. В этих нормах следует предусматривать, в частности, для переводчика обязательство обеспечивать высокое качество перевода с точки зрения стиля и языка и гарантировать, что перевод будет верным оригиналу.

Таким образом, Рекомендации ЮНЕСКО могут являться источником определения профессионального статуса переводчика в случае его вовлечения в процедуры правосудия.

Заключение

В заключение исследования подведём некоторые итоги. В статье указан основной признак, определяющий правоспособность переводчика по гражданским делам: под переводчиком понимается лицо, обладающее необходимыми лингвистическими знаниями для оказания помощи в переводе с одного языка на другой при рассмотрении конкретного гражданского дела. Переводчик является полноправным участником гражданского процесса. Основная задача переводчика – оказать помощь в получении и обобщении доказательственной информации именно для суда, а не для заинтересованных сторон по гражданскому делу. Переводчик играет роль важного, вспомогательного инструмента, позволяющего стороне, не владеющей языком, на котором рассматривается гражданское дело, изложить свою позицию по делу и представить доказательства, которыми эта сторона располагает. Кроме

того, переводчик в обязательном порядке обязан владеть базовыми юридическими познаниями для того, чтобы при осуществлении перевода с одного языка на другой не упустить важные моменты, которые могут иметь ключевое значение для исхода гражданского дела.

В результате, обращаясь к нормативному определению переводчика в гражданском процессе, можно сказать, что под переводчиком понимается лицо, которое оказывает содействие суду и иным участникам гражданского процесса при разбирательстве по конкретному гражданскому делу.

Вместе с тем тот факт, что действующий ГПК РФ не содержит конкретной нормы, регулирующей правовой статус переводчика в гражданском процессе, существенно снижает его роль в гражданском судопроизводстве. Этот пробел также создаёт трудности при определении правового статуса переводчика в гражданском судопроизводстве, поскольку для этого требуется обращение не только к различным статьям самого ГПК РФ, но и к иным нормативным правовым актам, регулирующим применение гражданского процессуального законодательства. Фактически мы можем говорить о том, что в гражданском процессе переводчик не является субъектом процессуальных правоотношений в том понимании содержания его процессуального статуса, который мы видим в уголовном судопроизводстве [3].

Таким образом, исходя из вышеизложенного, заслуживает внимания рассмотрение возможности закрепления правового статуса переводчика в законодательстве о гражданском судопроизводстве, а также определения требования к уровню его подготовки.

Статья поступила в редакцию 18.02.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аргунов В. Н. Размышления о гражданском процессе. М.: Юрайт, 2023. 416 с.
2. Богомолов М. В. Институт судебного (процессуального) представительства в гражданском и арбитражном процессе Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. 26 с.
3. Вилкова Т. Ю., Насонов С. А. Принцип участия граждан в осуществлении правосудия в уголовном судопроизводстве. М.: Юрайт, 2023. 262 с.
4. Городнова О. Н., Макарушкова А. А. Проблемы и перспективы правового регулирования статуса лиц, содействующих осуществлению правосудия, в гражданском процессе // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 15. Р. 103–115.
5. Протасов В. Н. Общая теория процессуального права. М.: Юрайт, 2024. 187 с.
6. Раскатова Н. Н. Судебно-почерковедческая экспертиза документов в гражданском процессе как форма использования специальных знаний: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 228 с.
7. Раскатова Н. Н. Судебно-почерковедческая экспертиза документов в гражданском процессе как форма использования специальных знаний: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 36 с.
8. Решетникова И. В. Доказывание в гражданском процессе. М.: Юрайт, 2023. 417 с.
9. Саенко Л. В., Щербаклова Л. Г. Актуальные проблемы гражданского права и процесса. М.: Юрайт, 2024. 287 с.
10. Сидорова Н. А. Обоснованность создания института профессиональных переводчиков в сфере судопроизводства // Альманах современной науки и образования. 2012. № 7. С. 131–134.
11. Узденов Ш. Ш., Ермаков Д. Н., Софинская Е. Д. Преподавание современного российского права студентам юридического факультета педагогического университета. Чебоксары, ИД «Среда», 2023. 188 с.

REFERENCES

1. Argunov V. N. *Razmyshleniya o grazhdanskom protsesse* [Reflections on the civil process]. Moscow, Yurait Publ., 2023. 416 p.
2. Bogomolov M. V. *Institut sudebnogo (protsessualnogo) predstavitel'stva v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse Rossiyskoy Federatsii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Institute of judicial (procedural) representation in the civil and arbitration process of the Russian Federation: abstract of Cand. Sci. thesis in Law sciences]. Saratov, 2014. 26 p.
3. Vilkova T. Y., Nasonov S. A. *Printsip uchastiya grazhdan v obespechenii pravosudiya v ugovnom sudoproizvodstve* [Principle of participation of citizens in the implementation of justice in criminal proceedings]. Moscow, Yurait Publ., 2023. 262 p.
4. Gorodnova O. N., Makarushkova A. A. [Problems and prospects of legal regulation of the status of persons assisting the implementation of justice in civil proceedings]. In: *Aktualnyye problemy rossiyskogo prava* [Actual problems of Russian law], 2020, no. 15, pp. 103–115.
5. Protasov V. N. *Obshchaya teoriya protsessualnogo prava* [General Theory of Procedural Law]. Moscow, Yurait Publ., 2024. 187 p.
6. Raskatova N. N. *Sudebno-pocherkovedcheskaya ekspertiza dokumentov v grazhdanskom processe kak forma ispol'zovaniya special'nyh znaniy: dis. ... kand. yurid. nauk* [Forensic handwriting examination of documents in civil proceedings as a form of using specialized knowledge: Cand. Sci. thesis in Law sciences]. Moscow, 2005. 228 p.
7. Raskatova N. N. *Sudebno-pocherkovedcheskaya ekspertiza dokumentov v grazhdanskom processe kak forma ispol'zovaniya special'nyh znaniy: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Forensic handwriting examination of documents in civil proceedings as a form of using specialized knowledge: abstract of Cand. Sci. thesis in Law sciences]. Moscow, 2005. 36 p.
8. Reshetnikova I. V. *Dokazyvaniye v grazhdanskom protsesse* [Proof in Civil Procedure]. Moscow, Yurait Publ., 2023. 417 p.
9. Saenko L. V., Shcherbakova L. G. *Aktualnyye problemy graficheskikh prav i protsessov* [Actual Problems of Civil Law and Procedure]. Moscow, Yurait Publ., 2024. 287 p.
10. Sidorova N. A. [Validity of Creating an Institute of Professional Translators in the Sphere of Legal Proceedings]. In: *Almanakh sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Almanac of Modern Science and Education], 2012, no. 7, pp. 131–134.
11. Uzdеноv Sh. Sh., Ermakov D. N., Sofinskaya E. D. *Prepodavaniye sovremennogo rossiyskogo prava studentam yuridicheskogo fakulteta pedagogicheskogo universiteta* [Teaching modern Russian law to students of the law faculty of the pedagogical university]. Cheboksary, ID “Sreda” Publ., 2023. 188 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Семенова Индира Джотдаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Российского государственного университета правосудия;
e-mail: rsuj.sid@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Indira J. Semenova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Foreign Languages, Russian State University of Justice;
e-mail: rsuj.sid@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Семенова И. Д. О некоторых аспектах процессуального статуса переводчика в гражданском судопроизводстве // Московский юридический журнал. 2024. № 2. С. 91–97.
DOI: 10.18384/2949-513X-2024-2-91-97

FOR CITATION

Semenova I. D. On Some Aspects of the Procedural Status of an Interpreter in Civil Proceedings. In: *Moscow Juridical Journal*, 2024, no. 2, pp. 91–97.
DOI: 10.18384/2949-513X-2024-2-91-97

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 342.5

DOI: 10.18384/2949-513X-2024-2-98-106

ПРЕДМЕТ И ПРЕДЕЛЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ ПРОКУРОРА В ДОСУДЕБНОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Исаенко В. Н.

Государственный университет просвещения

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Оценка содержания, направленности и значения криминалистического мышления прокурора – участника досудебного уголовного судопроизводства.

Процедура и методы. Ключевым методом исследования стал контент анализ российского законодательства и точек зрения учёных-криминалистов относительно определения понятия, сущности и содержания криминалистического мышления в решении задач, возникающих в процессе раскрытия и расследования преступлений. Используются сравнительно-правовой и логико-юридический методы, а также метод системного анализа.

Результаты. Обоснована позиция автора о криминалистическом мышлении прокурора – участника уголовного судопроизводства как необходимом компоненте его профессионального интеллекта. Сформулировано авторское определение криминалистического мышления прокурора, охарактеризованы объём, направления и цели использования его приёмов в досудебном уголовном судопроизводстве в современных правовых условиях. Рассмотрены этапы его формирования, значение обобщения, анализа, использования в прокурорской надзорной практике соответствующего положительного опыта.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретически обосновано использование возможностей криминалистики в прокурорской надзорной деятельности. Доказаны актуальность, практическое значение криминалистического мышления прокурора в обеспечении должной эффективности надзора в досудебном уголовном судопроизводстве, необходимость расширения пределов его использования за счёт установления в законе более широкого круга надзорных полномочий прокурора в данной стадии уголовного процесса.

Ключевые слова: досудебное уголовное судопроизводство, криминалистическое мышление, методы криминалистики, расследование преступлений, прокурорский надзор

THE SUBJECT AND LIMITS OF THE PROSECUTOR'S CRIMINALISTIC THINKING IN PRE-TRIAL CRIMINAL PROCEEDINGS

V. Isaenko

Federal State University of Education

ul. Radio 10A, Moscow 105005, Russian Federation

Abstract

Aim. Assessment of the content, orientation and significance of the criminalistic thinking of the prosecutor participating in pre-trial criminal proceedings.

© CC BY Исаенко В. Н., 2024.

Methodology. The key research method was the content analysis of Russian legislation and the point of view of criminologists regarding the definition of the concept, essence and content of criminalistic thinking in solving problems. arising in the process of solving and investigating a crime. Comparative legal and logical-legal methods were used. as well as the method of system analysis.

Results. The author's position on the criminalistic thinking of a prosecutor participating in criminal proceedings as a necessary component of his professional intelligence is substantiated. The author's definition of the concept of criminalistic thinking of a prosecutor is formulated, the scope, directions and goals of its use in pre-trial criminal proceedings in modern legal conditions are characterized, the stages of its formation, the importance of generalization, analysis, and use of relevant positive experience in prosecutorial practice are considered.

Research implications. Theoretically justified the use of forensic capabilities in prosecutorial supervisory activities. The relevance, practical significance of the prosecutor's forensic thinking in ensuring proper efficiency of supervision in pre-trial criminal proceedings, the need to expand the limits of its use by establishing in the law a wider range of supervisory powers of the prosecutor at this stage of the criminal process have been proven.

Keywords: pre-trial criminal proceedings, forensic thinking, methods of criminology, investigation of crimes, prosecutor's supervision

Введение

В Приказе Генеральной прокуратуры РФ № 7 «Об организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности»¹ и других организационно-распорядительных документах генпрокуратуры РФ надзор за исполнением законов в данной сфере рассматривается как приоритетное направление прокурорской деятельности. Он является не только одним из действенных средств обеспечения правовой безупречности деятельности оперативно-розыскных органов и органов предварительного расследования. В соответствии с ч. 2 ст. 21 УПК РФ² прокурор в пределах своей компетенции принимает меры к установлению обстоятельств преступлений при обнаружении их признаков, а также к установлению и изобличению совершивших их лиц. В современных правовых условиях он может решать данную задачу исключительно надзорными средствами. Тем не менее зна-

чительное место в данной его деятельности имеет криминалистическая составляющая, без которой невозможна объективная оценка результатов работы органов расследования, оперативно-розыскных служб по выявлению, раскрытию и расследованию конкретных преступлений.

Знание и активное, целенаправленное использование средств, методов и приёмов криминалистики – необходимое и аксиоматичное условие обеспечения эффективности деятельности. Не менее важны они и при осуществлении прокурорского надзора в данной области. Оценка уровня и результатов использования криминалистических знаний при проверке сообщений о преступлениях, их расследовании следователями, дознавателями – неотъемлемый элемент мыслительной деятельности прокурора, анализирующего соответствующие материалы и уголовные дела, на что обоснованно обращают внимание учёные-криминалисты.

В сущности, речь идёт о том, должен ли прокурор при осуществлении надзора в досудебном уголовном судопроизводстве ограничиваться решением только правовых вопросов, поскольку согласно ч. 1 ст. 37 УПК РФ он уполномочен осуществлять надзор за процессуальной деятельностью органов дознания

¹ Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 16.01.2012 № 7 «Об организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности» // Гарант: [сайт]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70056988/> (дата обращения: 04.05.2024).

² УПК РФ Ст. 21. Обязанность осуществления уголовного преследования // СПС Консультант Плюс.

и органов предварительного следствия, и вправе ли выходить при этом за их рамки. Соответственно, возникает вполне логичный вопрос: должен ли и вправе ли он решать при этом помимо правовых сугубо криминалистические, пусть и взаимосвязанные с процессуальными вопросы, поскольку названная норма УПК РФ этого не предусматривает? Не менее логичен и следующий вопрос: необходимо ли криминалистическое мышление прокурору в современных правовых условиях его деятельности в досудебном производстве?

Криминалистическая составляющая как необходимый компонент надзорной деятельности прокурора в досудебном уголовном судопроизводстве

Эти вопросы отнюдь не риторические, поскольку лишение прокурора не только права возбуждать уголовные дела и проводить предварительное расследование, но даже участвовать в производстве отдельных следственных действиях¹ не могло не сказаться на объёме криминалистической составляющей его деятельности в досудебном производстве. Однако это не исключило её полностью. С одной стороны, в каждом случае обнаружения признаков преступления в соответствии с ч. 2 ст. 21 УПК РФ прокурор наряду со следователем, органом дознания, дознавателем обязан принимать необходимые процессуальные меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в его совершении. Содержание данной уголовно-процессуальной задачи определяют как необходимость, так и сферу, объём и характер использования прокурором процессуальных (надзорных) средств по её решению. Однако нельзя оставить без внимания содержание ч. 2 ст. 1 и гл. 3 Федерального закона от № 2202-1 «О про-

куратуре Российской Федерации»², согласно которым прокурор осуществляет надзор за исполнением законов органами, осуществляющими дознание и предварительное следствие, что совершенно справедливо, поскольку решение стоящих перед ними задач регулируется не только уголовно-процессуальным, но и другими законами.

Обратим внимание и на то, что в соответствии с ч. 1 ст. 30 Закона о прокуратуре полномочия прокурора по надзору за исполнением законов органами, осуществляющими дознание и предварительное следствие, устанавливаются уголовно-процессуальными и другими законами. По нашему мнению, этого достаточно для понимания, что под другими подразумеваются не только Федеральный закон № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»³, но и другие федеральные законы: № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации»⁴, № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»⁵, № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации»⁶ и т. д. Поскольку этими законами обязаны руководствоваться в первую очередь органы дознания, дознаватели, следователи при решении не только задач доказывания, но и поисковых (т. е. криминалистических) задач, в обязанности прокуроров входит проверка соблюдения их требований.

В соответствии с п. 14 приказа Генерального прокурора РФ № 544 «Об

¹ Это произошло в связи с принятием Федерального закона от 05.06.2007 № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон "О прокуратуре Российской Федерации"» // Собрание законодательства Российской Федерации. 11.06.2007. № 24. ст. 2930.

² Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

³ Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // СПС «Консультант Плюс».

⁴ Федеральный закон от 25.07.1998 № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

⁵ Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

⁶ Федеральный закон «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» от 03.12.2008 № 242-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».

организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» при проверке законности постановлений о приостановлении следствия по основаниям пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ¹ прокурор обязан применять комплексный подход к оценке полноты расследования и оперативно-розыскных мероприятий, изучая приостановленное уголовное дело одновременно с соответствующими оперативно-служебными документами. Вполне очевидно, что комплексный (процессуально-криминалистический) подход имеет триединую направленность:

1) на выяснение наличия или отсутствия возможностей формирования на основе полученных результатов оперативно-розыскных мероприятий значимых для раскрытия преступления доказательств;

2) на выяснение возможностей выдвижения на основе полученных результатов оперативно-розыскных мероприятий более перспективных версий и определения средств их исследования;

3) на выяснение возможности установления места нахождения подозреваемого, обвиняемого в результате дополнительных оперативно-розыскных мероприятий.

Решение прокурором каждой из названных задач требует от него не только использования правовых знаний, но также осмысления изученных материалов с криминалистических позиций, с точки зрения определения реальных процессуальных и непроцессуальных возможностей дальнейшего расследования, осуществления дополнительных возможных мер по установлению места нахождения скрывшегося от расследования подозреваемого или обвиняемого. В любом случае речь идёт о решении им мыслительной задачи, имеющей криминалистическую сущность.

¹ П. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ предусматривает приостановление предварительного следствия в том случае, если лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено. Согласно п. 2 ч. 2 ст. 208 УПК РФ приостановление предварительного следствия допускается, если подозреваемый или обвиняемый скрылся от следствия либо место его нахождения не установлено по иным причинам.

Понятие криминалистического мышления в трудах учёных-криминалистов

Понятие «криминалистическое мышление» не является новым, хотя в своё время Р. С. Белкин счёл, что использование данного термина есть крайность. По мнению учёного, решение следователем мыслительных задач как при производстве следствия в целом, так и отдельных следственных действий не свидетельствует о специфичности такого мышления². С данным мнением сложно согласиться, поскольку в нём оставлен без внимания предмет мыслительной задачи. С одной стороны, она решается в соответствии с общими законами мышления, а с другой – её предмет составляет поиск оптимальных вариантов использования криминалистических приёмов, средств и методов, которые вряд ли стоит рассматривать в качестве общих в силу их применения в весьма специфической сфере деятельности, а также в силу разработанности многих из них исключительно для использования в выявлении, раскрытии и расследовании преступлений. В ходе решения подобной мыслительной задачи всегда присутствует такая необходимая её составляющая, как намечаемый результат. Речь идёт, таким образом, о прогностической составляющей криминалистического мышления, без которой оно не имеет целевой направленности, т. е. является беспредметным.

В связи с этим уместно привести мнение Л. Г. Горшенина, категорически возражающего против переноса методов прогностики в криминалистику без учёта её предметов [2, с. 29]. В сущности, в этом высказывании, на наш взгляд, содержится возражение и против переноса общих методов, приёмов мышления в криминалистику без учёта предметов решаемых в сфере криминалистической деятельности конкретных мыслительных задач. В данном случае намечаемый к достижению результат опирается не только на умозрительные расчёты, но также на реально

² Белкин Р. С. Курс криминалистики: учеб. пос. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. С. 136.

существующие гарантии его достижения, которыми являются криминалистические средства, которые в возникшей ситуации могут быть реально задействованы для обеспечения прогнозируемого результата.

Учёное сообщество не поддержало точку зрения Р. С. Белкина об отсутствии криминалистического мышления. В частности, С. И. Цветков контекстуально дал понять о его существовании, вполне определённо высказавшись о том, что криминалистическое (тактическое) решение следователя – это основанный на анализе следственной ситуации и следственной обстановки волевой акт по определению тактических целей и путей их достижения¹. Тем самым учёный фактически обозначил понятие волевого акта итоговый результат мыслительной операции в рамках решения локальной криминалистической задачи. Более конкретную позицию о существовании, содержании и значении криминалистического мышления занял Н. П. Яблоков: «Криминалистическое мышление обеспечивает тщательно продуманное, осознанное и эффективное использование всех известных средств, приёмов и знаний в процессе криминалистической деятельности по расследованию преступления» [8, с. 20].

И. М. Комаров и М. Ю. Лакомская утверждают, что криминалистическое мышление так и определено, потому что зародилось, развивалось, состоялось и совершенствуется в недрах криминалистики, где разработаны научно-практические рекомендации относительно тех ситуаций расследования преступлений, в т. ч. совершённых в сложных криминальных условиях, требующих использования всего арсенала мыслительной деятельности для установления объективной истины произошедшего события [3, с. 42–43].

Р. Ю. Павлов и А. А. Бессонов предлагают рассматривать криминалистическое мышление как умственную деятельность должностных лиц, осуществляющих досудебное уголовное судопроизводство, осно-

ванную на общих и криминалистических знаниях, опыте и интуиции, направленную на познание произошедшего криминального события либо имеющего признаки такового путём извлечения из окружающей действительности посредством мыслительных операций криминалистически значимой информации о таком событии с целью её использования для доказывания [5, с. 31–32].

По мнению Д. В. Бахтеева, ключевым субъектом криминалистического мышления является следователь как центральная фигура процесса раскрытия и расследования преступлений. При этом отдельные его компоненты соответствуют другим участникам уголовного судопроизводства: судебным экспертам, специалистам, судьям, прокурорам, защитникам [1, с. 29]. Следует отметить позицию Ю. В. Корневского, который ранее верно подчеркнул, что прокурор должен в полной мере овладеть знаниями в области криминалистики, умением применять разработанные криминалистикой тактические приёмы и технические средства в условиях судебного разбирательства [4, с. 11]. По мнению Т. В. Шутековой, особенностью криминалистического мышления прокурора являются как использование им категорий мышления с учётом криминалистических знаний для изучения и оценки уже осуществлённой следователем деятельности по поиску доказательств, так и направленность этого мышления на поиск новых доказательств при изменении доказательственной ситуации в суде [7, с. 209].

С мнениями Ю. В. Корневского и Т. В. Шутековой о криминалистическом мышлении прокурора – государственного обвинителя как необходимом компоненте его профессиональной подготовки следует согласиться. Однако нельзя не учитывать, что криминалистическое мышление прокурора ориентировано на решение не только задач оптимизации его участия в судебном разбирательстве, но в первую очередь на решение надзорных задач в досудебном уголовном судопроизводстве, не всегда разрешаемых в процессуальном порядке.

¹ Криминалистика: учеб. / отв. ред. Н. П. Яблоков. М.: Юристъ, 2005. С. 159.

Понятие, предмет и пределы криминалистического мышления прокурора в досудебном уголовном судопроизводстве

Изложенное, по нашему мнению, снимает вопрос о том, существует ли криминалистическое мышление как необходимая составляющая профессионального интеллекта прокурора – участника уголовного судопроизводства. Но при этом остаются вопросы: в каком объёме оно им осуществляется; какими криминалистическими знаниями должен оперировать прокурор; в каком направлении его криминалистическое мышление должно развиваться в современных правовых рамках деятельности прокурора, осуществляющего надзор за законностью предварительного расследования?

В первую очередь полагаем, что его криминалистическое мышление целесообразно рассматривать в 2 аспектах: оценочно-аналитическом и поисково-ориентирующем.

В оценочно-аналитическом аспекте криминалистическое мышление прокурора есть мыслительный процесс ретроспективного восприятия обстоятельств конкретного преступления, механизма его совершения, механизма его расследования для оценки:

– полноты использования в исходной ситуации досудебного производства соответствующего компонента типовой частной криминалистической методики для установления наличия или отсутствия признаков преступления;

– всесторонности, полноты и объективности работы следователя и взаимодействующих с ним сотрудников оперативно-розыскных подразделений на первоначальном и последующем этапах расследования;

– соблюдения ими названных требований при исследовании причастности к преступлению конкретного лица (лиц) с использованием процессуальных средств, а также методов, средств, приёмов криминалистики;

– законности и обоснованности принятых процессуальных решений.

Конечная цель этой мыслительной деятельности прокурора – воссоздание с использованием приёмов моделирования на основе имеющейся информации максимально приближённой к действительности картины преступления, оценка адекватности механизма и средств его расследования установленным данным.

В поисково-ориентирующем значении криминалистическое мышление прокурора следует рассматривать как его умение профессионально распорядиться полученными сведениями при построении вывода о качестве проведённого расследования, а при выявлении его недостатков – правильно и конструктивно определить направления и возможности решения стратегических и тактических задач расследования. Принятое по результатам такого анализа решение прокурор материализует в постановлении об отмене постановления о приостановлении предварительного расследования, в указании, направляемом в подразделение (орган) дознания, в требованиях, направляемом в следственный орган.

Соответственно, возникает вопрос о сферах криминалистики, знания из которых прокурор использует при выполнении своей надзорной функции. Полагаем, что в первую очередь ему необходимо знание типовых частных криминалистических методик расследования преступлений отдельных видов, в которые интегрированы адаптированные к особенностям предметов доказывания положения и рекомендации криминалистической техники и криминалистической тактики. Естественно, что типовая методика ситуационно корректируется в процессе расследования, трансформируясь в индивидуальную. Задача прокурора – выяснить, насколько выверенно такая трансформация была осуществлена, как это отразилось на результатах работы следователя и взаимодействующих с ним субъектов на том или ином этапе досудебного производства.

Относительно оперирования прокурором знаниями из области криминали-

стической техники также не должно быть сомнений. В частности, это относится к исследованию прокурором протоколов следственных действий, проведение которых сопровождалось применением технических средств, оцениваемых не только с точки зрения оформления фактов их применения в соответствии с требованиями ст.ст. 164 и 166 УПК РФ, но также с точки зрения информативности, соответствия их содержания содержанию текста протокола. Важное значение имеет обращение прокурором внимания на использование следователем тех или иных видов уголовной (криминалистической) регистрации), в частности, при расследовании убийств лиц, установочные данные которых на момент проверки прокурором уголовного дела ещё не установлены.

Что касается использования прокурором знаний в области криминалистической тактики в досудебном производстве, то об использовании её рекомендаций в настоящее время следует говорить взвешенно, поскольку прокурор не проводит расследование, не участвует в следственных действиях. Тем не менее использовать её рекомендации в определённой мере он может при выезде, например, на месте происшествия согласно приказу Генерального прокурора РФ № 265 «О порядке представления специальных донесений и иной обязательной информации», согласно которому по прибытии на место происшествия прокурор должен своевременно принимать меры по обеспечению законности проведения оперативно-розыскных мероприятий и процессуальных действий. С учётом значения результатов осмотра места происшествия для установления обстоятельств преступления и последующего его расследования прокурор в силу ч. 2 ст. 21 УПК РФ вправе и обязан обращать внимание на то, верно ли избрана тактика его проведения, обеспечивает ли она полноту осмотра, задействованы ли для участия в нём компетентные специалисты, технические средства и т. д.

При изучении уголовного дела, приостановленного производством в связи с

неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, и выявлении недостатков расследования, его неполноты, прокурор обоснованно может сделать вывод о его некачественном планировании, о неиспользовании при составлении плана в полном объёме имеющейся к началу расследования исходной информации, оставлении без внимания определённых обстоятельств, могущих явиться основанием для выдвижения перспективной следственной версии и т. п. При изучении протокола допроса подозреваемого, составленного по схеме «вопрос-ответ», прокурор может выяснить, насколько верной была избранная следователем тактика допроса, были ли поставлены перед допрашиваемым все подлежащие выяснению при этом вопросы.

Заслуживают внимание и результаты анкетирования автором данной статьи начальников и заместителей начальников управлений и отделов по надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия и органов дознания прокуратур субъектов РФ, а также прокуроров городов и районов, приравненных к ним специализированных прокуроров, обучавшихся на факультете профессиональной переподготовки и повышения квалификации Университета прокуратуры Российской Федерации. На вопросы о владении прокурорами знаниями из различных сфер криминалистики при осуществлении надзора в досудебном уголовном судопроизводстве был получен следующий процент положительных ответов:

- относительно необходимости знания криминалистической техники, судебной экспертизы, уголовной (криминалистической) регистрации) – 100%;
- необходимость знаний частных криминалистических методик расследования преступлений отдельных видов – 100%;
- относительно знания криминалистической тактики – 76%.

Респонденты уточнили, что в современных правовых условиях в основном необходимо знание тактики осмотра места происшествия, поскольку в его проведе-

нии прокурорам нередко приходится участвовать. Они также пояснили, что знания в области криминалистической тактики нужны в случаях просмотра ими видеозаписей – приложений к протоколам допросов, проверок показаний на месте и некоторых других следственных действий.

Заключение

Несмотря на значительное сужение круга надзорных полномочий прокурора в современном досудебном производстве, его криминалистическое мышление должно наличествовать, совершенствоваться и развиваться и в существующих правовых условиях. Его формирование осуществляется поэтапно:

- 1) обучение в вузе;
- 2) изучение опыта старших в начале практической деятельности начинающего прокурорского работника;
- 3) изучение, анализ, использование соответствующей прокурорской практики;
- 4) специализированные учебно-методические мероприятия;
- 5) постоянная самоподготовка.

В. И. Рохлин по этому поводу верно заметил, что окончательное формирование специалиста осуществляется в процессе его профессиональной деятельности и посредством целой системы мер на базе того, что заложено в вузе [6, с. 63]. Обязательным является организация изучения и распространения положительного опыта этой деятельности.

Очевидным представляется также предоставление (а точнее – возвращение) прокурору более широкого круга властно-распорядительных полномочий в досудебном уголовном судопроизводстве. По нашему мнению, в ст.ст. 37, 144 и в др. УПК РФ целесообразно установить (восстановить) полномочия прокурора по проверке сообщений о преступлениях, возбуждению уголовных дел, производству предварительного расследования. Полагаем, что в подследственности прокуратуры должны находиться уголовные дела о преступлениях сотрудников оперативно-розыскных органов, органов предварительного расследования, судей, как это было предусмотрено Концепцией судебной реформы в РСФСР, принятой Постановлением Верховного Совета РСФСР от № 1801-1, а также должностных лиц органов государственной власти и органов местного самоуправления, совершивших преступления, предусмотренные гл. 30 УК РФ «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления».

Это будет способствовать не только расширению криминалистического кругозора прокуроров, совершенствованию их криминалистического мышления, но также обеспечению большей всесторонности, полноты и объективности досудебного производства по уголовным делам.

Статья поступила в редакцию 14.01.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтеев Д. В. Концептуальные основы теории криминалистического мышления и использования систем искусственного интеллекта в расследовании преступлений: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 42 с.
2. Горшенин Л. Н. Теория криминалистического прогнозирования: дис. ... докт. юрид. наук. Минск, 1994. 330 с.
3. Комаров И. М., Лакомская М. Ю. Проблемные ситуации расследования преступлений и их разрешение посредством тактических операций. М.: Юрлитинформ, 2021. 186 с.
4. Корневский Ю. В. Криминалистика для судебного следствия. М.: ЦентЮрИнфор, 2001. 198 с.
5. Павлов Р. Ю., Бессонов А. А. Криминалистическое мышление следователя. М.: Юрлитинформ, 2023. 168 с.
6. Рохлин В. И. Воспитание правовой культуры прокурорских работников как необходимое условие осуществления прокурорского надзора в формируемом правовом государстве. СПб., 2001. 67 с.
7. Шутемова Т. В. Криминалистическое мышление прокурора // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2018. № 4. Т. 2. С. 205–211.

8. Яблоков Н. П. Ситуационный подход как один из методов научного познания в криминалистическом мышлении субъектов криминалистической деятельности // Актуальные проблемы использования ситуационного подхода в юридической науке, в правоприменительной деятельности: мат-лы конф. / под ред. Т. С. Волчецкой. Калининград, 2012. С. 20–25.

REFERENCES

1. Bakhteyev D. V. *Kontseptualnyye osnovy teorii kriminalisticheskogo myshleniya i ispolzovaniya sistem iskusstvennogo intellekta v rassledovanii prestupleniy: avtoref. dis. ... dokt. yurid. nauk* [Conceptual Foundations of the Theory of Forensic Thinking and the Use of Artificial Intelligence Systems in Crime Investigation: Dr. Sci thesis in Law sciences]. Yekaterinburg, 2022. 42 p.
2. Gorshenin L. N. *Teoriya kriminalisticheskogo prognozirovaniya : dis. ... dokt. yurid. nauk* [Theory of Forensic Forecasting: Dr. Sci thesis in Law sciences]. Minsk, 1994. 330 p.
3. Komarov I. M., Lakomskaya M. Yu. *Problemye situatsii prestupleniy i ikh razresheniye posredstvom takticheskikh operatsiy* [Problem Situations in Crime Investigation and Their Resolution Through Tactical Operations]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2021. 186 p.
4. Korenevsky Yu. V. *Kriminalistika dlya sudebnykh sledstviy* [Forensic Science for Forensic Investigation]. Moscow, CenterYurInfor Publ., 2001. 198 p.
5. Pavlov R. Yu., Bessonov A. A. *Kriminalisticheskoye myshleniye sledovatelya* [Forensic Thinking of an Investigator]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2023. 168 p.
6. Rokhlin V. I. *Vospitaniye kultury prokurorskikh rabotnikov kak neobkhodimoye usloviye osushchestvleniya prokurorskogo nadzora v formiruyemom pravovom gosudarstve* [Fostering the Legal Culture of Prosecutor's Employees as a Necessary Condition for the Implementation of Prosecutor's Supervision in the Forming Rule of Law State]. St. Petersburg, 2001. 67 p.
7. Shutemova T. V. [Forensic Thinking of the Prosecutor]. In: *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V. N. Tatishcheva* [Bulletin of the Volga University named after V. N. Tatishchev], 2018, no. 4, vol. 2, pp. 205–211.
8. Yablokov N. P. [Situational Approach as One of the Methods of Scientific Knowledge in Forensic Thinking of Subjects of Forensic Activity]. In: *Aktual'nye problemy ispol'zovaniya situatsionnogo podhoda v yuridicheskoy nauke, v pravoprimenitel'noj deyatelnosti: mat-ly konf.* [Actual Problems of Using the Situational Approach in Legal Science, in Law Enforcement Activity]. Kaliningrad, 2012, pp. 20–25.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Исаенко Вячеслав Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Государственного университета просвещения;
e-mail: viach.isaencko2015@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vjacheslav N. Isaenko – Dr. Sci. (Law), Prof., Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, Federal States University of Education;
e-mail: viach.isaencko2015@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Исаенко В. Н. Предмет и пределы криминалистического мышления прокурора в досудебном уголовном судопроизводстве // Московский юридический журнал. 2024. № 2. С. 98–106.
DOI: 10.18384/2949-513X-2024-2-98-106

FOR CITATION

Isaenko V. N. The Subject and Limits of the Prosecutor's Criminalistic Thinking in Pre-Trial Criminal Proceedings. In: *Moscow Juridical Journal*, 2024, no. 2, pp. 98–106.
DOI: 10.18384/2949-513X-2024-2-98-106

РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: INMAN R. P., RUBINFELD D. L. DEMOCRATIC FEDERALISM. THE ECONOMICS, POLITICS, AND LAW OF FEDERAL GOVERNANCE. PRINCETON UNIVERSITY PRESS, 2020, 448 P.

Глотов С. А.

*Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) Российской академии наук
117418, г. Москва, пр-т Нахимовский, д. 51/21, Российская Федерация*

BOOK REVIEW: INMAN R. P., RUBINFELD D. L. DEMOCRATIC FEDERALISM. THE ECONOMICS, POLITICS, AND LAW OF FEDERAL GOVERNANCE. PRINCETON UNIVERSITY PRESS, 2020, 448 P.

S. Glotov

*Institute Of Scientific Information For Social Sciences (Inion) of the Russian Academy Of Sciences
prosp. Nakhimovsky 51/21. Moscow 117418, Russian Federation*

Уже с первых строк своей монографии «Демократический федерализм. Экономика, политика и право федерального управления» авторы Роберт Инман¹ и Даниел Рубинфельд² утверждают, что федеративные начала в организации и деятельности государств мира приобретают всё большую популярность, «являются предпочтительной формой правления как для развивающихся демократий, так и для устоявшихся, проходящих экономические и демократические реформы» (с. 3). Они ссылаются на опыт Аргентины и Бразилии, ФРГ, ЮАР, Российской Федерации (в постсоветский период), выбравших федеративную модель правления.

«Восточная Германия была преобразована в новую демократическую страну в составе Федеративной Республики Германии. Федеральные институты позволили Непалу включить ранее подвергавшиеся дискриминации меньшинства в более инклюзивный политический порядок. Европейский Союз, сначала начинавшийся как простое торговое партнёрство по добыче угля и стали, а затем преобразованный в транснациональный федеральный союз в соответствии с правилами Маастрихтского договора, теперь взял на себя центральную ответственность за экономическую и денежно-кредитную политику 28 (возможно, скоро их станет 27) европейских государств-членов. Централизованные политические системы, столь разные, как в Китае, Норвегии и Швеции, в настоящее время считают федеральный стиль управления потенциально полезным путём для осуществления необходимых экономических реформ» (с. 4).

Не стоят на месте, как считают авторы, и сильнейшие из современных федеральных союзов: Австралия (идёт пересмотр механизмов государственного финансирования),

¹ Роберт Пол Инман – доктор философии, магистр педагогических наук, порфессор финансовой экономики и государственной политики Пенсильванского университета (США), экономист в области бюджетной теории и политики.

² Даниел Ли Рубинфельд – американский экономист, специализирующийся на государственной экономике и праве, профессор юридического факультета Нью-Йоркского университета, почётный профессор экономики Калифорнийского университета.

Соединённые Штаты Америки (Верховный Суд добивается ограничения полномочий Конгресса в отношении штатов США), Канада (постоянно дискусируется вопрос о статусе провинции Квебек) и т. д.

Поскольку авторы монографии – учёные в области экономики, финансов, права, то в своих рассуждениях обращаются к А. Смиту, оценившему преимущества совместного использования в жизнедеятельности государств как крупных центральных органов власти, так и более мелких местных органов власти для эффективного предоставления государственных услуг. Для А. Смита это включало национальную оборону, правосудие, защиту частной собственности и обеспечение общественных работ, которые приносят пользу всему обществу. При этом более крупные правительства обходятся дешевле, но правительство меньшего размера с большей вероятностью обеспечат правильное соответствие предпочтений граждан уровню обслуживания населения. В целом же оба уровня (федеральный и местный) вносят ценный вклад в федеративное предоставление государственных услуг.

Американские исследователи не могли не дать во введении высокой оценки роли первых руководителей США, и в частности четвёртого президента страны Джеймса Мэдисона, одного из авторов Конституции США и Били о правах, в становлении теории и практики федерализма: «Джеймс Мэдисон заложил наиболее полную теоретическую основу современного федерализма, объединив аргументы Монтескье в пользу малого правительства с теорией представительного правления Дэвида Юма для объединённых, более крупных государств. Главным страхом Мэдисона была тирания большинства по отношению к демократическим правам меньшинств в небольших штатах, но анализ Хьюма представительного центрального правительства ослабил его опасения. В то время как политические теоретики спорили об относительной важности центральных и местных органов власти в идеальном (в данном случае демократическом) государ-

стве, большинство считало, что оба уровня вносят важный вклад в участие граждан в дела государства и демократическую стабильность» (с. 5).

По мнению Р. Инмана и Д. Рубинфельда, «слово "федерализм" уходит своими корнями в латинское слово *Fedus*, означающее "лига", "международный договор" или "компакт". В широком смысле федерализм стал обозначать любую форму правления, объединяющую в альянс правительства-учредителей, каждое из которых признаёт легитимность всеобъемлющего центрального правительства в принятии решений по вопросам, которые когда-то были исключительной ответственностью отдельных государств-членов. Все определения федеративного государства начинаются с этого момента: 2 или более правительства низшего уровня объединились, чтобы сформировать единое центральное правительство, причём как низший, так и центральный уровни правительства несут ответственность за политику, приносящую пользу гражданам всех государств-членов» (с. 7).

Федерализм определяется как «способ политической организации, который объединяет отдельные государства в рамках всеобъемлющей политической системы таким образом, чтобы позволить каждому поддерживать свою фундаментальную политическую целостность... [достигается] путём распределения власти между центральными и региональными органами правительствами таким образом, чтобы защитить существование и авторитет всех правительств...».

Федеративное государство может возникнуть потому, что независимые местные органы власти конституционно наделяют центральное национальное правительство его собственной сферой ответственности, как это было в случае с первоначальными 13 колониями США. В качестве альтернативы федеративное государство может возникнуть, когда конституция нового национального государства создаёт группу провинций и возлагает на них конкретные правительственные обязанности, оставляя

остаточные полномочия в руках национального правительства, как это было в случае с новой Конституцией ЮАР. В обоих случаях количество провинций и распределение государственных обязанностей между провинциальным и национальным уровнями управления определены, хотя, возможно, лишь расплывчато, национальной конституцией (с. 10).

К положительным аспектам рецензируемой монографии можно отнести попытку чёткого определения критериев (требований) к федеральному управлению, «согласно которым (1) существуют как национальные, так и нижестоящие органы власти (штаты, провинции и их местные органы власти), каждое из которых признаётся в качестве отдельного правительства, и что (2) как национальные, так и нижестоящие органы власти распределили политические обязанности и способность (как правило, и доходы) осуществлять эти обязанности. Мы теперь добавляем требование о том, чтобы (3) правительства более низкого уровня имели прямое представительство в органах центрального правительства с правом вето на национальное законодательство».

Опираясь на эти критерии, авторы квалифицируют правительства как федеральные (включая выборы в правительство как регионального, так и национального уровней) и предлагают список правительств мира, разделённый на 2 группы: «Первую мы классифицируем как управляемую конституционным федерализмом, отражающую тот факт, что конституция страны конкретно создаёт правительства более низкого уровня (регионального), возлагает на эти правительства ответственность и полномочия, необходимые для их реализации, и, наконец, требует прямого представительства провинций или правительств более низкого уровня в центральном правительстве. Это относится к Соединённым Штатам и новой Южно-Африканской Республике. Вторая группа, которую мы классифицируем как управляемую федерализмом де-факто. В этих странах допускаются политиче-

ски независимые правительства низшего уровня и возложенные на них обязанности, но не допускается их прямое представительство в центральном правительстве. Это относится к скандинавским демократиям, Италии и Японии. Список стран, удовлетворяющих нашим 3 требованиям к федеральному управлению, включает все страны, которые другие учёные обычно называют "федеральными"».

Далее авторы, разделив по своему усмотрению (опираясь при этом на выше указанные критерии управления) федеративные государства мира (или близкие к таковым по существу) на демократические и диктаторские, приводят соответствующую таблицу. Сегодня, по подсчётам Р. Инмана и Д. Рубинфельда, «вместе демократические и диктаторские федеративные государства занимают 52% территории земного шара, управляют 46% населения земного шара, и на их долю приходится 54% мировых доходов. Добавление Европейского Союза в качестве нового федеративного государства в список федеративных стран увеличивает долю суши в мире до 53%, долю населения мира – до 53% и долю мирового дохода – до 71%. Влияние этих институтов на население и доходы всего мира убедительно свидетельствует о необходимости тщательного анализа федерального управления» (с. 11–16).

Уже первый взгляд на приведённую таблицу (табл. 1) говорит о весьма расширенном толковании (35) числа федеративных государств, тогда как общепризнанным числом считается 22.

Не стоит удивляться и тому, что Россия, по оценкам авторов, отнесена к диктаторским федерациям. Объяснения этому в работе мы не находим, вернее всего, как в настоящее время часто бывает, здесь проявляется не столько научный, сколько так называемый политический фактор. Это заметно и по таким демократическим федерациям, которые в реальной политической жизни трудно назвать таковыми, как Косово, Босния и Герцеговина, Непал, Уругвай и др.

Таблица 1 / Table 1

Федеративные страны Federated countries

Конституционный Федерализм		Де-факто
Демократический	Диктаторский	Демократический
Аргентина	Коморские Острова	Дания
Австралия	Эфиопия	Финляндия
Австрия	Малайзия	Франция
Бельгия	Мексика	Италия
Босния и Герцеговина	Нигерия	Япония
Бразилия	Пакистан	Нидерланды
Канада	Россия	Норвегия
Колумбия	Танзания	Швеция
Германия	ОАЭ	Уругвай
Индия		
Косово-Сербия		
Непал		
Южная Африка		
Испания		
Швейцария		
США		

Сложно отнести к де-факто федеративным государствам и весь представленный в прилагаемой таблице список государств, ведь официально Италия, Япония, Норвегия, Швеция, Финляндия и др. таковыми не являются (речь идёт об унитарных государствах).

Тем не менее монография указанных авторов представляет определённый интерес для российских учёных и практиков. Она весьма объёмна по количеству страниц (более 400), во многом содержательна и читается не так сложно, как другие аналитические работы иностранных авторов, во многом носит междисциплинарный характер – экономика, политика и политология, право и социология, а главное, как уже упоминалось выше, она последовательна, состоит из введения (раздел называется «Знакомство»), трёх частей (несколько разделов в каждой), а также эпилога и библиографии.

В своём кратком обзоре представленной монографии (с. 11–16) авторы как раз и обращают внимание на то, что любая успешная оценка политических институтов должна носить междисциплинарный

характер (с. 11), и пытаются следовать этой установке, использовать инструментарий указанных выше наук. «Тщательная оценка сильных и слабых сторон федерального управления требует такого комплексного подхода», а заодно и ответа на центральный вопрос: как наилучшим образом спроектировать институты федерального управления для достижения целей экономической эффективности, демократического участия и защиты прав и свобод личности (с. 12).

Начало исследования положено в первой части монографии «Институты демократического федерализма» (с. 33–177), в т. ч. в главах «Экономический федерализм» (с. 37–75), «Национальное законодательное собрание» (с. 99–139), «Консервативный федерализм» (с. 75–99), «Гарантии демократического федерализма» (с. 139–177).

В целом в этой части представлены как теоретические, так и эмпирические, причинно-следственные связи между многочисленными местными, региональными органами власти, распределением получа-

емых доходов и услуг в целях экономической эффективности, политического участия граждан с соблюдением прав и свобод человека (с. 12).

Авторы в том числе приходят к выводам, что «в процессе взаимодействия региональных (на уровне провинции) и местных (общин) властей наибольшие выгоды приносят те услуги, которые могут быть эффективно предоставлены относительно небольшим группам населения, и где выгоды и затраты на услуги территориально сосредоточены в пределах общины» (с. 12). При этом, если община разделена по уровню дохода, что вполне вероятно при достижении эффективности, бедные местные общины могут оказаться не в состоянии предоставлять необходимые услуги в целях экономического роста и защиты прав человека (с. 13). И тогда в сложившейся ситуации могут и должны вмешаться федеральные власти, сильный президент, который обладает правовыми возможностями и экономическими ресурсами для исправления этих местных злоупотреблений и недостатков (с. 13).

В модели «Консервативный федерализм», по мнению авторов монографии, на месте президента, оказывающего помощь местным властям в кризисных ситуациях, оказывается Совет из представителей, избранных местными органами власти: «Поскольку Совет принимает решения квалифицированным большинством или единогласным голосованием, общенациональная политика требует консенсуальной сделки. Главным достоинством консервативного федерализма является его способность защищать интересы меньшинств от экономических проблем ... от тирании федерации при президентском правлении» (с. 14–15).

Ещё одна модель государственного управления – «демократический федерализм» под руководством национального законодательного органа с представителями, избранными от территориальных местных органов: «Он несёт ответственность за общенациональные общественные блага и услуги, а также за национальное регулиро-

вание. Решения в законодательном органе принимаются простым большинством. Независимые местные органы власти, по-прежнему, несут ответственность за важные местные услуги, возможно, предоставляемые одновременно с национальным правительством» (с. 15). В отличие от консервативного федерализма, где национальное правительство может сделать слишком мало, национальное законодательство и законодательный орган в демократическом федерализме могут сделать слишком много. Проблемы возникают из-за использования правила простого большинства для принятия законодательных решений» (с. 16).

В главе 5 «Демократический федерализм: гарантии» авторы исследуют роль верхних палат парламента (сената) в федеративном государстве в разрешении различных возникающих проблем, в т. ч. лежащих в законодательной плоскости, а также место гражданского общества, политической активности граждан, общенационального фронта в работе институтов власти, в процессе федерального управления (с. 18)

Вторая часть монографии «Поощрение федерального диалога» (с. 177–295) по существу посвящена исследованию вопросов влияния местных властей, гражданского общества, активных политиков и граждан на работу федеральных органов власти (диалог с федеральными властями) (с. 18), тому, что сами авторы монографии называют «Заявление о воздействии на федерализм» (*Federalism Impose Statement, FIST*). Начинается она с анализа экономических последствий каждой предлагаемой политики центрального правительства, задаваясь вопросом о том, «перевешивают ли общенациональные выгоды от этой политики её национальные издержки, и может ли существовать альтернативная политика, которая была бы более эффективной» (с. 18).

При этом из возможной дискуссии исключаются расходы на оборону, внешняя политика и денежно-кредитная политика, поскольку они, несомненно, являются об-

щенациональными общественными благами и должны предоставляться централизованно (с. 19).

Американские учёные справедливо указывают на во многом решающее влияние в процессе эффективного федерального управления целей FIST разумной налогово-бюджетной и кредитной политики (гл. 7, с. 210–255) в отношениях региональных и местных властей.

Вслед за этим анализируется роль рыночной деятельности в федеральной экономике (с. 255–295): «Цель состоит в том, чтобы распределить обязанности по регулированию экономики между местными, государственными национальными органами правительств с тем, чтобы обеспечить эффективное регулирование». Здесь авторы предупреждают, что «предоставление местным регулирующего выбора, который приносит пользу только местным жителям и налагает только местные издержки и может быть скопирован другими штатами, может привести к гонке за лидерство» (с. 20).

Завершает книгу часть «О том, как стать федеральным» на примере анализа обновления и развития Европейского Союза с имеющимися у него проблемами. Описывается эволюция институтов ЕС с первого пакта 6 стран о совместном управлении коллективным производством угля и стали до Союза 2020 г. из 28 членов (в настоящее время 27), определяющего общую сельскохозяйственную политику, инвестиции в экономическое развитие, конкуренцию и торговую политику, а также для 19 государств-членов денежно-кредитную политику и финансовое регулирование.

Р. Инман и Д. Рубинфельд отмечают, что ЕС добился успехов в своей экономической политике «особенно для жителей первоначально менее экономически развитых государств-членов, но в политическом праве Союз находится на грани "дефолта демократии", когда граждане не имеют прямых средств для обсуждения и коллективного принятия решения о направлениях политики ЕС. ... ЕС находится на перепутье» (с. 21).

В главе 10 «Федеральная демократия» уделяется внимание развитию демократического федерализма в ЮАР в период перехода от апартеида к многорасовой демократии, что стало одним из самых важных политических событий прошлого века.

В заключении авторы суммируют основные выводы и предпринимают попытку поместить работу в более широкий контекст демократического конституционного строительства, отвечая на вопрос: кто должен стать федеральным?. Ответ переносится в плоскость следующих рассуждений: «Несмотря на то, что есть много поводов для похвалы, демократический федерализм может быть не для всех. Любое новое национальное государство стремится сделать то, что не под силу меньшим и пространственно дифференцированным сообществам: обеспечить взаимовыгодные общественные блага, в первую очередь, коллективную безопасность, контролировать переливы между сообществами и обеспечить соблюдение правил, необходимых для более широкого рыночного обмена. Каждое новое государство должно выбирать, как лучше управлять своими делами. Независимо от того, разрабатывается ли оно как экономический, кооперативный или демократический федерализм, федеральное управление является одной из альтернатив. Но то же самое можно сказать и о едином, унитарном правительстве или, возможно, даже о том, чтобы остаться в качестве отдельно управляемых юрисдикций, а затем управлять общими интересами посредством двусторонних соглашений. У каждой формы правления есть свои сильные и слабые стороны. Несмотря на то, что для выбора способа управления будут важны многочисленные "фундаментальные факторы" – технология, география, язык, этническая принадлежность, – мы предлагаем 2 качества, которые, возможно, являются наиболее важными: разнородность вкусов в отношении государственных услуг и готовность идти на компромисс в случае разногласий. Когда вкусы схожи, а доверие между гражданами широко распространено, унитарное

управление может быть наиболее подходящим. Когда вкусы расходятся, а доверие отсутствует, оставаться отдельными государствами, скорее всего, будет предпочтительным исходом. Мы полагаем, что демократический федерализм будет наиболее подходящим для той золотой середины, где вкусы различны, но компромисс всё же возможен. Надеемся, что наша работа ока-

жется полезной для тех, кто рассматривает управление для этого срединного пути!»

В целом монография Р. П. Инмана и Д. Л. Рубинфельда объёмна и интересна, отличается междисциплинарностью, что в наши дни актуально и полезно для развития теории и практики современного федерализма. Однако надо помнить и о том, что данную проблематику не стоит чрезмерно идеологизировать.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Глотов Сергей Александрович – доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН;
e-mail: glotov.rgsu@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergei A. Glotov – Dr. Sci. (Law), Prof., Leading Researcher, Department of Law, INION RAS;
e-mail: glotov.rgsu@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Глотов С. А. Рецензия на книгу: Inman R. P., Rubinfeld D. L. *Democratic Federalism. The Economics, Politics, and Law of Federal Governance*. Princeton University Press, 2020. 448 p. // *Московский юридический журнал*. 2024. № 2. С. 107–113.

FOR CITATION

Glotov S. A. Book Review: Inman R. P., Rubinfeld D. L. *Democratic Federalism. The Economics, Politics, and Law of Federal Governance*. Princeton University Press, 2020. 448 p. In: *Moscow Juridical Journal*, 2024, no. 2, pp. 107–113.

К 65-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ПРОФЕССОРА СЕРГЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ГЛОТОВА

Среди представителей правовой науки особое уважение вызывают учёные, успешно сочетающие научную, преподавательскую, общественную и государственную деятельность, постоянно работающие над внедрением своих идей в государственно-политическую практику и активно выполняющие наставническую миссию среди молодёжи. Именно таким учёным является Глотов Сергей Александрович, который в 2024 г. отметил 65-летний юбилей.

Свою профессиональную деятельность российский политик и учёный, доктор юридических наук, профессор, народный депутат РСФСР, депутат Государственной Думы первого, второго и четвёртого созывов Сергей Александрович Глотов начал с офицерских должностей. После защиты в 1996 г. кандидатской диссертации по проблематике политической культуры личности он стал заниматься преподавательской деятельностью. Его энтузиазм и открытость всегда привлекали внимание. Будучи председателем Совета молодых учёных в Краснодарском военном училище, он инициировал ряд учебно-научных проектов, которые были успешно реализованы. Курсантам, будущим инженерам ракетных войск стратегического назначения, нравились занятия по гуманитарным дисциплинам под руководством С. А. Глотова в музее краеведения кубанской столицы.

С 1990 г. С. А. Глотов стал заниматься государственной деятельностью. Будучи избранным народным депутатом РСФСР по Ленинскому району г. Краснодара, он продолжал общаться с курсантами, студенческой молодёжью, мотивируя их к научным исследованиям по актуальным проблемам государственного строительства, активно занимался решением городских вопросов, инициировал создание вместе с Н. И. Кондратенко, будущим кубанским губернатором, краевого патриотического общественно-политического движения. В декабре 1993 г. это движение победило на выборах Законодательного Собрания Краснодарского края.

На Съезде народных депутатов РСФСР С. А. Глотов был избран от кубанской делегации в состав Конституционной комиссии Съезда народных депутатов, в работе которой затем принимал активное участие.

Сергей Александрович Глотов много лет являлся депутатом Государственной Думы Федерального Собрания РФ: 1993–1999 гг. – от г. Краснодара, 2003–2007 гг. от избирательного блока «Родина». В Государственной Думе активно занимался вопросами социально-правового развития государства, был заместителем руководителя фракций «Власть – народу!», «Родина – Патриоты России». Его стремление обеспечить социальную защищённость граждан, создать достойные условия для развития молодёжи всегда находили поддержку у руководства партии.

Как заместителю руководителя депутатской группы и фракции в Государственной Думе, организатору голосования в зале заседания С. А. Глотова приходилось вместе с аппаратом постоянно мониторить часто меняющееся законодательство, готовить протокольные поручения, организовывать парламентские слушания и чтения. Во многом они касались социальной тематики, острых вопросов развития современного российского государства и парламентаризма. Это побудило его обратиться к теоретическим проблемам защиты социальных и экономических прав граждан, предоставления социальной поддержки и сохранения социальных гарантий. В результате появились труды, посвящённые вопросам развития социального государства, в которых раскрыты конструкции социально-экономических отношений и отношений в области культуры, духовной жизни российского общества. Активная и продуктивная деятельность С. А. Глотова по совершенствованию социального законодательства была отмечена грамотами Государственной Думы Федерального Собрания России.

На протяжении многих лет Сергей Александрович активно занимался также вопросами международного сотрудничества. С 1992 по 2000 г. он был членом делегации, ответственным секретарём, руководителем делегации ФС РФ в Парламентской Ассамблее Совета Европы (ПАСЕ).

В 1999 г. С. А. Гловтов получил степень доктора юридических наук. Тема диссертации была связана с вопросами взаимодействия России и Совета Европы. В ней исследовались теоретические и конституционно-правовые проблемы, которые ещё не поднимались и были новыми для отечественного правоведения.

Поддержка известных конституционалистов – Б. С. Эбзеева, О. О. Миронова, С. В. Кабышева, В. О. Лучина, И. Ю. Скуратова, которых Сергей Александрович считает своими учителями, – не только обусловила научные приоритеты (защита прав и свобод человека, поддержка моло-

дёжных инициатив, социальное обеспечение граждан, устойчивое национальное развитие), но и предопределила его решение заняться управленческой деятельностью, в т. ч. в области образования.

В 2000-х гг. он был директором Института прав человека Российского государственного социального университета, проректором по научной работе вуза. В дальнейшем по приглашению доктора юридических наук, профессора С. Н. Бабурина работал проректором Российского торгово-экономического университета. Несмотря на предельную загруженность административными и научно-организационными, государственными и общественными делами, Сергей Александрович читал лекционные курсы по проблематике конституционного и муниципального права, международного права, избирательного права, осуществлял руководство аспирантами и магистрантами с использованием авторских учебников и учебных пособий. В 2000 г. Сергей Александрович получил звание профессора. Его педагогический стаж в высшей школе – более 30 лет.

Организаторский и творческий потенциал С. А. Глотова позволил ему развивать отечественную юридическую научную школу в области прав и свобод человека, теории и практики социального государства, социальной безопасности страны. Под его руководством защитились многие исследователи.

С. А. Гловтов умеет создавать и руководить творческими коллективами. Он всегда был и остаётся активным участником научных мероприятий. Его яркие выступления, на которых предлагаются решения актуальных правовых проблем, всегда вызывают научный интерес у выдающихся учёных и молодых исследователей, с которыми Сергей Александрович умело выстраивает коммуникацию. Это позволяет ему как наставнику последовательно обосновывать в молодёжной среде важность таких конституционно-правовых ценностей, как Родина, семья, традиционные ценности, формировать патриотические

убеждения. Он всегда был сторонником патриотического воспитания молодёжи, и этому, безусловно, способствовала его служба в Вооружённых силах СССР и РФ. Его воинское звание – полковник.

Стремление Сергея Александровича создать правовую основу для устойчивого развития социального обеспечения российских граждан послужило импульсом для опубликования ряда монографических исследований по важнейшим проблемам публичного и частного права. Особо следует отметить работы, посвящённые концепциям развития социального законодательства, ставшие своего рода догмой всего его профессионального пути.

Важно подчеркнуть, что как творчески одарённый государственный деятель С. А. Глотов всегда находится в курсе всех современных тенденций развития государства и права. Им опубликовано свыше 150 работ по проблемам конституционного и международного права¹, и 65-летний юбилей – прекрасный повод для того, чтобы осмыслить то, что ещё осталось не сделанным.

Одна из научных проблем, исследованием которой занимался С. А. Глотов, – социальное государство. Для государства, пережившего серьёзные политические потрясения, вызванные распадом СССР, перестройкой, резким переходом к рыночной экономике, это очень важный вопрос, поскольку изменялась концепция, модель социальной поддержки. Сергей Александрович в своих научных работах последовательно отмечает, что в механизме реализации государственной социальной политики главная роль принадлежит

самому государству, а не рынку, который сам собой не отрегулирует все возникающие проблемы.

Профессор С. А. Глотов – не только признанный учёный-конституционалист, но и специалист в сфере международного публичного права. Цикл его трудов по конституционной и международной тематике включает в себя около двух десятков книг (монографий, учебников, учебных пособий и учебно-методических пособий) по вопросам международных стандартов, конституционно-правового механизма защиты прав человека, обеспечения социальной безопасности государства и личности. В его научных работах существенное внимание уделяется историко-фактологическому материалу, подсказывающему путь решения современных практических проблем.

За свою плодотворную деятельность в области защиты социальных прав граждан Сергей Александрович Глотов был удостоен медали Уполномоченного по правам человека, а за внедрение инновационных предложений в образовательный процесс – медали Н. Н. Моисеева, грамотами Профессорского собрания.

В настоящее время С. А. Глотов как ведущий научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН продолжает исследовать указанные выше проблемы. В сферу его научных интересов также входят избирательный процесс и закономерности влияния «цифровизации» на выборы, ключевые правовые компоненты сохранения и укрепления общественного здоровья, создания условий для ведения здорового образа жизни (ЗОЖ), формирования культуры ответственного отношения граждан к своему здоровью, физической культуры и спорта, здоровой окружающей среды, обеспечения безопасности личности и общества при применении информационных технологий.

Как опытный учёный и педагог Сергей Александрович является экспертом Министерства науки и высшего образования в области научных исследований.

¹ Например: Избирательное право России: учеб. пособие / С. А. Глотов, М. П. Фомиченко, В. Д. Мазаев, М. М. Какителашвили, А. А. Кузнецов. М.: Белый ветер, 2023. 272 с.; Глотов С. А., Мазаев В. Д., Ращупкина М. Г. Социальная политика и социальная безопасность (конституционно-правовой аспект). М.: Белый ветер, 2020. 586 с.; Глотов С. А., Фомиченко М. П. Актуальные вопросы конституционного права стран бывшего СССР и Российской империи. М.: Де Либри, 2020. 736 с.; Конституционное право: учебник / под ред. С. А. Глотова, М. П. Фомиченко. М.: Белый ветер, 2023. 630 с. и др.

Широта взглядов, способность прогнозировать актуальность тем и исследований позволили С. А. Глову войти в состав редколлегий журналов «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право», «Московский юридический журнал», входящих в перечень ВАК, и других изданий.

Позитивная энергия Сергея Александровича, вера в социальную справедливость, опыт государственной деятельности, творческий подход и любовь к Отчизне характеризуют его как уникальную личность учёного и человека, от-

крытого к научному диалогу, сумевшего сохранить преданность науке и добиться высоких результатов.

Желаем Сергею Александровичу Глову крепкого здоровья, дальнейших профессиональных успехов и вдохновения!

*И. А. Умнова-Конюхова,
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник отдела
правоведения ИНИОН РАН;*

*И. А. Алешкова,
кандидат юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник отдела
правоведения ИНИОН РАН*

МОСКОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
2024. № 2

Над номером работали:

Литературный редактор С. Ю. Полякова
Переводчик В. А. Дворянов
Корректор И. К. Глузунов
Компьютерная вёрстка – В. А. Кулакова

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: sj@guppros.ru
сайт: www.lawmgoujournal.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".

Тираж 500 экз. Усл. п. л. 7,5, уч.-изд. л. 9,5.

Подписано в печать: 10.12.2024 г. Дата выхода в свет: 11.12.2024 г. Заказ № 2024/12-13.

Отпечатано в Государственном университете просвещения
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А